RUSSIAN LANGUAGE AT SCHOOL

ISSN 0131–6141 (Print)
ISSN 2619–0966 (Online)

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

2021. Т. 82. № 5

К 220-летию В. И. Даля

О рускомъ словарѣ

…Словарю дано названье: *Словарь живаго великорускаго языка*; въ него должна бы войти вся живая речь нынѣшняго великорускаго поколѣнія…

<… >

Главное вниманье обращалось на языкъ простонародный. Въ языкѣ нашемъ нѣть такихъ говоровъ, каковы областныя наречія западной Европы, гдѣ искаженное на особый ладъ произношенье, взапуски съ мѣстными, нигдѣ болѣе неслыханными выраженіями, вовсе затемняютъ коренной языкъ. Речь наша всюду одинакова; уклоненія от нея такъ ничтожны, что многими и не замѣчаются. Главная отлика – это *высокій* и *низкій* говоръ, наклонность къ гласной *а* или *о*: первая свойствена югу и западу отъ Москвы; вторая – сѣверу и востоку. Строй и складъ речи, граматика одинакова всюду…

<… >

Мы до того шатко знаемъ языкъ свой, что, вздумавъ порусить, пишемъ – какъ читалъ я еще на дняхъ – *позорище* вм. *поприще*, *причалить* вм. *пристать*, *обыденный* вм. *обиходный*, *обознаться* вм. *опознаться* и пр. Такихъ примѣровъ отыщутся не сотни, а тысячи.

<…>

…составитель словаря не укащикъ языку, а служитель, рабъ его; здѣсь можно сказать о всякомъ писателѣ: напишешь перомъ, не вырубишь топоромъ.

<…>

Какой видъ или образъ придать словарю, какъ его расположить? Какъ можно сподручнѣе. Именной и голый список всѣхъ словъ, по азбучному порядку, крайне растянутъ и утомителенъ, требуетъ многихъ повтореній, при толкованіи самыхъ близкихъ, однородныхъ словъ, и разносить ихъ далеко врознь. Расположеніе по корнямъ – и опасно и недоступно; тутъ безъ натяжекъ и произвола не обойдешься, а отысканіе словъ очень затруднительно.

Я избралъ путь средній: всѣ одногнѣздки поставлены въ кучу, и одно слово легко объясняется другимъ. Одногнѣздками называю я глаголъ съ производными: существительными, прилагательными, наречіями и другими частями речи. Но предложныя слова того же гнѣзда отнесены на свое мѣсто, и тамъ нерѣдко образуютъ опять свои гнѣзда и кучки…

(Читано въ Обществѣ Любителей Російской Словесности, въ частномъ его засѣдании 25 февраля и въ публичномъ 6 марта 1860 года)

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК
в школе

Основан в августе 1914 года
Выходит 6 раз в год

Том 82
5
2021

Главный редактор

Наталия Анатольевна Николина, канд. филол. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Зам. главного редактора

Анастасия Евгеньевна Куманяева, канд. пед. наук, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Редактор

Елена Александровна Фролова, канд. филол. наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Компьютерная верстка

К. В. Морозов

Переводчик

А. Н. Овешкова

Редактор перевода

Н. Г. Попова

Корректор

Т. Ю. Смирнова

Редакционный совет

Харри Вальтер, Институт славистики, Грайфсвальдский университет, г. Грайфсвальд, Германия

Алевтина Дмитриевна Дейкина, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Александр Васильевич Зеленин, Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия

Светлана Вениаминовна Иванова, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Леонид Петрович Крысин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Резеда Фаилевна Мухаметшина, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Борис Юстинович Норман, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Сергей Саядович Оганесян, Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Россия

Ильдико Палоши, Университет им. Этвеша Лоранда, г. Будапешт, Венгрия

Марина Николаевна Приемышева,Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Бранко Тошевич, Грацкий университет им. Карла и Франца, г. Грац, Австрийская Республика

Стелла Наумовна Цейтлин, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Ян Кэ, Институт европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуанчжоу, провинция Гуандун, КНР

Редакционная коллегия

Любовь Геннадьевна Антонова, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

***Борис Геннадьевич Бобылев* (*монах Нафанаил*)**, Свято-Духов монастырь, Ливенская епархия, Орловская митрополия, г. Новосиль, Россия

Нина Сергеевна Болотнова, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Юлия Николаевна Гостева, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ирина Нургаиновна Добротина, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ольга Евгеньевна Дроздова, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Елена Ленвладовна Ерохина, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Людмила Геннадьевна Ларионова, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Светлана Васильевна Науменко, Канский педагогический колледж, г. Канск, Красноярский край, Россия

Олег Викторович Никитин, Московский государственный областной университет, г. Мытищи, Россия

Иоанна Ожеховска, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, г. Ольштын, Польша

Наталья Викторовна Патроева, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Татьяна Михайловна Пахнова, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Владимир Маркович Пахомов, справочно-информационный интернет-портал «Грамота.ру»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Екатерина Витальевна Пересветова, школа № 1522 им. В. И. Чуркина, г. Москва, Россия

Вера Анатольевна Пищальникова, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Анна Романик, адъюнкт, Университет в Белостоке, г. Белосток, Польша

Марина Робертовна Шумарина, Балашовский институт, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Балашов, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-80108 от 31 декабря 2020 г.)
ISSN	0131–6141 (Print)
	2619–0966 (Online)
Учредитель и издатель	ООО «Наш язык»
Адрес учредителя и издателя	Большая Андроньевская ул., д. 17, г. Москва, 109544, Россия; телефон: +7 (495) 671-09-85; сайт: https://www.riash.ru/; e-mail: admin@riash.ru
Типография	АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор», ул. Полиграфистов, д. 1, г. Чехов, Московская область, 142300, Россия
Подписано в печать	28.08.2021
Формат	$70x100^{1}/_{16}$
Бумага	офсетная
Печ. л.	8
Тираж	420 экз.
Заказ	
Подписка и распространение	Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Оформить подписку можно через подписные агентства: «Почта России» (индекс П3896), «УралПресс» (индекс 73334), «Прессинформ», «Информ-система», ООО «ИВИС». Приобрести электронную версию журнала можно на сайте: https://www.riash.ru/. Журнал «Русский язык в школе» входит в «Перечень рецензируемых научных изданий...» ВАК РФ по специальностям: 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки) (https://vak.minobrnauki.gov.ru/main). Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования. Журнал «Русский язык в школе» индексируется в 16 российских и международных базах данных, в том числе ERIHPLUS, WorldCat и GoogleScholar. Издание охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 № 5351-1. Любое воспроизведение материалов, размещенных в журнале, запрещается.

The scientific and methodological journal

RUSSIAN LANGUAGE at school

Founded in august 1914
6 issues per year

Vol. 82 · 5 · 2021

Chief Editor

Natalia A. Nikolina, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Deputy Chief Editor

Anastasia E. Kumanyaeva, Cand. of Sci. (Ped.), Company «Our Language», Moscow, Russia

Editor

Elena A. Frolova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Computer Layout

Kirill V. Morozov

Translator

Anna N. Oveshkova

Translation Editor

Natalia G. Popova

Corrector

Tatiana Yu. Smirnova

Editor Council

Harry Walter, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Institute of Slavic Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Alevtina D. Deikina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Aleksandr V. Zelenin, Dr. of Sci. (Philol.), Lecturer, Tampere University, Tampere, Finland

Svetlana V. Ivanova, Dr. of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Ped.), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Scientific Director, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Leonid P. Krysin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Reseda F. Mukhametshina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Boris Yu. Norman, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Sergei S. Oganesyan, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, State Councillor of the Russian Federation of the First Rank, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Ildikó Pálosi, PhD, Senior Lecturer, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

Marina N. Priemysheva, Dr. of Sci. (Philol.), Leading Research Associate, Deputy Director, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Branko Toshevich, Professor, University of Graz, Graz, Republic of Austria

Stella N. Tseitlin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

Yang Ke, Professor, Director, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, Guangdong Province, China

Editorial Board

Lyubov G. Antonova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Yaroslavl Demidov State University, Yaroslavl, Russia

***Boris G. Bobylev* (*Monk Nathanael*)**, Dr. of Sci. (Ped.), Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Svyato-Dukhov Monastery, Livenskaya Eparchy, Orlovskaya Metropolis, Novosil, Russia

Nina S. Bolotnova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Yuliya N. Gosteva, Cand. of Sci. (Ped.), Senior Research Associate, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Irina N. Dobrotina, Cand. of Sci. (Ped.), Researcher Fellow, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Olga E. Drozdova, Dr. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Elena L. Erokhina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Lyudmila G. Larionova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Svetlana V. Naumenko, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Kansk Pedagogical College, Kansk, Krasnoyarsk region, Russia

Oleg V. Nikitin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Region State University, Moscow, Russia

Joanna Ozhehowska, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Warmian-Masurian University of Olsztyn, Olsztyn, Poland

Natalia V. Patroeva, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Tatyana M. Pakhnova, Cand. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Vladimir M. Pakhomov, Cand. of Sci. (Philol.), Chief Editor, Reference and Information Internet-portal «Gramota.ru»; Researcher Fellow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ekaterina V. Peresvetova, Cand. of Sci. (Ped.), Teacher, School No. 1522 named after V. I. Churkin, Moscow, Russia

Vera A. Pishchalnikova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Anna Romanik, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, University of Bialystok, Bialystok, Poland

Marina R. Shumarina, Dr. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Balashov Institute, Saratov State University, Balashov, Russia

---

Name of the body that registered the edition	The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (certificate of 31.12.2020 PI No. FS77-80108)
ISSN	0131–6141 (Print) 2619–0966 (Online)
Founder and publisher	Limited Liability Company "Our Language" ("Nash Yazyk" LLC)
Postal address founder and publisher	17 Bolshaya Andronievskaya str., Moscow, 109544, Russia; telefone: +7 (495) 671-09-85; site: https://www.riash.ru/; e-mail: admin@riash.ru
Printing house	JSC «First Exemplary printing house», branch of «Chekhov Printing House», 1 Poligrafistov str., Chekhov, Moscow region, 142300, Russia
Signed for printing	28.08.2021
Format	$70x100^{1}/_{16}$
Paper	offset
Printed sheet	8
Edition	420 ex.
Ordering	
Subscription and distribution	The journal is distributed by subscription. Free price. A subscription can be entered through the following subscription agencies: Russian Post (index P3896), UralPress (index 73334), Pressinform, Inform-system, IVIS LLC. The electronic version of the journal can be purchased at https://www.riash.ru/. The journal is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Journals of the RF Higher Attestation Commission in the categories: 10.02.01 – Russian language (Philological sciences); 13.00.02 – Theory and methods of teaching and upbringing (by areas and levels of education) (Pedagogical sciences) (https://vak.minobrnauki.gov.ru/main). The journal is registered in the Russian Science Citation Index and 16 Russian and international databases, including ERIHPLUS, WorldCat and GoogleScholar. The content is protected by the RF Law On Copyright and Neighbouring Rights of 09.07.1993 No. 5351-1. Any reproduction of materials published in the journal is prohibited.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

Левушкина О. Н. Словарный урок как основа формирования культуры пользования словарями в процессе обучения русскому языку **7**

Бондаренко М. А. Далев словарь на уроке русского языка и во внеурочной деятельности **15**

Никитина Т. Г., Рогалёва Е. И. Фразеологический словарь в школе и дома: какой выбрать и как использовать **26**

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Малкова Ю. В. Работа с афоризмами в школе (система аналитических, творческих и проектных заданий) **37**

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Геймбух Е. Ю. Гармония и хаос как конститутивные признаки языковой картины мира повести С. Довлатова «Заповедник» (к 80-летию со дня рождения) **48**

Шумских Е. А. Индивидуально-авторская фразеология в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» **56**

Евтушенко О. В. Код Набокова **67**

Якушевич И. В. Языковая организация мифологического двоемирия в стихотворении Б. Пастернака «Ветер» **74**

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Николина Н. А. Тенденции современного глагольного словопроизводства **80**

В МИРЕ СЛОВ

Барандеев А. В. Этимология и орфография топонимов с основой *Гуляй-* **86**

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Приемышева М. Н. «Самая жизнь знакомила, дружила меня всесторонне с языком...» (к 220-летию со дня рождения В. И. Даля) **91**

ХРОНИКА

Никитин О. В. Юбилейные «Ларинские чтения» **99**

Никитин О. В. Международная научная конференция «Метафорическая картина мира современной художественной прозы» **100**

Исаев И. И. Круглый стол «Диалектология и лингвистическая география. 3. Эволюция диалектных систем» **101**

Новикова Т. Ф. Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Далевские чтения» («Дали Даля») **102**

Сергей Павлович Праведников (к 60-летию со дня рождения) **104**

CONTENT

METHODOLOGY AND EXPERIENCE

Levushkina O. N. A vocabulary lesson as a basis for dictionary culture formation in the process of teaching the Russian language **7**

Bondarenko M. A. Dal's dictionary in Russian lessons and extracurricular activity **15**

Nikitina T. G., Rogaleva E. I. An idiom (phraseological) dictionary at school and at home: which to choose and how to use **26**

METHODOLOGICAL MAIL

Malkova Yu. V. Work with aphorisms at school (a system of analytic, creative and project tasks) **37**

LITERARY TEXT ANALYSIS

Gejmbukh E. Yu. Harmony and chaos as constitutive features of the linguistic picture of the world in S. Dovlatov's novella "Nature Reserve" ("Zapovednik") (to the 80th anniversary of the birth) **48**

Shumskikh E. A. Individual author's phraseology in I. S. Turgenev's novel "Home of the Gentry" ("Dvoryanskoe gnezdo") **56**

Evtushenko O. V. The Nabokov code **67**

Yakushevich I. V. Linguistic organization of the duality of mythological worlds in B. Pasternak's poem "Wind" ("Veter") **74**

LINGUISTIC NOTES

Nikolina N. A. Tendencies in modern verbal derivation **80**

IN THE WORLD OF WORDS

Barandeev A. V. The etymology and spelling of the toponyms with the *Gulyay-* stem **86**

LINGUISTIC HERITAGE

Priemysheva M. N. "Life itself acquainted me with and made me become an intimate friend of language..." (to the V. I. Dal's 220th anniversary of the birth) **91**

CHRONICLE

Nikitin O. V. Anniversary "Larin's readings" **99**

Nikitin O. V. The international scientific conference "The metaphorical world picture of modern prose fiction" **100**

Isaev I. I. Round table "Dialectology and linguistic geography. 3. The evolution of dialect systems" **101**

Novikova T. F. The all-Russia (with international participation) scientific and training conference "Dal's readings" ("Dal's horizons") **102**

Sergey Pavlovich Pravednikov (to the 60th anniversary of the birth) **104**

МЕТОДИКА И ОПЫТ

METHODOLOGY AND EXPERIENCE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ **УДК 372.881.161.1**
DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-7-14

Словарный урок как основа формирования культуры пользования словарями в процессе обучения русскому языку

Ольга Николаевна Левушкина
Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, levushkinaon@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8830-0969

Аннотация. В статье обоснована актуальность проблемы формирования культуры пользования словарями как важной составляющей информационной культуры и в целом культуры человека, дано определение понятию «культура пользования словарями». Описан словарный урок как инновационный тип урока русского языка, отличающийся определенной целевой направленностью и особым содержанием, связанным с личностным, метапредметным и предметным уровнями достигаемых при обучении результатов. Роль такого урока состоит в развитии языковой личности обучающегося, обеспечении его познавательной активности, овладении им языковыми нормами и регулятивными навыками. Показан методический инструментарий словарного урока – словарные упражнения. Типология словарных упражнений проиллюстрирована информационно-ориентировочными, деятельностно-семантическими и деятельностно-текстовыми словарными заданиями.

Ключевые слова: информационная культура, культура пользования словарями, инновационный урок русского языка, словарный урок, содержание и методический инструментарий словарного урока, основные характеристики словарного урока, словарные упражнения, виды словарных упражнений, результаты обучения

Для цитирования: *Левушкина О. Н.* Словарный урок как основа формирования культуры пользования словарями в процессе обучения русскому языку // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 7–14. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-7-14.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

A vocabulary lesson as a basis for dictionary culture formation in the process of teaching the Russian language

Olga N. Levushkina
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, levushkinaon@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8830-0969

Abstract. The paper substantiates the relevance of dictionary culture formation as an important component of information culture and personal culture in general. In addition, the concept of "the culture of dictionary use" is defined. The vocabulary lesson is described as an innovative type of Russian lessons; this type is characterised by a specific goal and a specific content related to the personal, meta-subject, and subject levels of the results achieved in the process of education. Such lessons play a significant role in the development of students' linguistic personality; they also stimulate learners' cognitive activity, facilitate the mastering of linguistic norms and the acquisition of self-regulatory skills. Resource materials for a vocabulary lesson, namely vocabulary exercises, are demonstrated. Informational-orientational, activity-semantic, and activity-textual vocabulary tasks illustrate the proposed typology of vocabulary tasks.

© Левушкина О. Н., 2021

Keywords: information culture, dictionary use culture, innovative design of Russian lessons, vocabulary lesson, content and resource materials of a vocabulary lesson, essential features of a vocabulary lesson, vocabulary exercises, types of vocabulary exercises, educational outcomes

For citation: *Levushkina O. N.* A vocabulary lesson as a basis for dictionary culture formation in the process of teaching the Russian language // *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2021. Vol. 82, No. 5. P. 7–14. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-7-14. (In Russ.).

Введение. Информационно-технологическая революция, произошедшая на рубеже XX и XXI вв., обусловила внимание общества к лексикографии. Возникли понятия «информационная культура», «культура пользования словарями». Свидетельством общественного признания установок на самообразование личности, на усвоение норм литературного языка, на формирование навыков использования словарей в учебной и практической деятельности стало объявление государственными праздниками в 2010 г. Дня словарей и энциклопедий, приуроченного ко дню рождения В. И. Даля, в 2011 г. – Дня русского языка, связанного с днем рождения А. С. Пушкина.

Формирование информационной культуры человека – одна из важнейших стратегий современного образования. Э. Г. Азимов и А. Н. Щукин определяют понятие «информационная культура» как «совокупность умений отбирать информацию из потока информации, оценивать ее полезность, целенаправленно использовать при решении поставленных учебных задач»[1]. Современной методической наукой осмысливаются способы эффективного формирования информационной культуры обучающихся в школе, методы обучения ориентации в информационном пространстве, извлечению, восприятию и переработке добытой из достоверных источников информации, приемы ее усвоения и встраивания в собственную картину мира, успешного ее применения и трансляции в собственной когнитивной и коммуникативной практике.

Базовой составляющей информационной культуры является культура пользования словарями, поскольку данное понятие подразумевает прежде всего умение пользоваться справочным инструментарием – извлекать информацию из словарей и энциклопедий. В то же время подчеркнем, что культура пользования словарями – часть общечеловеческой культуры, поскольку «слово, помещенное в словарь, связано с жизнью народа-носителя и творца языка, отражает его историю, систему ценностей, взгляд на мир» [Левушкина 2017: 105]. «Слово, рассмотренное с определенной точки зрения, фиксирует многомерное пространство языка. Словари разных типов, реализуя различные подходы к языку и слову, позволяют увидеть жизнь одного слова под тем или иным углом зрения: его значение (толковые словари), его строение (морфемно-словообразовательные словари), его происхождение (этимологические словари), а также лексические связи слов – схожесть по значению (словари синонимов), противопоставленность по значению (словари антонимов) и др. Словари позволяют ориентироваться в синхроническом и диахроническом плане жизни слова (словари современного языка и этимологические словари, словари концептов)... Словари фиксируют культурные реалии, связанные с той или иной лексемой (лингвострановедческие словари и словари констант культуры, концептов)» [Дейкина, Левушкина, Нефедова 2016: 5, Электронный ресурс]. Словари обладают мощным лингвокультурологическим потенциалом, поскольку в них «концентрируется национальная система понятий, терминов, смыслов и норм, направленная на развитие культурной и языковой картины мира человека»[2], они «необходимы для исторического самопознания и самоописания народа, включая осмысление современной истории и культуры»[3].

[1] *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2018. С. 106.

[2] ДЕНЬСЛОВАРЯ.РФ [Электронный ресурс]. URL: http://xn--80adfe4alise3isb.xn--p1ai/%d0%be-%d0%bd%d0%b0%d1%81/ (дата обращения: 06.07.2021).

[3] Там же.

«Словари способствуют формированию речевой культуры носителей языка, поскольку в них фиксируются нормы произношения, написания слов (орфоэпические и орфографические словари, грамматические справочники и справочники, в которых зафиксированы нормы лексической сочетаемости, словари трудностей русского языка)» [Дейкина, Левушкина, Нефедова 2016: 5, Электронный ресурс]. Следовательно, культура пользования словарями формируется с учетом самобытности языка и адекватного восприятия произведений, на нем написанных, поскольку обращением к словарям обеспечивается верное понимание и интерпретация смыслов художественных произведений, научных и учебных текстов, обогащение лексикона носителя языка, его языковое творчество.

Основополагающим словарем, отражающим особенности русской культуры, стал «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, чей 220-летний юбилей празднуется в ноябре 2021 г. А. Д. Дейкина так характеризует культуроносную роль Словаря В. И. Даля: «Слово в Словаре Даля – это историко-культурный феномен, позволяющий (без догматизма, без вкусовщины, профессионально) осуществлять линию духовно-нравственного воспитания учащихся» [Дейкина 2002: 14].

В ФГОС ООО, принятом в 2021 г., необходимость формирования культуры пользования словарями прослеживается на уровне личностных («ценность научного познания»[4]), метапредметных («работа с информацией»[5]) и предметных результатов («обогащение словарного запаса, расширения объема используемых в речи грамматических языковых средств для свободного выражения мыслей и чувств в соответствии с ситуацией и сферой общения <...> использование словарей синонимов, антонимов, иностранных слов, толковых, орфоэпических, орфографических, фразеологических, морфемных, словообразовательных словарей (в том числе информационно-справочных систем в электронной форме) для осуществления эффективного и оперативного поиска нужной лингвистической информации при построении устного и письменного речевого высказывания <...> овладение основными нормами русского литературного языка (орфоэпическими, лексическими, грамматическими, орфографическими, пунктуационными, стилистическими), нормами речевого этикета»[6]).

Исходя из сформулированных положений, определим *культуру пользования словарями* как часть общечеловеческой информационной культуры и метапредметную образовательную компетенцию, которые проявляются в свободном владении информацией о словарях и энциклопедиях разных типов; в умении ориентироваться в информации, представленной в словарях разных типов и видов, в способах представления информации в статьях различных словарей; в умении вычерпывать полную информацию из словарных статей словарей разных типов; в умении пользоваться словарями и энциклопедиями в учебно-научной и практической деятельности с целью создания собственного устного и письменного высказывания, соответствующего нормам русского литературного языка.

Культура пользования словарями и энциклопедиями формируется прежде всего на уроках русского языка и описана в методике преподавания русского языка. Методические основы работы со словарями на уроках русского языка представлены в вузовских учебниках по методике преподавания русского языка А. В. Текучева [Текучев 1958], Е. А. Бариновой [Баринова 1974], М. Т. Баранова [Методика преподавания русского языка 2001] и др.

М. Т. Баранов придавал формированию умения пользоваться словарями большое социальное значение, так как «оно обеспечивает ученикам в школьные годы и в их дальнейшей взрослой жизни возможность пополнять свои знания о языке, преодолевать лексические затруднения при

[4] Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (Зарегистрирован 05.07.2021 № 64101). С. 46–47 [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027 (дата обращения: 15.08.2021).

[5] Там же. С. 49.

[6] Там же. С. 58.

чтении книг и газет, при слушании радио- и телепередач» [Там же: 249]. Ученый описал методическую систему, способствующую формированию умения пользоваться словарем (понимать то, что такое словарь, знать назначение словаря, знать, как строится словарная статья, уметь вычитывать полную информацию из словарной статьи, в том числе ту, что заключена в грамматических и лексических пометах). М. Т. Барановым создана система работы с лексикографическими понятиями в процессе обучения русскому языку, интегрированная в систему деятельности, которая направлена на обогащение словарного запаса учащихся и ведется «рассредоточенно, параллельно с изучением лексикологических понятий» [Там же], составлены школьные словари для работы с ними на уроках русского языка[7].

Результаты. Ориентация современного процесса обучения на формирование культуры пользования словарями привела к возникновению нового типа урока русского языка – словарного урока. Понятие «словарный урок» появилось благодаря просветительской деятельности, которую ведет Научно-образовательный союз развития языковой и информационной культуры «Родное слово». Идея проведения конкурса «Словарный урок» родилась и была реализована в 2016 г. (конкурс был осмыслен через юбилейную дату – 215-летие со дня рождения В. И. Даля). Не случайно одним из первых конкурсных уроков-победителей был урок Т. Ю. Малковой «Он открыл рудник словесный», посвященный вкладу В. И. Даля в становление словарного дела в России[8]. С того времени конкурс проводится ежегодно, уроки его победителей вывешиваются на сайте организаторов. Работа автора в жюри конкурса, анализ конкурсных материалов позволили осмыслить и обосновать словарный урок как методическую категорию.

Словарный урок – инновационный тип урока русского языка, отличающийся нормативной, лексикографической, шире – информационной ориентацией и направленный на формирование функциональной грамотности обучающихся. Словарные уроки способствуют развитию когнитивных и личностных умений, обеспечивающих успешное функционирование личности в социуме.

Словарные уроки характеризуются определенными целями и особым содержанием.

Целевая направленность словарных уроков обусловлена установкой на достижение обучающимися результатов определенных уровней:

– в области личностных результатов – это приобщение школьников к национальной культуре, осмысление языка как феномена русской культуры, обогащение активного и потенциального словарного запаса обучающихся, формирование потребности в самовыражении через слово;

– в области метапредметных результатов – это развитие информационной культуры обучающихся и ее важной составляющей – культуры пользования словарями, умение понимать высказывания во всех речевых процессах – при слушании и чтении, при создании собственного текста, при говорении или письме на основе обращения к словарям;

– в области предметных результатов – это формирование умений осмысливать изучаемые языковые единицы через обращение к словарям, получать представление о системе языка посредством систематической работы со словарями разных типов, владеть различными способами толкования значения слова.

Содержанием словарного урока является лексическая деятельность (работа со словом, его лексическим значением и употреблением, работа с лексикографическими источниками) и/или текстовая деятельность: текстовоспринимающая, интерпретирующая и текстообразующая [Болотнова 2009], опосредованная работой со словарями и направленная на понимание и правильное употребление языковых единиц.

[7] *Баранов М. Т.* Школьный орфографический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1995. 239 с.; *Баранов М. Т.* Школьный словарь образования слов русского языка. М.: Просвещение, 1997. 383 с.

[8] «Он открыл рудник словесный...». Вклад В. И. Даля в становление словарного дела в России [Электронный ресурс]. URL: http://xn--80adfe4alise3isb.xn--p1ai/%d0%be%d0%bd-%d0%be%d1%82%d0%ba%d1%80%d1%8b%d0%bb-%d1%80%d1%83%d0%b4%d0%bd%d0%b8%d0%ba-%d1%81%d0%bb%d0%be%d0%b2%d0%b5%d1%81%d0%bd%d1%8b%d0%b9/ (дата обращения: 17.06.2021).

Назовем важные характеристики словарного урока:

– ориентация на личностное развитие обучающегося (все результаты, достигаемые на подобном уроке, продвигают обучающегося к осмыслению собственной позиции в отношении языка как феномена национальной культуры, к формированию языковой картины мира, системы ценностей, мировоззрения в целом);

– когнитивность (направленность учебной деятельности на понимание лексического значения слова и осмысление его семантического поля, нормативных аспектов употребления, на понимание текста);

– коммуникативность (формирование коммуникативной компетенции, развитие всех видов речевой деятельности);

– нормативность (организация учебной деятельности, способствующей наилучшему освоению обучающимися норм русского литературного языка);

– текстоориентированность (реализация текстоцентрического подхода, формирование умения понимать текст, создавать свой текст в соответствии с языковыми нормами);

– практикоориентированный, деятельностный характер словарного урока (обучение определенным видам деятельности, формирование практических умений пользоваться словарями с целью познания, понимания, коммуникации, установка на постижение роли языковых средств в тексте).

Дадим более полную и конкретную характеристику особенностям словарного урока как инновационного типа урока. Обобщая перечисленные особенности, определим ***словарный урок*** как инновационный тип уроков русского языка, основными особенностями которого являются направленность на формирование культуры пользования словарями и активная работа с лексикографическими источниками, ориентация на формирование функциональной грамотности обучающихся. Словарный урок предполагает приобщение школьников к культурно-языковому полю нации, осмысление ими языка как феномена русской культуры, формирование информационной культуры. С точки зрения содержания словарный урок, как уже отмечалось, определяется такими особенностями, как ориентация на личностное развитие школьников, на формирование у них когнитивных и коммуникативных способностей, нормативность, текстоориентированность, практикоориентированный, деятельностный характер.

В зависимости от целей и содержания, словарные уроки могут быть уроками *знакомства со словарями*, уроками *работы со словарями*, уроками *работы с текстом с использованием словарей*, *комбинированными уроками*. Уроки знакомства со словарями посвящены определенным словарям или группе словарей, способам представления в них информации о языковых явлениях. Уроки работы со словарями формируют умения школьников использовать словари в познавательной и речетворческой деятельности (в работе со словом и текстом). Комбинированные уроки могут совмещать названные элементы.

Словарные уроки отличаются применением специфического методического инструментария – определенного типа упражнений, которые могут называться словарными. ***Словарные упражнения*** специфичны и различаются по методической направленности. Мы выделяем такие виды упражнений, как *информационно-ориентировочные*, *деятельностно-семантические* и *деятельностно-текстовые*.

Система словарных упражнений представлена в практико-ориентированном разделе «Мастерские словарей» учебника по русскому языку для X–XI классов А. Д. Дейкиной и др. (М.: Просвещение, 2021; в печати). Приведем примеры.

Информационно-ориентировочные упражнения способствуют формированию умений ориентироваться в мире словарей, а значит, и знаний о видах словарей и умений использовать тот тип словарей, который необходим в конкретной ситуации.

Сведения о том, из какого словаря приведена информация о слове, могут стать основой для собственного умозаключения на определенную тему. Например:

• Прочитайте словарные статьи к одному слову из разных словарей. Какие из статей взяты из орфографического словаря? Докажите это. Опираясь на предложенный материал, расскажите об истории правописания данного слова.

1) Придти́, см. приходить (Даль).

2) Придти́, -сь. См. прийти, -сь (Ушаков, 1935–1940).

3) Прийти́, приду́, придёт, прош. пришёл, пришла́ (Полный орфографический словарь русского языка, 2012).

Деятельностно-семантические упражнения строятся на работе со словом, формируют умения понимать значение слова, получать полную информацию о слове из словарных статей словарей разных типов, самостоятельно толковать значение слова, используя для этого различные способы семантизации. Примеры упражнений данного вида:

• Рассмотрите статьи из «Школьного морфемного словаря русского языка» Н. А. Николиной (М., 2010). Расскажите о словах все, что сказано о них в данных статьях.

1. Добр-о-со́вест-н-о *нареч.*
2. Мечт-а́-тельн-ость-□
3. Мест-о-жи́-тель-ств-о
4. По-зна-ва́-тельн-ый
5. Про-чт-е́ни-е [j □] (Ø // и)

• Познакомьтесь со статьями из «Школьного словаря образования слов русского языка» М. Т. Баранова (М., 1997). Сформулируйте, какую информацию о слове он содержит, в отличие от морфемного словаря.

1. Бакале́й|н|ый (прил.) ← бакале́[йа]
2. Завхо́з (сущ., *м.*) ← заве́дующий хозя́йством (сложение сокращ. основ; *з'//з; в'//в*; утрата всех удар.; приобретение нового удар.)
3. Зага́доч|н|ый (прил.) ← зага́дка (ноль зв.//*о*; *к//ч*)

Жизнь слова невозможно увидеть без работы с текстом. Работа со словом и работа с текстом на уроках русского языка неразрывно и органично взаимосвязаны. Поэтому основным видом словарных упражнений служат ***деятельностно-текстовые*** упражнения, развивающие все виды текстовой деятельности (текстовоспринимающей, интерпретирующей, текстообразующей). Деятельностно-текстовые задания по своей природе являются комплексными, поскольку ориентированы на комплексное развитие умений в области и текстовоспринимающей, и интерпретирующей, и текстообразующей текстовой деятельности. Приведем фрагмент такого комплексного упражнения, сам текст которого предполагает знакомство учащихся со словарями русского языка, историей русской лексикографии. Учащиеся выполняют задания по развитию навыка смыслового чтения (например, найти аргумент в тексте), которые органично интегрированы с интерпретирующими (расскажите о том, почему...) и текстообразующими (например, приведите свои аргументы, подготовьте сообщение об особенностях словаря...).

• Познакомьтесь с текстом, составленным по материалам книги Л. П. Крысина «Рассказы о русских словарях» (М., 2011). Найдите в тексте ответ на вопрос: как называется раздел языкознания, занимающийся вопросами составления словарей и их изучения?

Лексические богатства русского языка впервые были представлены в «Словаре Академии Российской», изданном в 1789–1794 гг. Собиранием материалов для этого словаря занимались Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, И. Ф. Богданович, А. И. Мусин-Пушкин и другие известные деятели русской литературы. Словарь был впоследствии переработан и издан под названием «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» в 1806–1822 гг.

В 1834 г. издан «Общий церковно-славяно-российский словарь» (80 000 слов), а в 1847 г. Российская академия наук осуществила издание «Словаря церковнославянского и русского языка» (более 10 000 слов) в четырех томах. Словари неоднократно переиздавались.

Особую страницу в истории отечественной лексикографии занимает «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, который впервые был издан в 1863–1866 гг., а затем выдержал еще ряд изданий. Словарь В. И. Даля – уникальное явление в отечественной лексикографии. Это самый большой по объему толковый словарь: в нем более 200 000 слов. Словарь отражает лексический состав русского языка середины XIX в.

Изменения, произошедшие в России в начале XX в. в социальной, экономической и политической сферах, были отражены в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Четыре тома этого словаря, содержащего более 85 000 слов, вышли в 1935–1940 гг. Это был словарь, новаторский для своего времени. Новаторство было в типах толкования слов, в системе стилистических помет, в том, что словарь был нормативным, помогал усвоить образцовый, правильный язык.

Состояние русского языка середины XX в. было отражено в однотомном «Словаре русского языка» С. И. Ожегова, ставшим наиболее распространенным однотомным толковым словарем

современного русского языка. Первое издание словаря вышло в 1949 г. В последующих изданиях состав словника обновлялся, а в толкования слов и в иллюстративный материал вносились уточнения. После смерти автора в 1964 г. этот словарь начиная с 1972 г. выходил под редакцией Н. Ю. Шведовой и выдержал более 20 изданий.

К достижениям современной отечественной лексикографии относится издание академических толковых словарей – «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах и «Словаря русского языка» в 4 томах. Первый словарь принято называть Большим академическим словарем (БАС) – он содержит более 120 000 слов, второй – Малым академическим словарем (МАС) – он содержит более 82 000 слов <...>.

Ответьте на вопросы, выполните задания:

1) Известный российский лингвист В. В. Колесов напрямую связывает расцвет русской литературы в XIX в. со словарями, созданными в XVIII в. Расскажите об этих словарях. Согласны ли вы с мнением В. В. Колесова? Приведите свои аргументы.

2) Почему Словарь В. И. Даля – уникальное явление в отечественной лексикографии? Найдите аргументы в тексте, приведите свои аргументы.

3) Проектное задание. Подготовьте сообщение об особенностях Словаря В. И. Даля, об истории его создания и современных его оценках.

4) Расскажите о том, почему «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова был новаторским для своего времени. Найдите аргументы в тексте, приведите свои аргументы.

5) Проектное задание. Подготовьте сообщение об особенностях «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова.

6) Расскажите о том, почему «Словарь русского языка» С. И. Ожегова оказался наиболее универсальным толковым словарем. Найдите аргументы в тексте, приведите свои аргументы.

7) Проектное задание. Подготовьте сообщение об истории создания и особенностях «Словаря русского языка» С. И. Ожегова.

Приведем примеры ***интерпретирующих и текстообразующих словарных упражнений:***

• Прочитайте высказывания известных лингвистов о словарях. Сформулируйте основную мысль текстов. Выразите согласие или несогласие с автором. Приведите свои аргументы.

1. Словарь языка не должен давать и не дает ни анализа, ни даже полного описания предметов и явлений; он «толкует» значение слова или различные значения, если их несколько, и указывает случаи употребления слов, снабжая свои объяснения там, где нужно, примерами, в значительной степени взятыми из литературы (Д. Н. Ушаков).

2. Словарь... должен охватывать все богатство русского литературного языка с его лексической семантикой в пределах его развития от эпохи Пушкина и до наших дней, он должен являться проводником правильного понимания социального значения слов русского языка и руководством к общепринятому употреблению слов и оборотов речи в их значениях и формах (Л. В. Щерба).

• Представьте себе, что вы блогер и ведете лингвистический блог. Составьте для этого блога обзоры словарей: возьмите по одному словарю каждого типа.

Выводы. Подводя итоги, отметим, что антропоцентрическая образовательная парадигма, ее когнитивная и аксиологическая направленность стали основой для формирования уроков русского языка новых типов. Одним из таких инновационных типов уроков стал словарный урок, методология которого осмысливается в соответствии с задачами формирования информационной культуры обучающихся, их культуры пользования словарями. В современной методике обучения русскому языку активно происходит осмысление целевых установок, особенностей содержания и методического инструментария словарного урока.

Основными характеристиками словарного урока являются направленность на формирование культуры пользования словарями, работа с лексикографическими источниками. Словарные уроки имеют яркую личностную ориентированность, способствуют формированию лингвистического мышления, языковой картины мира, в целом мировоззрения. Когнитивная и коммуникативная направленность, нормативность, текстоориентированность и практикоориентированность делают словарные уроки необходимым и востребованным типом современных инновационных уроков русского языка. Словарные уроки отличаются от других уроков использованием словарных упражнений: информационно-ориентировочных, деятельностно-семантических и деятельностно-текстовых.

Системная реализация словарных уроков в учебном процессе, их построение в соответствии с описанной в статье

методологией способствуют развитию знаний о системе словарей русского языка, позволяют формировать у школьников культуру пользования словарями как часть их информационной культуры, развивать функциональную грамотность, в целом способствовать развитию их личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баринова Е. А.* Методика русского языка: учеб. пособие для фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1974. 368 с.

2. *Болотнова Н. С.* Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус: учеб. пособие для студентов. М.: Флинта: Наука, 2009. 381 с.

3. *Дейкина А. Д.* Труды В. И. Даля как средство духовно-нравственного воспитания в процессе обучения русскому языку // Отечественная лексикография – школе: материалы межвуз. науч.-практ. конф., 16 нояб. 2001 г. / сост.: Т. М. Пахнова, В. Д. Янченко; под ред. А. Д. Дейкиной. М.; Ярославль: Ремдер, 2002. С. 12–14.

4. *Дейкина А. Д., Левушкина О. Н., Нефедова Н. А.* Дополнительные материалы к методическим рекомендациям по проведению Словарных уроков в рамках государственного праздника «День словаря». М., 2016. 205 с. [Электронный ресурс]. URL: http://xn--80adfe4alise3isb.xn--p1ai/wp-content/uploads/2016/10/MR_2.pdf (дата обращения: 06.07.2021).

5. *Левушкина О. Н.* Работа со словарями как когнитивная стратегия современного образования // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 99–105.

6. Методика преподавания русского языка в школе: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская и др.; под ред. М. Т. Баранова. М.: ИЦ «Академия», 2001. 368 с.

7. *Текучев А. В.* Методика русского языка в средней школе. М.: Учпедгиз, 1958. 528 с.

REFERENCES

1. *Barinova E. A.* Methodology of the Russian language: a textbook for the faculties of the Russian language and literature of pedagogical institutes. Moscow: Education publ., 1974. 368 p. (In Russ.).

2. *Bolotnova N. S.* Communicative stylistics of the text: dictionary-thesaurus: a textbook for students. Moscow: Flinta: Nauka publ., 2009. 381 p. (In Russ.).

3. *Deikina A. D.* Proceedings of V. I. Dal as a means of spiritual and moral education in the process of teaching the Russian language. Pakhnova T. M., Yanchenko V. D., Deikina A. D. (ed.). *Otechestvennaya lexicography – schkole: materialy mezhvuz. nauch.-prakt. konf. = Domestic lexicography – school: materials of interuniversity scientific and practical conference*, 16 November 2001. Moscow, Yaroslavl': Remder publ., 2002. P. 12–14. (In Russ.).

4. *Deikina A. D., Levushkina O. N., Nefedova N. A.* Additional materials to methodological recommendations for conducting vocabulary lessons within the framework of the public holiday "Dictionary Day". Moscow: 2016. 205 p. Available at: http://xn--80adfe4alise3isb.xn--p1ai/wp-content/uploads/2016/10/MR_2.pdf (accessed: 06.07.2021). (In Russ.).

5. *Levushkina O. N.* Work with dictionaries as a cognitive strategy of modern education. *Mir russkogo slova = The world of Russian word.* 2017. No. 2. P. 99–105. (In Russ.).

6. *Baranov M. T., Ippolitova N. A., Ladyzhenskaya T. A.* et al. Methods of teaching the Russian language at school: a textbook for students of higher pedagogical educational institutions. Moscow: Academy, 2001. 368 p. (In Russ.).

7. *Tekuchev A. V.* Methodology of the Russian language in secondary school. Moscow: Uchpedgiz, 1958. 528 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Николаевна Левушкина, *доктор педагогических наук, профессор, кафедра методики преподавания русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет*

Olga N. Levushkina, *Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Department of Methods of Teaching the Russian Language, Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University*

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 13.06.2021; принята к публикации 21.07.2021.

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 13.06.2021; accepted for publication 21.07.2021.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ **УДК 372.881.161.1**
DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-15-25

Далев словарь на уроке русского языка и во внеурочной деятельности

Марина Анатольевна Бондаренко
Академия труда и социальных отношений, г. Москва, Россия, marbondina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1202-9375

Аннотация. В статье анализируются возможности использования «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля на уроках русского языка и во внеурочной деятельности, в том числе при подготовке проектно-исследовательских заданий. Использованы методы анализа научных, учебно-методических и официальных источников; метод наблюдения; поисковый метод; сопоставительный анализ; анализ полученных эмпирических данных; метод моделирования. Представлены задания с использованием трудов Даля не только при изучении лексики, но и при изучении истории языка, в темах по словообразованию, синтаксису, пунктуации, орфографии, а также в процессе формирования исследовательских навыков во внеурочной деятельности. Кроме того, предложено использование Словаря Даля при изучении естественно-научных дисциплин. В статье представлены разнообразные приемы работы, в том числе лексический комментарий, сбор данных, лингвистическая разминка, анализ, имитация, занимательные задания. Сделан вывод о широких возможностях Словаря В. И. Даля в формировании значимых компетенций современных учащихся.

Ключевые слова: В. И. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка», методика преподавания русского языка, исследовательская и проектная деятельность, функциональная читательская грамотность, информационно-коммуникационные ресурсы, групповая работа

Для цитирования: *Бондаренко М. А.* Далев словарь на уроке русского языка и во внеурочной деятельности // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 15–25. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-15-25.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Dal's dictionary in Russian lessons and extracurricular activity

Marina A. Bondarenko
Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia, marbondina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1202-9375

Abstract. The paper explores the potential for use of "The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" by V. I. Dal in Russian lessons and extracurricular activities, including preparation of research project tasks. To achieve the objectives of the study, a literature review of sources (research, educational and methodological, official), observation, search method, comparative analysis, empirical data analysis, and modelling were employed in the research. A system of tasks designed with the help of Dal's works is presented; such exercises can be used not only in vocabulary learning, but also while studying the history of the language and its word formation, syntax, punctuation, orthography. Moreover, these tasks facilitate the formation of research skills in extracurricular activity. In addition, it is suggested that Dal's Dictionary be utilised in science teaching. The paper presents a variety of teaching activities such as lexical commentary, data collection, language warm-up exercises, analysis, imitation, entertaining tasks. It is concluded that V. I. Dal's Dictionary has enormous potential for the formation of modern learners' important competences.

Keywords: V. I. Dal, The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, methodology of teaching Russian, research activity and project work, functional reading literacy, informational-communicative resources, group work

For citation: *Bondarenko M. A.* Dal's dictionary in Russian lessons and extracurricular activity // *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2021. Vol. 82, No. 5. P. 15–25. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-15-25. (In Russ.).

Введение. Умение использовать различные лингвистические словари (толковые, нормативные, фразеологические, морфемные, словообразовательные, этимологические), формирование знаний о назначении различных видов словарей и их строении входит в число предметных результатов освоения основной образовательной

© Бондаренко М. А., 2021

программы, достижение которых предусмотрено ФГОС основного общего образования при изучении русского языка[1].

Формирование у учащихся в процессе изучения русского языка устойчивых навыков обращения к словарям разного типа, прежде всего лингвистическим, использования их как в учебной деятельности, так и за ее пределами, является важнейшей составляющей и в становлении функциональной грамотности школьников, значительное место в которой занимает читательская грамотность, которая «рассматривается как способность понимать письменные тексты, размышлять о них, читать для достижения своих целей, в том числе для расширения знаний и участия в социальной жизни, использовать текст как средство, инструмент и пособие в постоянно возникающих и меняющихся проблемных ситуациях» [Бондаренко 2020, Электронный ресурс].

В развитии способности учащихся анализировать информацию, представленную в текстах различными способами, выявлять закономерности, находить противоречия (это индикаторы функциональной читательской грамотности) неоценимую роль способны сыграть толковые словари, в самой значительной степени – «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. И это одновременно с достижением таких предметных результатов, как систематизация научных знаний о языке, освоение базовых понятий лингвистики, формирование навыков проведения различных видов анализа слова, обогащение словарного запаса, овладение основными ресурсами лексики и фразеологии, основными нормами литературного языка[2].

Обращение к материалам, связанным с жизнью и деятельностью В. И. Даля, кроме того, весьма продуктивно также и в плане достижения личностных результатов обучения, поскольку эта подлинно ренессансная фигура являет собой образец истинного патриота. Всю свою жизнь, на любом поприще, в любом месте своего Отечества и за его пределами, в делах военных, государственных (в отставку Даль вышел действительным статским советником, т. е. чиновником 4-го класса, что соответствовало чину генерал-майора), общественных (среди заслуг Даля – создание зоологического отдела Оренбургского краеведческого музея), в занятиях науками, в числе которых медицина, этнография, география, биология, фольклористика, педагогика (он автор двух учебников – «Ботаника» и «Зоология») и, разумеется, лексикография, в литературных трудах Даль отдавал все свои силы служению тому делу, к которому призвала его любовь к русскому народу и Отечеству. Не будучи русским по крови (отец его, как известно, был датчанином, а мать обрусевшей немкой), он был русским всеми своими чаяниями и подвижничеством, заявляя об этом так: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или иной народности. Дух, душа человека – вот где надо искать принадлежность его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа – мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски» [Полевой 1883: XXXI].

Все это позволяет предположить, что обращение к главному, сделавшему Даля величайшим явлением русской культуры, признанным во всем мире, – к его знаменитому Словарю, – должно быть представлено в школе в полной мере. В то же время, как показывает анализ учебников русского языка, Даль и его Словарь хотя и отражаются в них, но, как считают и педагоги, и методисты, в недостаточном объеме (см.: [Котовец 2018]; [Львов 2002]). В определенной мере объяснением этому может служить отнесение словаря Даля к диалектным. Хотя неоднократно учеными данный тезис опротестовывался: «"Толковый словарь живого великорусского языка" В. И. Даля не является в строгом смысле слова "областническим" (диалектным), как иногда его называют» [Николенко, Николина 2002: 179],

[1] Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (Зарегистрирован 05.07.2021 № 64101). [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027 (дата обращения: 15.08.2021).

[2] Там же.

ограниченное суждение о творении Даля остается достаточно распространенным в среде современных филологов.

Недостаточное внимание к Словарю Даля в учебниках частично компенсируется обращением к личности лексикографа и к его труду в методических материалах[3]. Например, Г. М. Кулаева рекомендует использовать коммуникативно-речевые упражнения на материале встречи А. С. Пушкина и В. И. Даля в Оренбурге, считая, что привлечение богатого этнографического материала способно послужить «источником для интеллектуального и эмоционального диалога со школьниками о миросозерцании, менталитете русского народа» [Кулаева 2018: 150]. Работа над составлением различных тематических словарей, например «осеннего словаря», предлагается с обязательным привлечением Словаря В. И. Даля [Бондаренко 2013: 7]. Без обращения к данному источнику невозможно серьезное выполнение проектных и исследовательских работ, варианты организации которых предложены в специальных пособиях[4]. Для внеурочной деятельности разрабатываются планы различного рода выставок, викторин, инсценировок, тематических вечеров[5], формулируются разнообразные конкурсные задания, основанные на материалах жизни В. И. Даля, лингвистические задания, задания с пословицами и загадками, входящими в Словарь и в другую знаменитую книгу лексикографа – «Пословицы русского народа» [Виноградова 2011].

Интерес к «Толковому словарю живого великорусского языка» в научном сообществе не подлежит сомнению, причем обращение к этому труду можно встретить в работах не только лингвистов, но и краеведов, историков, востоковедов, биологов, медиков, литературоведов (см., например: [Моршинина 2016]; [Ростов 2020]). Такое внимание к личности и трудам В. И. Даля подтверждает сохранение его высокого статуса в русской культуре и накладывает на современного учителя обязательства по активному использованию материалов о личности Даля и его Словаря на уроках русского языка и во внеурочной деятельности: «Словарь Даля – это Книга для чтения, которую каждый из нас обязан внести в список умных книг, воспитывающих характер, укрепляющих наш дух, помогающих нам своими ценностными ориентирами и питающих нас чистым и благодатным *живым* словом» [Никитин 2016: 106].

Обсуждение. В рамках данной статьи мы, разумеется, не ставим перед собой цель представить в полной мере всю систему использования материалов Далева словаря, но предлагаем те направления, по которым может пойти учитель, признающий значимость такой работы с учащимися.

Более обстоятельное знакомство с личностью В. И. Даля, первоначальные сведения о котором учащиеся получают в V и VI классах с опорой на задания, представленные в учебниках (например, в формате работы над лингвистическим текстом[6] и над сжатым изложением[7]), необходимо школьникам более старшего возраста, когда у них сформировались определенные личные предпочтения в профессиональном плане и имеется опыт исследовательской работы, в том числе опыт сбора материалов с помощью информационно-коммуникационных ресурсов.

Работу можно организовать, например, в формате «заседания» Общества любителей российской словесности, на котором обсуждается прием в члены этого общества Владимира Ивановича Даля, или в форме круглого стола памяти Владимира Даля, или провести научные чтения, посвященные ему. В своих выступлениях о жизни

[3] *Дейкина А. Д., Пахнова Т. М.* В. И. Даль и его словарь. Русский язык. Дидактические материалы. М.: Вербум-М, 2001. 64 с.

[4] См., например: *Бондаренко М. А.* Русский язык. Проекты и творческие задания. 8 класс. М.: Просвещение, 2019. С. 18; 107; *Бондаренко М. А.* Русский язык. Проекты и творческие задания. 9 класс. М.: Просвещение, 2019. С. 18; 47.

[5] См., например: Хранитель великорусского языка: К 215-летию со дня рождения В. И. Даля: методико-библиографическое пособие / ГБУК «СКУНБ им. Лермонтова»; сост. Т. Н. Кузьменко, Н. А. Ткаченко; отв. за вып. В. И. Белик. Ставрополь, 2016.

[6] Русский язык. 6 класс: учебник / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос, В. В. Львов. 9-е изд., стер. М., 2020. С. 47–48.

[7] Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 1 / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова и др. М., 2019. С. 71–72.

В. И. Даля учащиеся смогут отразить многогранность личности этого выдающегося человека, его талант ученого, его мужество воина, его способность на неординарные поступки: «Даль – участник русско-турецкой войны», «Польский поход и подвиг Даля при переправе через Вислу», «Даль – талантливый глазной хирург и гомеопат», «Деятельность Даля в Оренбургском крае», «Даль в Хивинском походе», «Пушкин и Даль», «Даль – академик», «Даль – собиратель фольклора», «Даль – литератор», «Даль и Грот. Споры о Словаре».

Стоит рекомендовать учащимся использовать в работе авторитетные материалы, например биографический очерк П. И. Мельникова-Печерского[8], впервые опубликованный в «Русском вестнике» в 1873 г.; «Воспоминание о В. И. Дале (с извлечениями из его писем)» Я. К. Грота[9]; книгу В. И. Порудоминского, изданную в серии «Жизнь замечательных людей»[10]; монографию «Жизнь и творчество В. И. Даля в Оренбурге»[11]; речи (статьи) самого Даля, читанные им на заседаниях Общества любителей российской словесности и традиционно открывающие первый том его Словаря: «Напутное слово», «О русском словаре», «О наречиях русского языка», а также его «Напутное» в книге «Пословицы русского народа». Работа такого типа может рассматриваться как проектно-исследовательская, и в старших классах, где подготовку проектов и исследовательскую работу рекомендуется проводить в междисциплинарном формате, весьма продуктивно обращение к материалам, связанным с деятельностью Даля, в том числе в классах с определенной профессиональной направленностью (медицинских, кадетских, педагогических, естественно-научных, филологических и пр.). Можно предусмотреть использование и других форм, помимо названных, например подготовку экскурсии по виртуальному музею, проведение интеллектуального марафона, создание интерактивной карты поездок Даля, разработку учебных материалов с использованием Словаря Даля для основной школы.

Формирование интереса к личности Даля, потребности обращения к его Словарю – процесс постепенный, но значимый в том числе для развития интереса к русскому языку, который нередко воспринимается учащимися как достаточно сухой, малоувлекательный учебный предмет. Систематическое включение в уроки русского языка Далевой «книги для чтения» способствует и повышению мотивации к изучению языка, его истории, и развитию устойчивых представлений о его структуре, тесных внутренних языковых связях.

В пятом классе именно Словарь Даля способен стать наглядной иллюстрацией развития графической системы русского языка при изучении темы «Алфавит»: в нем содержится азбука, предшествующая словнику и включающая в себя 35 букв, а также реальные иллюстрации тех букв, которые из нее исключены – «и десятеричное» (і), ять (ѣ), фита (ѳ) и ижица (ѵ). Пятиклассники также назовут буквы, имеющиеся в современном языке, но в Далевом словаре отсутствующие – *ё* и *й*, подумают над причиной их отсутствия и над причиной исключения из азбуки названных выше знаков. Можно предложить учащимся прочитать статьи, с которых начинаются словники на каждую из букв, определить, сколько слов, начинающихся с этих букв, представлено в Словаре, и проследить «судьбу» некоторых из них, в частности слов *иероглиф*, *июнь*, *июль*, а также найти примеры слов с этими буквами в середине. При этом навык смыслового чтения можно проверить, например, таким вопросом: Почему «и с точкой» называлась «десятеричным», а обычное *и* – «восьмеричным»?

[8] Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале П. И. Мельникова-Печерского можно прочитать на: Lib.ru/Классика [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/m/melxnikowpecherskij_p/text_1873_vospominaniya_o_dale.shtml (дата обращения: 15.05.2021).

[9] Эта публикация практически полностью составлена из писем В. И. Даля. Данный источник находится в открытом доступе на сайте РГБ: URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01004109903#?page=1 (дата обращения: 15.05.2021).

[10] *Порудоминский В. И.* Даль. М.: Молодая гвардия, 1974. 384 с.

[11] Жизнь и творчество В. И. Даля в Оренбурге: монография / Г. П. Матвиевская [и др.]. М., 2011. Монография представлена в Научной электронной библиотеке РАЕ: URL: https://monographies.ru/ru/book/view?id=134 (дата обращения: 15.05.2021).

Индивидуальное задание может быть связано с поиском в Интернете старых открыток с этими и другими буквами, а также сбор выражений, в состав которых входят старинные названия букв. Последнее задание рекомендуется выполнять с использованием статей о буквах и статей по названиям букв (например, «ф» и «ферт»), поскольку во многие из них включены пословицы, поговорки, шутки, фразеологизмы (*Сперва аз да буки, а там и все науки*; *Прочитал от аза до ижицы*; *Аз да всему горазд*; *Знать на ять*; *Стоять фертом*; *Буки букашки, глагол таракашки*; *Ер да еры упали с горы* и пр.). Эту работу можно провести и по группам, предложить учащимся в том числе представить буквы как цифровые знаки, а также прокомментировать информацию о словах, с этих букв начинающихся, обратив внимание на то, характерны ли такие слова для русского языка или являются свидетельством их иноязычного происхождения, например:

А	**Ю**
Русских[12] слов с буквы *а* почти нет, если не признать такими гл. *акать*, *аукать*, *ахать* и давно усвоенных: *ад*, *артель*, *атаман*, *алый* и пр.[13]	Кроме двух-трех латинских слов да немногих инородческих, остальные слова этой буквы русские[14].

Таким образом, уже на этапе первоначального знакомства со Словарем Даля пятиклассники могут увидеть, какой материал включают словарные статьи этого необычного словотолка, причем с этого момента учитель может рекомендовать учащимся обращаться к Словарю Даля за справками о словах, встречающихся и в упражнениях по русскому языку, и в художественных текстах, изучаемых на уроках литературы, и при освоении других учебных предметов – истории, географии, биологии, математики, принимая во внимание не только непосредственное толкование слова, но и содержащиеся в статье подробности, касающиеся того или иного предмета.

Вот, например, выдержка из статьи «Почва» (данное понятие осваивается при изучении географии):

Почва... поверхность земли, верхний слой ее, по качеству своему, или по возвышенью, уровню, как основанье местного уровня, подошва. *Почва тучная, чернозем*, растительный перегной, *теплая*, *жаркая*. *Холодная почва*, сырая, мокрая, болотная, либо: белая, известковая, иловатая; бывает: *песчаная*, *глинистая*, *каменистая*, *болотная*, *кислая*, *легкая*, *тяжелая*, *пресная*, *суглинок*, *рыхляк*, *лудяк*, *супесь*, *захлесть* (*нанос*), *хрящ*, *меловая*, *иловатая*, *солончак* и пр.[15]

При переходе к изучению раздела «Лексикология» у учащихся уже будет представление о том, что такое толковый словарь, какую информацию о слове он дает, и дальнейшая работа с лексическими понятиями, например с синонимами, также может опираться на материалы Словаря Даля, поскольку толкование слова с помощью подбора синонимов является в нем одним из ведущих приемов при создании словарных статей, причем можно взять в качестве иллюстрации слово как исконное, так и заимствованное:

Гармония – соответствие, созвучие, соразмерность, равновесие, равномерность, равнозвучие, взаимность, соотношение, согласие[16].

Врать – лгать, обманывать словами... говорить неправду, вопреки истине; говорить вздор, небылицу, пустяки; пустословить... молоть языком[17].

Второй пример можно использовать для сопоставления словарной статьи Словаря Даля и толкового словаря современного русского языка, а также для сравнения со статьями в словарях синонимов.

Врать (соврать), лгать (солгать), выдумывать, вымышлять, измышлять, обманывать, сочинять, присочинять... прибавлять, фантазировать; заговариваться, завраться, зарапортоваться, переврать; говорить неправду, уклониться от истины; отлить пулю, сморозить[18]

[12] Все выдержки из Словаря Даля даются в современной орфографии.

[13] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1994. С. 1.

[14] *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 4. С. 666.

[15] *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 3. С. 369.

[16] Там же. С. 344.

[17] Даль В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 259.

[18] *Абрамов Н.* Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1998. С. 80.

Лгать, обманывать, врать *разг.*, сочинять *разг.*, брехать *груб.-прост.*, заливать *прост.*[19]
Врать, *разг.* 1. Говорить неправду; сочинять небылицы; лгать, обманывать. 2. Фальшивить, ошибаться (в пении, музыке и т. п.). 3. Неверно показывать, быть неточным (о приборах, таблицах и т. п.)[20]

При изучении раздела «Лексикология» в шестом классе представление об объеме материалов, нашедших отражение в Словаре Даля, расширится при изучении диалектных, профессиональных слов, терминов и фразеологии «разных ремесел, цехов и профессий» [Виноградов 1977: 227]. Фактически Словарь Даля содержит в себе несколько терминологических словарей, причем представляет профессиональную терминологию детально, «с большим знанием дела и исключительным мастерством» [Канкава 1958: 329]. Это связано с тем, что Даль знаком был с этими понятиями и предметами не понаслышке, а потому, что и сам занимался многими ремесленными работами, имел возможность познакомиться с разнообразными производствами и промыслами.

Работа с научными терминами и профессиональными словами может быть организована и в мини-группах, и в индивидуальном формате, поскольку тематически в Словаре представлено большое число таких слов. При сборе материала стоит обращаться к электронным ресурсам, например к сайту СЛОВАРИ.РУ (совместный проект Института русского языка им. В. В. Виноградова и компании «Словари.ру»: http://slovari.ru), где зарегистрированные пользователи могут искать слова, делая запрос по сокращениям, использованным Далем, например: *воен.* (военное); *мед.* (медицинское) и др. В список слов, вводимых группой в свой мини-словник, будут включаться и слова, не имеющие соответствующих помет, например в группу медицинских слов можно внести слова *истерика*, *фиброзный*, *фармакология*, *гомеопатия*, *эпилепсия* и др.

Сбор слов, тематически связанных, можно предложить в том числе по следующим направлениям (даны некоторые примеры):

Воен. (военное)	Авангард, аванпост, дефилировать
Морск. (морское) Флотск. (флотское)	Абордаж, барка, штурман, брам, топсель; фок – нижний парус на передней мачте
Бот., ботан. (ботаническое) Раст. (растение)	Блюдечко – частица некоторых растений; двудольный; андромеда – Andromeda, бесплодница, тундрица, багульник, пьяная трава, болотник; алоэ; базилик – душистый василек, васильки пахучие, Ocymum basilicum
Врачебн. (врачебное) Мед. (медицинское) Хирург. (хирургическое)	Антонов огонь. Истерика – женская (изредка и мужская) нервическая болезнь, известная бесконечным разнообразием припадков, более шумных, чем опасных[21]. Кесарево сечение, *хирург.*, одна из самых важных операций: вынутие младенца из утробы, через разрез; от предания, будто бы Юлий Кесарь увидел свет этим способом[22]
Сапожн. (сапожничье дело)	Чеканка, шпандырь, кроильница, шпилька, капик, наколюшка
Химич. (химическое)	Окись или окисел – простое (несложное) вещество в соединении с кислородом
Физич. (физическое)	Гигрометрия, микрометр, непроницаемость

[19] Словарь синонимов / ред. А. П. Евгеньева. М.: Наука, 1976. С. 214.

[20] Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Так же, как и словарь синонимов Н. Абрамова, данный словарь в электронном виде представлен на портале ГРАМОТА.РУ (URL: http://gramota.ru). Поиск осуществляется по слову.

[21] *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 59.

[22] Там же. С. 106.

Астрнм. (астрономическое)	Азимут, амплитуда, восходящий узел. Весы – седьмое из 12 созвездий зодиака; седьмой знак эклиптики, в который солнце вступает 11 сентября[23]
Юрид. (юридическое)	Алиби, диффамация
Столярн. (столярное) Слесарн. (слесарное), Плотнц., плтнц. (плотницкое)	Зашпонить, торцевать, терпуг, фуганок, филенка. Прихват, зенкель. Заглушка, скобка, сковородить, собачка
Пчлвд. (пчеловодческое)	Пашня, вешка, кузов, отборок

Аналогичным образом можно построить работу и по сбору диалектных слов, в том числе с учетом интересов школьников. Работу можно провести методом сопоставления общелитературного варианта и областных вариантов, а также сопоставления последних между собой, с расшифровкой использованных Далем сокращений (последнее поможет увидеть широкий охват размещенных в Словаре региональных слов и составить карту наречий, представленных у Даля), с выявлением слов, которые являются диалектизмами лексическими, отсутствующими в литературном языке, и семантическими, т. е. отличающимися значением от литературного варианта, например:

Баран – барька *ниж.*, курпя, курпяч *орнб.*, тулучун *сиб.*, котька *ряз.*, бяшка, бырька *кур. вор.* (нижегородское; оренбургское; сибирское; рязанское; курское; воронежское)
Воложный *ряз. тмб. арх. кстр.* жирный, масляный, сдобный, скоромный; вкусный, лакомый. *Воложный стол – тощий карман* (рязанское, тамбовское, архангельское, костромское)
Досевки *ряз.* окончание озимого посева и гулянки по этому поводу; обычно на третий Спас или ко Флору, 18 авг. (рязанское)
Сиротка *твр.* пустая гречишная каша. ‖ *Юж.* рыбка ерш (тверское, южное)
Юбка *вят. тул.* род безрукавой кофты, на помочах, у крестьянок (вятское, тульское)
Товарка *нврс.* подруга, подружка, другиня; пособница, помощница, участница в деле (новороссийское)
Балда – увесистая деревянная колотушка, разного вида; *влгд.* дылда, болван, балбес, долговязый и неуклюжий дурень; *ряз.* шалава, бестолковый; сплетник, баламут; *кстр.* дурак, тупица, малоумный (вологодское, рязанское, костромское)

В дальнейшем, при изучении творчества русских писателей, в произведениях которых присутствует региональная лексика («Записки охотника» И. С. Тургенева, «Обломов» И. А. Гончарова, «Деревня» И. А. Бунина, стихотворения С. А. Есенина и др.), можно будет использовать данный опыт при подготовке лексического комментария.

Работу со Словарем Даля можно проводить в рамках лингвистических разминок, в том числе в форматах «Это интересно», «Знаете ли вы, что...», «Попробуйте угадать» и др. Учащиеся сами могут подбирать такой материал, тем более что интересных слов и этнографических фактов у Даля предостаточно. Учитель рекомендует сопровождать ответы выдержками-иллюстрациями из Словаря. Вот, к примеру, как необычно объясняет Даль значение слова *кенгуру*:

Кангуру, кенгуру *м.* животное Океании, двуутробка, сумчатка, похожее по наружности на наших тушканов и табарганов (земляных зайчиков), но бывающее величиною с овцу[24].

Можно формулировать вопросы-загадки: «Чем связаны между собой *горничная* и *Змей Горыныч*?»; «Какого человека за пределами русских сказок можно назвать *Змеем Горынычем*?»; «Что общего между *полентой* и *мамалыгой*?»; «Как связаны между собой наряд старухи из сказки Пушкина: *Парчовая на маковке кичка* и призыв волжских разбойников *Сарынь на кичку?*»; «Может ли мужчина носить *сарафан*?»; «Как вы думаете, значение какого иноязычного слова Даль объясняет через такие синонимы: *погремушка*, *гремок*, *побрякушка*?».

Можно предложить и такого типа задание: «В “Сказке о царе Салтане...”

[23] *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 333.

[24] *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 84.

А. С. Пушкина только четыре героя имеют собственные имена. Это *Салтан*, *Гвидон*, *Бабариха* и дядька *Черномор*. Кто из перечисленных героев состоит в ближайшем родстве? В каком? Почему Пушкин пишет: "...А царевич хоть и злится, но жалеет он очей старой бабушки своей..."?» Ответ мы получим, обратившись к тексту сказки и к Словарю Даля, определяя значения слов *сватья* (*С сватьей бабой Бабарихой*) и *бабариха*: «Бабариха *шуточ.* баба, женка, женщина; баба-бабариха, в сказках»[25]. Можно предложить «разобраться» с именами и других героев русских сказок (*Снегурочка*, *Лель, Несмеяна*, *Крошечка-Хаврошечка*).

Интересный и разнообразный материал учащиеся смогут найти в Словаре Даля при изучении фразеологии. Задания, связанные с фразеологией, могут носить разнообразный характер, включать в том числе перечень тех выражений, которые учащимся мало известны, например:

турусы на колесах, шерочка с машерочкой, сапоги всмятку, отставной козы барабанщик, лыком шит, строить куры, колокола лить, лыжи наострить, положить зубы на полку.

Кроме того, можно предложить учащимся собрать фразеологизмы и пословицы с определенными словами: *голова*, *гусь*, *правда*, *собака*, *свинья*, *нос, ветер*, *ключ* и др., а также провести «конкурс» между фразеологизмами, в состав которых входят слова, обозначающие домашних животных: с какими из них больше устойчивых оборотов речи.

Не менее интересно можно организовать и работу со Словарем Даля при изучении способов словообразования, чему способствует гнездовой способ построения Словаря. Учащимся можно предложить построение словообразовательных цепочек с опорой на статьи Словаря Даля с определением способов образования слов (в том числе потенциально возможных, окказиональных, придуманных самим Далем) и сравнение статей словообразовательного словаря А. Н. Тихонова с Далевым словарем. Работу можно оформить в виде карточек.

Словарь В. И. Даля	**Словарь А. Н. Тихонова**
Барин[26], *барыня*[27], баринов, *барынин*, *барский*, баристый, *барство*, *барич*, *барчонок*, *барчук*, барча, барчуков, *барышня*, баричев, барчонков, барчаткин, *барышнин*, бариться, барничать, забарничать, забариться, набарничать, избариться, побариться, побарничать, перебариться, разбариться, барничанье, барничество, *барствовать*, *барщина*, *барщинный*, барщинский, *барщинник* (-ница)	**Барин**[28], *барыня*, барынька, *барынин*, *барышня*, *барышнин*, *барич*, *барчук*, *барчонок*, *барство*, барственный, *барщина*, *барщинник*, *барщинный*, *барский*, барски, по-барски, барственно, барственность, *барствовать*, забарствовать, отбарствовать, побарствовать, старобарский
33 производных слова	23 производных слова

При сопоставлении таким образом подготовленных материалов учащиеся выявляют, какие слова появились в XX в., определяют их частеречную принадлежность и способы образования. Сопоставление данных выдержек помогает увидеть наличие у Даля большего числа притяжательных прилагательных, отсутствие наречий, а также сравнить производные глаголы: у Даля образованные разными способами от глагола *бариться* со значением 'корчить барина, силиться уподобиться барам по внешности, по приемам, роду жизни', у Тихонова – приставочным от глагола *барствовать* со значением 'жить по-барски, в безделье, роскоши и праздности'.

В рамках изучения способов словообразования интерес могут представлять иноязычные слова, которые зафиксированы Далем в процессе «врастания этой лексики в общенародный язык» [Канкава 1958: 336]. Учащиеся могут проанализировать, через какие словообразовательные средства русского языка происходило усвоение чужих слов, их обрусение. Это важно в том числе по той причине, что нередко

[25] *Даль В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 34.
[26] Там же. С. 49.
[27] Курсивом выделены слова, которые есть в обоих словарях.
[28] *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 91.

учащиеся относят слова к иноязычным, ориентируясь на корень, не учитывая, что слово с данным корнем должно рассматриваться как исконное, например *кофе* – заимствованное из арабского посредством голландского, а *кофейный*, *кофейня*, *кофейник*, *кофейничать* (эти слова представлены у Даля) – исконные. Учащиеся могут распределиться для работы «по буквам», например на букву *г* рассмотреть *гармония*, *гипноз*, *гранит*, *галантерея*, *гвардия*, *гениальный* и др. При этом дополнить каждое из этих слов теми, которые у Даля отсутствуют, но в современном языке есть, с указанием способа образования каждого слова.

Можно выбрать и другое основание для сбора материалов, например, ориентируясь на то, что само существительное, заимствованное русским языком, не приспособилось к его грамматической системе (не изменяется), но дало жизнь новым словам (как в примере со словом *кофе*): *шоссе*, *буржуа*, *пальто*, *табу*, *резюме*, *безе*, *плиссе*, указывая при этом, представлены ли производные слова у Даля.

Выполнение данных заданий будет способствовать и расширению лексического запаса учащихся, и усвоению правописания слов. С последней целью можно использовать и другие материалы Словаря Даля, поскольку орфографическая норма со времени создания Словаря изменилась, точнее сказать – утвердилась. На становление этой нормы в определенной мере повлиял и В. И. Даль, разработавший свою орфографическую систему, нашедшую отражение в «Напутном слове», которое было представлено членам Общества любителей российской словесности в 1862 г. (публикуется в первом томе Словаря).

В. И. Даль предлагает исключить «лишние» буквы (і, ѣ, ѳ, ѵ), без надобности не удваивать согласные (это было связано прежде всего с правописанием корней иноязычных слов, которые в разных словарях предлагалось писать по-разному), предложные наречия по возможности писать слитно, приставки *без-* и *чрез-* менять на *бес-* и *чрес-* перед глухими согласными. Многие орфографические идеи Даля носили прогрессивный характер, а поскольку он привык все свои мысли воплощать в жизнь, то они и нашли отражение в его Словаре, оказав определенное влияние на развитие русской орфографической мысли (см. подробнее: [Науменко 2011]).

Подбор иллюстративного материала в Словаре Даля при изучении правописания наречий, слов с приставками на *-з/-с*, отглагольных прилагательных и причастий (с одной-двумя буквами *н*) может способствовать выработке орфографической зоркости учащихся.

Словарь Даля может быть также использован при изучении синтаксиса и пунктуации в VIII и IX классах в совокупности с лексической работой, в том числе при подготовке лексического комментария к художественным текстам (например, к «Евгению Онегину», «Горю от ума», «Мертвым душам»). Много иллюстраций можно найти в Словаре Даля при изучении способов выражения главных и второстепенных членов предложения (*К чистому поганое не пристанет*); составных именных сказуемых, часто встречающихся в пословицах, входящих у Даля в словарные статьи (*Сыр калача белее, а мать мачехи милее*); при изучении безличных предложений, например при подборе безличных глаголов, которые сопровождаются у Даля пометой *безличн.*, и односоставных предложений (*У него ни на полушку совести нет*; *От беды ни откреститься, ни отмолиться*).

Богатый материал для наблюдения над использованием тире между подлежащим и сказуемым (*Молчание – знак согласия*; *С казною судиться – своим поступиться*; *Сердце без тайности – пустая грамота*; *Праздность – мать пороков*; *Без дела жить – только небо коптить*; *Лентяй да шалопай – два родных брата*), в неполном предложении (*Горбатого исправит могила, а упрямого – дубина*), при бессоюзной связи (*Мир с ума сойдет – на цепь не посадишь*; *Воду толочь – вода и будет*; *Проленишься – и хлеба лишишься*) предлагает и сам Словарь, и «Пословицы русского народа», так же как и постановку других знаков препинания в сложных предложениях:

Дома – не в гостях: посидев, не уйдешь; За что ни хватись, все в люди катись; Не плачь, рожь, что продам за грош: весна придет – все заплачу, а назад ворочу; Милости прошу к нашему шалашу: я пирогов покрошу и откушать попрошу; Сколько ни думай, а лучше хлеба-соли не

придумаешь; Кто переносит вести, тому бы на день плетей по двести.

Выводы. Думается, что представленный в статье материал может стать доказательством того, что Далев словарь способен стать спутником на протяжении всей жизни, будучи книгой не менее интересной, чем полезной, недаром вот уже полтора столетия после выхода из печати ее первого издания в 1863–1866 гг. она не перестает волновать умы ученых, доставлять удовольствие читателю, приносить пользу нашему Отечеству, как того и желал Владимир Иванович Даль.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондаренко М. А.* Роль гуманитарных дисциплин и задачи педагогов в формировании функциональной грамотности обучающихся [Электронный ресурс] // Образование Ямала: электронный журнал. 2020. № 23. URL: http://yamal-obr.ru/articles/rol-gumanitarnikh-distsiplin-i-zadachi-p/ (дата публикации: февраль 2020 г.).

2. *Бондаренко М. А.* Приемы работы с текстом при подготовке к ЕГЭ // Русский язык в школе. 2013. № 2. С. 3–9.

3. *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка // *Виноградов В. В.* Лексикология и лексикография: избр. труды / отв. ред. и авт. предисл. В. Г. Костомаров. М., 1977. С. 206–242.

4. *Виноградова О. Н.* Путешествие по следам деяний Далевых (Лингвистическая викторина для учащихся V–VII классов) // Русский язык в школе. 2011. № 8. С. 40–45.

5. *Канкава М. В.* В. И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958. 356 с.

6. *Котовец Д. В.* В. И. Даль на страницах школьных учебников по русскому языку // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей II Международного симпозиума: в 2 т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Симферополь: Ариал, 2018. С. 60–66.

7. *Кулаева Г. М.* Коммуникативно-речевой аспект использования слова о В. И. Дале на уроках русского языка // Четвертые Моисеевские чтения: национальные и региональные особенности языка: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Оренбург: Оренбургская книга, 2018. С. 149–153.

8. *Львов В. В.* В. И. Даль и его «Словарь» в современных учебниках для общеобразовательной школы // В. И. Даль и Общество любителей российской словесности: сборник / отв. ред. В. П. Нерознак; сост. Р. Н. Клеймёнова. СПб.: Златоуст, 2002. С. 287–291.

9. *Моршинина Г. М., Тишкова Е. Ю.* Медицинские термины в словаре В. И. Даля // Оренбургский медицинский вестник. 2016. Т. 4., № 1 (13). С. 27–34.

10. *Науменко С. В.* «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля в истории русской орфографии // Русский язык в школе. 2011. № 11. С. 69–76.

11. *Никитин О. В.* Книга для чтения (К 150-летию словаря В. И. Даля) // Русская речь. 2016. № 6. С. 99–106.

12. *Николенко Л. В., Николина Н. А.* Концепция языка в работах В. И. Даля // В. И. Даль и Общество любителей российской словесности: сборник / отв. ред. В. П. Нерознак; сост. Р. Н. Клеймёнова. СПб.: Златоуст, 2002. С. 172–180.

13. *Полевой П. Н.* Владимир Иванович Даль. Биографический очерк // Сочинения В. И. Даля. Повести и рассказы. Т. 1. СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1883. С. III–XXXI.

14. *Ростов О. Р., Тамаев П. М.* Пословица не на ветер молвится: народный рассказ В. И. Даля «Мастеровой человек нигде не пропадет» в зеркале русских паремий и «Толкового словаря живого великорусского языка» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Т. 6, № 3. С. 128–141. DOI: 10.22250/2410-7190_2020_6_3_128_141.

REFERENCES

1. *Bondarenko M. A.* The role of humanitarian disciplines and the tasks of teachers in the formation of functional literacy of students. *Elektronnyy zhurnal "Obrazovaniye Yamala" = Electronic journal "Education of Yamal".* [Electronic resource]. URL: http://yamal-obr.ru/articles/rol-gumanitarnikh-distsiplin-i-zadachi-p/ (publication date: 02.2020; accessed: 06 July 2021). (In Russ.).

2. *Bondarenko M. A.* Methods of working with texts at preparation for the Single State Exam. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2013. No. 2. P. 3–9. (In Russ.).

3. *Vinogradov V. V.* Explanatory dictionaries of the Russian. *Lexicology and lexicography.* Moscow, 1977. P. 206–242. (In Russ.).

4. *Vinogradova O. N.* Traveling in the footsteps of the Dal's deeds (Linguistic quiz for students of grades V–VII). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2011. No. 8. P. 40–45. (In Russ.).

5. *Kankava M. V.* V. I. Dal as a Lexicographer. Tbilisi, 1958. (In Russ.).

6. *Kotovets D. V.* V. I. Dal on the pages of school textbooks on the Russian language. *Russkii yazyk v polikulturnom mire: Sb. st. II Mezhdunarodnogo*

simpoziuma = Russian language in the multicultural world. Collection of materials of II International symposium. Simferopol, 2018. P. 60–66. (In Russ.).

7. *Kulaeva G. M*. Communicative-speech aspect of using the word about V. I. Dal in the lessons of the Russian. *Chetvortye Moiseyevskie chteniya: natsi-onalnye i regionalnye osobennosti yazyka: Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii = Fourth Moiseev Readings: national and regional peculiarities of the language: Materials of the All-Russian (with international participation) scientific conference*. Orenburg, 2018. P.149–153. (In Russ.)

8. *Lvov V. V*. V. I. Dal and his "Dictionary" in modern textbooks for secondary schools. *V. I. Dal and the society of lovers of Russian literature*. Saint-Petersburg, 2002. P. 287–291. (In Russ.).

9. *Morshinina G. M., Tishkova E. Yu*. Medical terms in the dictionary of V. I. Dal. *Orenburgskii meditsinskii vestnik = Orenburg medical bulletin*. 2016. Vol. 4, No.1 (13). P. 27–34. (In Russ.).

10. *Naumenko S. V*. The dictionary of live great Russian in the history of Russian orthography. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2011. No. 1. P. 69–76. (In Russ.)

11. *Nikitin O. V*. Book for reading (to the 150-th anniversary of the dictionary of V. I. Dal). *Russkaya rech = Russian speech*. 2016. No. 6. P. 99–106. (In Russ.).

12. *Nikolenko L. V., Nikolina N. A*. The concept of language in the works of V. I. Dal. *V. I. Dal and the Society of lovers of Russian Literature*. Saint- Petersburg, 2002. P. 172–180. (In Russ.).

13. *Polevoy P. N*. Vladimir Ivanovich Dal. Biographical sketch. Works of V. I. Dal. Stories and stories. Vol. 1. Saint-Petersburg, 1883. P. III–XXXI. (In Russ.).

14. *Rostov O. R., Tamayev P. V*. A proverb does not utter to the wind: folk story by V. I. Dal "A skilled craftsman will not get lost anywhere" in the mirror of Russian paremias and the explanatory dictionary of the living great Russian language. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika = Theoretical and Applied Linguistics*. 2020. Vol. 6, No. 3. P. 128–141. DOI: 10.22250/24107190_2020_6_3_128_141. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марина Анатольевна Бондаренко, *кандидат педагогических наук, профессор, кафедра филологии, социально-гуманитарный факультет, Академия труда и социальных отношений*

Marina A. Bondarenko, *Cand. of Sci. (Ped.), Professor, Chair of Philology, Department of Social Sciences and Humanities, Academy of Labour and Social Relations*

Статья поступила в редакцию 03.06.2021; одобрена после рецензирования 12.06.2021; принята к публикации 21.07.2021.

The article was submitted 03.06.2021; approved after reviewing 12.06.2021; accepted for publication 21.07.2021.

Уважаемые подписчики!

Благодарим вас за поддержку журнала и интерес к нему. В знак признательности приглашаем подписчиков на серию закрытых вебинаров. Мы планируем проводить такие вебинары один раз в месяц. На них будут выступать известные ученые-лингвисты и методисты, авторы статей и члены редколлегии журнала. Надеемся, что в дальнейшем при вашем живом интересе вебинары станут основой для создания профессионального обучающегося сообщества, настоящей школой повышения квалификации не только для молодого, но и опытного учителя.

Просим вас подтвердить связь с журналом отправкой квитанции о подписке (в любом формате) на почту редакции admin@riash.ru. В ответ мы вышлем вам приглашение на первый закрытый вебинар для подписчиков.

С благодарностью за сотрудничество
Наталия Анатольевна Николина,
главный редактор

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ **УДК 372.881.161.1**
DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-26-36

Фразеологический словарь в школе и дома: какой выбрать и как использовать

Татьяна Геннадьевна Никитина[1], Елена Ивановна Рогалёва[2]
[1], [2] *Псковский государственный университет, г. Псков, Россия*
[1] *cambala2007@yandex.ru, http: orcid.org/0000-0001-9006-9738*
[2] *fno-timgo@yandex.ru, http: orcid.org/0000-0001-9963-4203*

Аннотация. В статье представлены результаты анализа современных школьных фразеологических словарей с лингвистической и лингвометодической точек зрения. Цель статьи – показать читателям, и прежде всего учителям русского языка, возможности использования данных фразеологических словарей в школьной практике, предложить рекомендации по организации работы с фразеологическим словарем как справочником, учебным пособием и книгой для семейного чтения. Применение авторами статьи методов компонентного, контекстуального, историко-этимологического и лингвокультурологического анализа, а также методики этимологического парафразирования и лингвометодического фразеографического конструирования позволило разработать концепцию интерактивной аспектной и комплексной учебной репрезентации фразеологизмов, которая реализована в опубликованных словарях и также представлена в статье. Внимание учителя – пользователя фразеологических словарей – обращается на выявленные в ходе их анализа недочеты в оформлении таких параметров словарной статьи, как заголовок, толкование оборота и этимологический комментарий. Даются рекомендации по выбору словарей, корректно репрезентирующих фразеологизмы. Инновационные учебные фразеологические словари, соответствующие деятельностному подходу в обучении, представлены в статье материалами Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ. Методически значимым в этих проектах является соотнесение параметрических зон словарных статей с уровнями освоения фразеологизма. Работа с занимательным этимологическим словарем на уроке и дома формирует у юного читателя исследовательские качества, позволяет освоить насыщенный культурно-исторический фон фразеологизмов. Фразеологический словарь-практикум расширяет активный фразеологический запас школьника, развивает речевые навыки. Словари в рассказах, рекомендуемые для семейного чтения, предлагают читателям увлекательную сюжетную репрезентацию фразеологизмов, содержат разноплановые задания для совместного творчества взрослых и детей. Таким образом, проведенное сравнение современных учебных фразеологических словарей должно помочь учителю выбрать необходимый словарь и организовать работу с ним в соответствии с намеченными целями и задачами.

Ключевые слова: русский язык, фразеология, лексикография, школьный словарь, фразеологический словарь, этимологический словарь, словарь-практикум

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–18–00091, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Для цитирования: *Никитина Т. Г., Рогалёва Е. И.* Фразеологический словарь в школе и дома: какой выбрать и как использовать // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 26–36. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-26-36.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

An idiom (phraseological) dictionary at school and at home: which to choose and how to use

Tatiana G. Nikitina[1], Elena I. Rogaleva[2]
[1], [2] *Pskov State University, Pskov, Russia*
[1] *cambala2007@yandex.ru, http: orcid.org/0000-0001-9006-9738*
[2] *fno-timgo@yandex.ru, http: orcid.org/0000-0001-9963-4203*

© Никитина Т. Г., Рогалёва Е. И., 2021

Abstract. The paper presents the results obtained by analysing modern learners' idiom dictionaries. The analysis was performed from linguistic and linguistic-methodological perspectives. The aim of the study is to show readers, primarily teachers of the Russian language, the ways of using data from idiom dictionaries in school practice; to propose guidelines on organising learners' work with an idiom dictionary which is understood as a book of reference, a workbook, and a book for family reading. The application of componential, contextual, historical-etymological, linguoculturological analysis in conjunction with the techniques of etymological paraphrase and linguistic-methodological phraseographic construction enabled the authors of the paper to develop a conception of interactive aspectual and multifaceted presentation of idioms in learner's dictionaries. The proposed conception is realized in published dictionaries and is also demonstrated in this research paper. The performed analysis of several idiom dictionaries revealed drawbacks in the formatting of such aspects of dictionary entries as the headword, the idiom definition, and the etymological commentary. The attention of those teachers who use idiom dictionaries is drawn to the mentioned shortcomings. Recommendations for choosing dictionaries presenting idioms correctly are formulated. Innovative learner's idiom dictionaries (i.e. materials created in the Experimental laboratory of learners' lexicography at Pskov State University) described in this paper comply with the activity approach in teaching. The correlation between the levels of mastering idioms and the parametric zones of dictionary entries in these projects is methodologically significant. Working with engaging etymological dictionaries in the classroom and at home develops young readers' research skills, enables them to become familiar with the rich cultural and historical background of idioms. An idiom dictionary-practicum expands students' active phraseological vocabulary and hones their speech skills. Dictionaries in stories recommended for family reading offer readers an engaging plot presentation of idioms and additionally contain a variety of tasks for joint creative work of adults and children. Thus, this comparison of modern learners' idiom dictionaries should help teachers to select the most suitable dictionary and utilise it in class work according to the aims and objectives they want to achieve.

Keywords: Russian language, phraseology, lexicography, learner's dictionary, idiom dictionary, etymological dictionary, dictionary-practicum

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20–18–00091 conducted at Saint-Petersburg State University).

For citation: *Nikitina T. G., Rogaleva E. I.* An idiom (phraseological) dictionary at school and at home: which to choose and how to use // *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2021. Vol. 82, No. 5. P. 26–36. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-26-36. (In Russ.).

Введение. Лингводидактический и лингвокультурологический потенциал русских фразеологизмов без преувеличения неисчерпаем. Его исследуют лингвисты и методисты, раскрывают в своих разработках и на уроках учителя-практики. Десятки статей, написанных в последние годы и отражающих проблематику изучения фразеологии школьниками, посвящены методическим принципам и подходам к учебной репрезентации фразеологизмов, аспектам изучения фразеологии, особенностям работы с фразеологизмами в разных возрастных и этнических группах школьников (см., например: [Жесткова 2014]; [Чиликова 2018]). Однако при этом в учебниках русского языка, например для начальной школы, где особенно важно заложить у детей основы владения фразеологией, этот культуроемкий и специфический в языковом плане материал представлен фрагментарно, работа с ним ведется эпизодически, что не удивительно, если в соответствии с образовательной программой на изучение фразеологии отводится 2 часа (например, УМК «Школа России», III класс) или 1 час (УМК «Школа России», IV класс)[1]. И даже в учебнике А. В. Поляковой «Русский язык» (I–IV) (УМК «Система Л. Н. Занкова»)[2], где фразеология представлена более широко, работа с ней сводится к семантизации и этимологизации оборотов, отсутствуют коммуникативно ориентированные упражнения с фразеологизмами, а фразеологический словарик дает лишь лаконичные толкования оборотов без каких-либо функционально-прагматических комментариев. В учебниках

[1] *Канакина В. П.* Русский язык. Методическое пособие с поурочными разработками. 3 класс: учеб. пособие для общеобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 2017. С. 43; *Канакина В. П.* Русский язык. Методическое пособие с поурочными разработками. 3 класс: учеб. пособие для общеобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 2017. С. 51; *Канакина В. П.* Русский язык. Методическое пособие с поурочными разработками. 4 класс: учеб. пособие для общеобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 1. М.: Просвещение, 2017. С. 27.

[2] *Полякова А. В.* Русский язык. 4 класс: учебник: в 2 ч. М.: Просвещение, 2019; *Полякова А. В.* Русский язык. 3 класс: учебник: в 2 ч. М.: Просвещение, 2017.

русского языка для основной школы, где теме «Фразеология» отводятся специальные разделы, также не всегда учащиеся получают исчерпывающую семантизацию фразеологизмов, их происхождение и культурный фон остаются не раскрытыми, шутливые иллюстрации, эксплицирующие внутреннюю форму оборотов, не выводят школьников на самостоятельное раскрытие механизма фраземообразования, отдельные формулировки положений, касающихся теории фразеологии, по мнению специалистов, нуждаются в корректировке [Антонов, Гончаров, Щербакова 2014]. В такой ситуации очевидна необходимость обращения к фразеологическому словарю как для учителя, готовящегося к уроку, так и для школьника, самостоятельно или под руководством учителя в классе работающего с фразеологическим материалом учебника.

Авторы немногочисленных методических статей, посвященных использованию фразеологических словарей как средства обучения, чаще всего рассматривают их в ряду других лексикографических источников, представляя общие принципы и приемы формирования у учащихся навыков работы со словарями, а отдельные статьи, обобщающие опыт использования конкретных традиционных и инновационных фразеологических словарей (см., например: [Павлова 2018]), не успевают удовлетворять потребности учителей в методическом руководстве при все возрастающем объеме фразеографической продукции центральных и региональных издательств.

Цель данной статьи – сориентировать читателей в активно пополняющемся новыми словарями фразеографическом пространстве, познакомить со словарными разработками Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского государственного университета, предложить рекомендации по организации работы с фразеологическим словарем как справочником, учебным пособием и книгой для семейного чтения.

Методы. Содержание современных учебных фразеологических словарей было проанализировано нами на предмет соответствия принципам научной достоверности, методической целесообразности, комплексности, доступности посредством описательного метода (наблюдение, анализ и синтез, систематизация, обобщение, интерпретация). При разработке собственных словарных материалов, представляемых в данной статье, использовались методы лингвистического анализа применительно к фразеологическому материалу: компонентный и контекстуальный анализ (исследование содержательной стороны и особенностей функционирования фразеологизмов), лингвокультурологический анализ (выявление специфики их культурного фона), историко-этимологический анализ и структурно-семантическое моделирование (верификация версии происхождения фразеологизма, раскрытие механизма фраземообразования), а также авторская методика лингвометодически ориентированного лексикографического моделирования [Рогалёва 2014], представленная совокупностью текстообразующих приемов и тактик этимологизирующего парафразирования.

Обсуждение. Пользование словарем как справочником, где можно получить информацию о происхождении и значении фразеологизма, зачастую бывает затруднено, особенно для младших школьников, непоследовательностью авторов в расположении материала, что, в свою очередь, обусловлено отсутствием у них четкой позиции по вопросу о границах фразеологизма. В первую очередь это относится к трактовке фразеологизмов типа *сломя голову*, *спустя рукава* как наречных или же как глагольных: *бежать сломя голову*, *работать спустя рукава*, что и определяет их место в алфавитно организованном словнике, ср. заголовочные фразеологизмы в словаре С. В. Волкова: *показать, где раки зимуют*, но *во главу угла*, *до белого каления*[3], в словаре В. В. Волиной: *попал как кур во щи*, но *как вкопанный*, *как крысы с тонущего корабля*[4] и т. п. Полагаем, что целесообразно рекомендовать школьникам словари, разработанные профессиональными фразеологами, четко реализующими свои теоретические установки в лексикографической

[3] *Волков С. В.* Уникальный иллюстрированный фразеологический словарь для детей. СПб.: АСТ, 2009. С. 149, 27, 53.

[4] Фразеологический словарь: попул. пособие для нач. шк. / В. В. Волина. СПб.: АСТ-пресс, 2001. С. 135, 72, 73.

практике[5]. Так, в словаре Н. В. Баско и В. И. Зимина сопровождающий фразеологическую единицу глагольный компонент всегда выносится в заголовок статьи и размещается в постпозиции: «**КАК РЫБА В ВОДЕ чувствовать себя, быть**; **ЗА ГЛАЗА бранить, называть по прозвищу**»[6]. В словарях Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ представлена другая модель репрезентации подобных фразеологизмов, которая также реализуется последовательно и, как показывают результаты апробации материалов в школах [Маслова, Рогалёва 2016], легко осознается младшими школьниками: глагольное сопровождение указывается в скобках в зоне толкования, что задает конкретную модель сочетаемости оборота в современной речи: «**Как курица лапой.** Неразборчиво, неряшливо (писать/написать)»[7]; «**От А до Я.** Полностью, от самого начала до самого конца (изучить, прочитать что-нибудь); основательно, детально (знать что-нибудь)»[8].

Толкования такого плана дают исчерпывающий ответ на один из основных вопросов, с которыми школьник обращается к словарю: что означает фразеологизм? В словарях известных фразеологов В. П. Жукова, В. И. Зимина, В. М. Мокиенко, А. И. Молоткова, Н. М. Шанского и др. дефиниции фразеологизмов строятся как структурные или функциональные модели их значений. Этого же принципа придерживаемся и мы, разрабатывая толкования фразеологизмов в детских словарях[9]: процессуальная семантика фразеологических оборотов передается здесь глаголами или глагольными словосочетаниями: *заварить кашу* – ‘затеять хлопотное или неприятное дело’; *довести до белого каления* – ‘сильно рассердить, вывести из терпения кого-л.’; субстантивные фразеологизмы с атрибутивным семантическим компонентом толкуются определительными словосочетаниями с грамматически стержневым словом – существительным: *тертый калач* – ‘опытный, бывалый человек’; *вольный казак* – ‘свободный, ни от кого не зависящий человек’; фразеологизмы чисто атрибутивной семантики толкуются именами прилагательными или определительными словосочетаниями: *на вес золота* – ‘очень ценный’; *семи пядей во лбу* – ‘очень умный, мудрый’ и др.

В популярных, но не профессиональных фразеологических словарях для детей находим многочисленные недочеты в семантизации фразеологизмов. Так, адвербиальные обороты получают пропозитивные толкования: «**В мгновение ока. –** *Что-то произойдет очень быстро, сразу же*»[10], субстантивные фразеологизмы трактуются как глагольные: «**Волчий билет.** *Лишить кого-то каких-нибудь гражданских прав*»[11] и т. п. Абсолютно дезориентирует юного читателя объединение в заголовочной единице двух сходных по образности антонимичных глагольных ФЕ и их комплексное толкование: «**Заваривать кашу, расхлебывать кашу.** *Создавать своими действиями неожиданно сложную и неприятную ситуацию, а потом выпутываться из нее*»[12].

Несовершенство этимологического параметра в таких словарях не позволяет ребенку получить адекватный ответ и на второй вопрос, с которым он обращается к справочнику: почему мы так говорим? Хотя

[5] Школьный фразеологический словарь русского языка / В. П. Жуков, А. В. Жуков. М.: Просвещение, 2006. 574 с.; Фразеологический словарь для школьников: более 1000 выражений / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. СПб.: Норинт, 2005. 509 с.; Фразеологический словарь русского языка (5–11 классы) / Н. В. Баско, В. И. Зимин. М.: АСТ-Пресс, 2010. 412 с.

[6] *Баско Н. В.*, *Зимин В. И.* Указ. соч. С. 162, 118.

[7] *Рогалёва Е. И.*, *Никитина Т. Г.* Фразеологический словарь. Занимательные этимологические истории для детей. М.: ВАКО, 2019. С. 32.

[8] *Рогалёва Е. И.*, *Никитина Т. Г.* Сами с усами. Веселый фразеологический словарь. М.: ИД Мещерякова, 2020. С. 110.

[9] *Рогалёва Е. И.*, *Никитина Т. Г.* Ума палата. Детский фразеологический словарь. М.: ИД Мещерякова, 2021. 182 с.; Фразеологический практикум: 3–4 классы / Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина. М.: ВАКО, 2012. 92 с. и др.

[10] *Ставская Г. М.* Учусь понимать образные выражения: Фразеологический словарик: пособие для учащихся нач. шк. М.: Дрофа, 2002. С. 27.

[11] *Волков С. В.* Уникальный иллюстрированный фразеологический словарь для детей. СПб.: АСТ, 2009. С. 29.

[12] *Розе Т. В.* Большой фразеологический словарь для детей. 2-е изд., перераб. М.: Олма: Абрис, 2017. С. 58.

методика историко-этимологического анализа основательно разработана специалистами и реализована в академических и школьных этимологических фразеологических словарях[13], многие авторы детских лексикографических изданий обращаются к псевдоэтимологическим источникам и переносят в свои словари недостоверные этимологические версии, например в статьях *Вертеться как белка в колесе, мало каши ел*[14], сводят этимологический комментарий к толкованию отдельных компонентов фразеологизма в статье *Калачом не заманишь*[15], не раскрывают значение стержневого слова, без чего невозможно осмыслить механизм фразеологизации словосочетания (статья *Коломенская верста*)[16].

Художественные иллюстрации, которые являются эффективным средством раскрытия фразеологического образа, также не всегда корректно используются при этимологизации фразеологизма. Как мы уже отмечали [Рогалёва 2014: 159–160], даже в серии широко известных иллюстрированных словарей «Русские фразеологизмы в картинках», разработанных М. И. Дубровиным в соавторстве с коллегами из различных европейских стран, рисунки в ряде случаев отражают «народную этимологию» – переосмысление оборота на базе звуковых ассоциаций: *посадить в галошу* (изображение человека, сидящего в галоше[17], хотя *галоша* в данном случае – трансформированное древнерусское *калужа* – ‘лужа’); или же этимологизирующая иллюстрация строится без учета многозначности образного компонента: *попасть в переплет* (на рисунке – человек в книжном переплете[18], однако в словосочетании-прототипе *переплет* – это диалектное название рыболовной снасти, в которой легко запутаться, отсюда и значение фразеологизма – ‘оказаться в сложном положении’).

Стремясь повысить привлекательность словаря, художники зачастую не только игнорируют принцип научной достоверности, но отступают и от принципа политкорректности: например, на рисунке в статье *Собаку съесть* изображен официант азиатской наружности, несущий на подносе собаку[19], а иллюстрации в статьях *Уши развесил*, *Точить зубы*[20], *Око за око*, *Прокрустово ложе*[21] могут нанести вред психическому здоровью ребенка, отражая проявления жестокости.

При работе со словарем учителю необходимо обратить внимание детей на то, что рисунки могут отражать происхождение фразеологизма (весы, на одной чаше которых – золотые монеты, на другой – книга: *на вес золота*) или иллюстрировать его современное значение (улыбающиеся и обнимающие друг друга боксеры с синяками на лицах: *как ни в чем не бывало*)[22]. Именно такой подход к иллюстрированию статей, примененный в словаре Н. В. Баско, позволяет ребенку-читателю осознать семантическую двуплановость фразеологизма, преодолеть ошибочное буквальное восприятие оборота, характерное для детского языкового сознания.

---

[13] *Бирих А. К.*, *Мокиенко В. М.*, *Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 700 с.; Школьный фразеологический словарь русского языка: значение и происхождение словосочетаний / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. 2-е изд. М.: Дрофа, 1997. 367 с.; Фразеологический словарь для школьников: более 1000 выражений / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. СПб.: Норинт, 2005. 509 с.

[14] *Ставская Г. М.* Учусь понимать образные выражения: Фразеологический словарик: пособие для учащихся нач. шк. М.: Дрофа, 2002. С. 24, 109.

[15] Там же. С. 94.

[16] *Ушакова О. Д.* Почему так говорят: фразеологический словарик школьника. СПб.: Литера, 2004. С. 40.

[17] Русские фразеологизмы в картинках: для говорящих на португ. яз. / М. И. Дубровин, М. Ж. де Меллу; худож. В. И. Тильман. 2-е изд., стер. М.: Русский язык, 1986. С. 405.

[18] Там же. С. 216.

[19] *Розе Т. В.* Большой фразеологический словарь для детей. 2-е изд., перераб. М.: Олма: Абрис, 2017. С. 183.

[20] *Ставская Г. М.* Учусь понимать образные выражения: Фразеологический словарик: пособие для учащихся нач. шк. М.: Дрофа, 2002. С. 197, 190.

[21] *Волков С. В.* Уникальный иллюстрированный фразеологический словарь для детей. СПб.: АСТ, 2009. С. 131, 159.

[22] *Баско Н. В.* Фразеологический словарь. Почему мы так говорим? (1–4 классы). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. С. 86, 68.

Отметим и корректность этимологических комментариев, включенных Н. В. Баско во многие словарные статьи. При их разработке для школьников I–IV классов автор опирается на авторитетные историко-этимологические источники, отдавая предпочтение версиям, основывающимся на объективном анализе языкового материала. Так, в статье *Бить баклуши*[23] актуализируется и художественно иллюстрируется версия В. М. Мокиенко, связывающая происхождение фразеологизма с народной игрой (*баклуши* – деревянные чурки, которые игроки сбивают битой), в отличие от традиционной этимологии оборота, возводящей его к изготовлению деревянных ложек, что противоречит житейской логике: от названия трудовой деятельности ни в одном из языков не образуются фразеологизмы со значением ‘бездельничать’. Школьникам V–XI классов Н. В. Баско и В. И. Зимин предлагают несколько версий происхождения этого и других фразеологизмов, используя материалы историко-этимологического словаря русской фразеологии под редакцией В. М. Мокиенко[24]. Учащимся основной школы все же потребуется совет учителя по выбору основной этимологической версии. Старшеклассникам, уже имеющим опыт работы с этимологическими материалами, можно рекомендовать словарь Н. В. Баско и В. И. Зимина для самостоятельного освоения истории происхождения фразеологизмов.

В полиэтническом классе для ознакомления учащихся с этимологией фразеологизмов целесообразно использовать лингвокультурологически ориентированные словари В. П. Фелицыной и В. М. Мокиенко «Русский фразеологический словарь» (1999), «Фразеологический словарь для школьников» (2005), базой для создания которых стал лингвострановедческий словарь «Русские фразеологизмы» (1990). Этимологический комментарий здесь включает семантизацию этнокультурно маркированных компонентов фразеологизма, например, в статье ПЯТОЕ КОЛЕСО В ТЕЛЕГЕ (О ком- или чем-л. лишнем, ненужном, бесполезном): *Телега – ‘летняя крестьянская повозка на четырех колесах, служащая в основном для перевозки грузов’.* Затем дается экспликация культурного фона этого компонента: *Лошадь запрягают в телегу с помощью специальной упряжи. На телегах возят зерно, снопы, дрова и т. п., поэтому у одних телег относительно высокий кузов (напр., для зерна), у других – низкий.* Далее раскрывается логика развития фразеологического значения: *Но как бы ни различались телеги по внешнему виду и назначению, все они имеют четыре колеса, пятого им не нужно*[25].

Таким образом, для репрезентации школьникам истории происхождения фразеологизмов могут быть рекомендованы толковые фразеологические словари, разработанные с учетом фактора адресата – школьников разных возрастных категорий, с функционально ориентированными толкованиями и этимологической рубрикой (объемом – от лаконичной справки до полноценного комплексного лингвокультурологического комментария) в составе словарной статьи:

Школьный фразеологический словарь русского языка / В. П. Жуков, А. В. Жуков. М.: Просвещение, 2006. 574 с.

Фразеологический словарь для школьников: более 1000 выражений / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. СПб.: Норинт, 2005. 509 с.

Фелицына В. П., *Мокиенко В. М.* Русский фразеологический словарь. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 397 с.

Быстрова Е. А., Шанский Н. М. Фразеологический словарь русского языка: около 1500 фразеологизмов. М.: АСТ-Астрель, 2007. 384 с.

Фразеологический словарь русского языка (5–11 классы) / Н. В. Баско, В. И. Зимин. М.: АСТ-Пресс, 2010. 412 с.

Баско Н. В. Фразеологический словарь. Почему мы так говорим? (1–4 классы). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. 192 с.

Интерактивный деятельностный подход к этимологизации фразеологизмов реализуется в книге «Фразеологический словарь. Занимательные этимологические

[23] *Баско Н. В.* Фразеологический словарь. Почему мы так говорим? (1–4 классы). М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. С. 10.

[24] *Бирих А. К.*, *Мокиенко В. М.*, *Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолиопресс, 1998. 700 с.

[25] *Фелицына В. П.*, *Мокиенко В. М.* Русский фразеологический словарь. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 126–127.

истории для детей»[26], которая начиная с 2010 г. выдержала шесть изданий. Авторы предлагают читателю – младшему школьнику совершить целый ряд удивительных путешествий во времени и пространстве, чтобы проследить, где, когда, как и почему появились те или иные фразеологизмы. В ходе такого «исследования» ребенок включается в прототипическую ситуацию, выполняет различные развивающие задания, подводящие его к раскрытию основной фразеологической загадки. Работать с материалом словаря можно на уроке русского языка, на занятии школьного научного кружка, факультатива, последовательно проходя каждую зону словарной статьи, или дома самостоятельно.

Структура словарной статьи включает заголовочную зону, где фразеологизм получает толкование и краткий функционально-коммуникативный комментарий (ИГРАТЬ В КОШКИ-МЫШКИ. Хитрить, пытаться обмануть кого-либо. *Говорится с неодобрением*), затем следует основной текст, который этимологизирует оборот (в данном случае мы приглашаем ребенка поиграть в кошки-мышки, напоминаем правила игры, в ходе которой и «кошке», и «мышке» приходится хитрить и обманывать друг друга, чтобы выполнить свои задачи). Не исключена возможность включения реальной игры в физкультминутку или ее актуализация на уроке физического воспитания как своеобразная «экспериментальная проверка» мотивировки фразеологизма.

Следующий параметр словарной статьи – вывод о происхождении фразеологизма – подтверждает его связь с веселой детской игрой, в которой используются обманные действия. Сделать вывод школьники могут и самостоятельно, а затем проверить свою версию в данной словарной рубрике.

Заключительная часть словарной статьи – своеобразный игровой «бонус» от авторов, где читатель видит речевую реализацию фразеологизма: «А теперь должна быть загадка. Но сначала будет отгадка. Продолжаем играть в кошки-мышки». И действительно, авторы продолжают игру с читателем: отгадку он тоже не получает. А обещанная загадка возвращает его к реалиям источника фразеологизма – детской игре: «А теперь, как того требуют правила игры, мышка становится кошкой, если ее поймали. Преврати кошку в мышку: замени одну букву в слове “кошка”, а затем одну в получившемся слове: КОШКА → ....→ .... МЫШКА»[27].

При явной теоретической облегченности и занимательности текста в словаре четко реализуется принцип научной достоверности. Этимологические версии ведущих отечественных фразеологов интерпретируются авторами словаря с использованием разработанной Е. И. Рогалёвой технологии этимологического парафразирования, предусматривающей определенный прием интерпретации для каждого вида фраземообразующих тропов в детском словаре [Рогалёва 2014].

Если же учитель ставит задачу не только семантизации и этимологизации фразеологизма, но и формирования у учащихся навыков употребления фразеологизма в речи, то ему поможет словарь, включающий соответствующие практические задания. Словарь Н. В. Баско (2011) – один из немногих, где по отдельным фразеологизмам представлены такие задания. Здесь они называются игровыми, хотя не всегда носят игровой характер: найди в тексте фразеологизм и скажи, что он означает; прочитай пары предложений и скажи, в каком предложении выделенные слова являются фразеологизмом, а в каком предложении они являются простым сочетанием слов; закончи предложение, выбрав правильный фразеологизм. Так в определенной мере формируются навыки распознавания и употребления фразеологизмов, но даже условно-речевыми такие задания не являются. А значит, упражнения для завершающего этапа освоения фразеологизма – его употребления учащимися в речи – учителю придется разрабатывать самому. Для решения этой задачи можно воспользоваться моделью практико-ориентированной словарной статьи или использовать непосредственно статью словаря «Фразеологический практикум: 3–4

[26] *Рогалёва Е. И.*, *Никитина Т. Г.* Фразеологический словарь. Занимательные этимологические истории для детей. М.: ВАКО, 2019. 94 с.

[27] Там же. С. 28–29.

классы»[28], представляющую собой готовую разработку комплексной учебной репрезентации фразеологизма, где уровни его освоения соотнесены с рубриками словарной статьи. Представим структуру статьи на материале фразеологизма *откладывать в долгий ящик*.

Первичное ознакомление юного читателя с фразеологизмом реализуется в заголовочной зоне, где дается толкование фразеологизма (‘откладывать дело на неопределенное время’) и раскрываются его эмотивно-оценочные коннотации («говорится с неодобрением»)[29].

Осмысление ребенком механизма фразеобразования и культурно-исторического фона оборота обеспечивает следующая параметрическая зона статьи (рубрика «Справочная этимологическая служба»): помещенная здесь краткая этимологическая справка отсылает читателя к временам правления царя Алексея Михайловича (XVII век) и реалии, отраженной во фразеологизме (ящик для жалоб и прошений, рассмотрение которых надолго затягивалось боярами).

Речевую реализацию фразеологического значения и грамматическую парадигматику фразеологизма ребенок наблюдает (рубрика «Фразеологический наблюдательный пункт») в тексте авторской сказки о двух волшебных карандашиках, которая убеждает его не откладывать помощь окружающим в долгий ящик.

Рубрика «Речевая лаборатория» переводит ребенка с уровня наблюдения за функционированием фразеологизма на уровень формирования навыков его употребления в системе практико-ориентированных речевых ситуаций:

– в «Школе менеджеров», где занятия ведет профессор Режим Дня, читатель помогает сделать выступление профессора более убедительным, вставив в текст фразеологизм в форме *не откладывая в долгий ящик*;

– в стране Отложенных дел ребенок, осваивающий фразеологизм, убеждает подружек (Лень и Неохота) действовать оперативно, объясняя попутно значение фразеологизма и излагая его историю;

– вспоминая «Сказку о потерянном времени», готовится передать ее краткое содержание одноклассникам, которые с этой сказкой не знакомы, при обязательном условии – использовании фразеологизма как оценочного средства;

– историю о строительстве спортивной площадки, которое продолжается несколько лет, ребенок восстанавливает по фотографиям и готовит заметку для интернет-сайта.

А завершается эта усложняющаяся и приближающая школьника к реальной коммуникации цепочка заданий приглашением к творческому сотрудничеству – читателю предлагается написать веселую историю с использованием изучаемого фразеологизма для следующего издания словаря.

Книги, написанные для дошкольников и младших школьников в близком к лексикографии жанре «занимательной фразеологии», как и словари для этой категории адресата, изобилуют неточностями в интерпретации фразеологизмов. Так, в книге И. Иванниковой «Как заморить червячка, или Куда кот наплакал», которая, по задумке автора, должна помочь малышам разобраться, почему взрослые иногда так странно говорят, и познакомить их с некоторыми фразеологизмами, читаем в стихотворении, написанном от лица мальчика, который не хочет доедать кашу:

Подгоняет мама за моей спиной:
Тут же кот наплакал, доедай, не ной.

И от автора – явно зауженная семантизация фразеологизма:

Кот наплакал? А вот и не плакал кот в тарелку. Так взрослые говорят про небольшую порцию еды – когда остается на самом донышке[30].

Книга рекомендуется издателями для чтения взрослыми детям, но в этом случае взрослым придется корректировать такие формулировки автора.

Учащиеся основной школы уже без помощи взрослых, к которой они, как

[28] Фразеологический практикум: 3–4 классы / Е. И. Рогалёва, Т. Г. Никитина. М.: ВАКО, 2012. 92 с.

[29] Там же. С. 50.

[30] *Иванникова И. Ю.* Как заморить червячка, или Куда кот наплакал. М.: Энас-Книга, 2019. С. 4.

правило, не обращаются при чтении научно-популярной литературы, должны осмыслить комический эффект странного совмещения культурно-исторических пластов при комментировании фразеологизмов в книге М. Рупасовой «Веселая фразеология», например в статье «Быть на седьмом небе»:

> В рай попадают люди, которые при жизни вели себя хорошо: не гневили Зевса, слушались маму, не играли ночами на компьютере, делали не только письменные, но и устные домашние задания. По мнению греков, седьмое небо было вершиной блаженства, поэтому для описания счастья ничего другого изобретать не стали[31].

В книге Е. В. Генераловой «Веселые уроки. Фразеология» для детей среднего школьного возраста развлекательная функция текста также явно преобладает над развивающей, реализацию которой предполагает урок, даже веселый. Главные герои путешествуют по «гостеприимной и страшной, интересной и веселой» стране Фразеологии, «где живут ходячие фразеологизмы, а гроб на колесиках режет пословицы на две части»[32]. В таких экстремальных условиях, когда с героями начинают разговаривать их собственные носы, а по улицам бродят другие компоненты фразеологизмов – ноги, руки[33] и т. п., читатель все же получает достоверную информацию о происхождении фразеологизмов (автор книги – фразеолог высокого класса), но при такой подаче материала фразеология так и остается для школьника далекой, «страшной и интересной страной», после посещения которой в сознании остаются яркие фразеологические образы безотносительно к употреблению фразеологизмов в современных речевых ситуациях. К тому же с лингвометодической точки зрения гораздо ценнее – представить этимологизацию фразеологизма как процесс его историко-этимологического исследования, разработку этимологической версии героями занимательного рассказа, что будет способствовать развитию языковой компетенции школьника и формированию у него познавательных универсальных учебных действий: анализа, моделирования, систематизации, обобщения и др. Эта концепция и реализуется в наших словарях «Сами с усами» (2020) и «Ума палата» (2021), предназначенных младшим школьникам и рекомендованных также для семейного чтения, традиции которого у нас почти утрачены. Детей и родителей при чтении словаря в рассказах объединит не только следование за увлекательным сюжетом словарной статьи, но и выполнение творческих послетекстовых заданий.

Ориентируясь на функцию словаря в рассказах как учебного и справочного пособия, мы традиционно помещаем в заголовочной зоне статьи фразеологизм в исходной форме, его толкование и функциональную характеристику, например: СЕМЬ ПЯТНИЦ НА НЕДЕЛЕ (*у кого*). О человеке, который часто меняет свое мнение, решение. *Употребляется в разговорной речи. Говорится с неодобрением*[34].

Размещенный за заголовочной зоной основной сюжетно организованный учебный текст комплексно представляет этимологическую версию, особенности употребления фразеологизма в современной речи, в ряде случаев – его частотные шутливые трансформации и ошибочные интерпретации, которые тут же корректируются. Историю происхождения фразеологизма выясняют вымышленные персонажи – «сотрудники» фразеологического бюро расследований – служебно-разыскной пес Гафик, кот-исследователь Кокос и стажер – попугай Кочан. К работе привлекаются и внештатные сотрудники – консультанты по сферам происхождения фразеологизмов – повар Сгущенкин (фразеологизмы с наименованиями блюд русской кухни), экскурсовод Раскопкин (фразеологизмы, происхождение которых связано с историческими событиями),

[31] *Рупасова М.* Веселая фразеология. СПб.: Качели, 2021. С. 16.

[32] *Генералова Е. В.* Веселые уроки. Фразеология. СПб.; М.: Речь, 2020. С. 2.

[33] Ср.: не менее странно выглядят диалоги «оживших» пословиц в книге С. А. Лавровой «В главных ролях – пословицы!» (М., 2019): «Тут “Лиса семерых волков проведет” заметила ребят и сказала: – Какие-то незнакомые пословицы к нам пожаловали. – Одну я знаю, это Ум, – вгляделся “И медведя плясать учат”» (С. 77).

[34] *Рогалёва Е. И., Никитина Т. Г.* Сами с усами. Веселый фразеологический словарь. М.: ИД Мещерякова, 2020. С. 147.

инженер Сантиметренко (обороты с наименованиями метрических мер) и др. В самых сложных случаях на помощь приходят спецагенты – домашние питомцы известных фразеологов, кошка Чина и такса Соня, которые всегда в курсе всех важнейших событий в сфере фразеологии.

Завязка сюжета обычно приближена к реальной ситуации. Например, в статье «Семь пятниц на неделе»:

Служебно-разыскной пес График: Коллеги, посмотрите, какой забавный календарь нам прислала Катя Романова из Москвы. В графе «Дни недели» – только пятницы, субботы и воскресенья. А вот что она пишет: «Очень люблю пятницу – заканчивается рабочая неделя, впереди выходные и столько всего интересного! Но семь пятниц на неделе – многовато. Я предлагаю пять. А субботы и воскресенья пусть остаются на своем месте!» Уважаемый Кокос, ответьте Кате, что мы оценили ее шутку.

Выясняется, что это не шутка, Катя неправильно понимает фразеологизм *семь пятниц на неделе*, и друзья-детективы берутся за расследование его происхождения. Когда становится ясно, что на современном языковом материале ни одна версия не выстраивается, помощь приходит из Великого Новгорода:

Экскурсовод Раскопкин: Здравствуйте, друзья! Я в Великом Новгороде. Показываю туристам храм Святой Параскевы-Пятницы у Торга, построенный в 1207 году. (Фото на экране смартфона.) Для тех, кто не знает: торгом раньше называли городской рынок. Во многих городах Древней Руси Пятницкие храмы строили рядом с торговыми рядами.

Детективы узнают, что на Руси Святую Параскеву-Пятницу считали покровительницей торговли, а в ее день, по пятницам, устраивали ярмарки и производили торговые расчеты. Цепочка логических операций приводит их к выводу о развитии фразеологического значения: если кто-то не может заплатить по торговому договору в пятницу, он переносит срок оплаты, потом снова и снова меняет его. У него семь пятниц на неделе – говорили о таком человеке, а потом этот фразеологизм стал называть любого человека, который часто меняет свои решения[35].

На этом история не заканчивается. Ее продолжение дает возможность показать речевые реализации фразеологизма[36].

Веселое авторское стихотворение, открывающее затем рубрику «Творческая мастерская», рассказывает о выборе костюмов для новогоднего карнавала. Школьники несколько раз меняют свои решения, что и отражает использованный в стихотворном тексте фразеологизм, а для коллективного семейного творчества предлагаются инструкции по изготовлению карнавальных костюмов.

Выводы. Таким образом, анализ современных фразеографических изданий позволяет рекомендовать учителю в качестве справочных источников словари, разработанные для школьников разных возрастных категорий профессиональными фразеологами и лексикографами: В. П. Жуковым и А. В. Жуковым, Е. А. Быстровой и Н. М. Шанским, Ф. П. Фелицыной и В. М. Мокиенко, Н. В. Баско и В. И. Зиминым, четко и последовательно отражающими исходную форму фразеологизма, достоверно и доступно толкующими его значение и историю происхождения. Последний из перечисленных параметров, зачастую получающий вариативную интерпретацию в научной литературе, наиболее полно и детализировано отражен в специальном историко-этимологическом словаре А. К. Бириха, В. М. Мокиенко и Л. И. Степановой, который сориентирует учителя в этом разнообразии этимологических версий. Словари Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ представят учителю историю происхождения фразеологизма в формате этимологического парафразирования – адаптации этимологической версии для младших школьников – при сохранении ее научной достоверности и реализации культурологического и лингводидактического потенциала фразеологизма. Материалы фразеологического словаря-практикума, разработанного сотрудниками Экспериментальной лаборатории, могут использоваться как готовые поурочные разработки, формирующие весь комплекс параметров языковой компетенции школьника и прежде

[35] Там же. С. 148.

[36] Там же. С. 149.

всего навыки декодирования фразеологизма в тексте и его употребления в соответствующих коммуникативных ситуациях. Эти же задачи реализуют и разработанные в ПсковГУ фразеологические словари в рассказах, которые могут быть рекомендованы как для использования на уроке, так и для семейного чтения, и при всей своей занимательности, в отличие от других научно-популярных детских книг о фразеологии, не отступают от принципов воспитывающего и развивающего обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонов В. П., Гончаров А. М., Щербакова Е. И.* Изучение фразеологии в средней школе: сопоставительный анализ учебно-методических комплексов по русскому языку // Вестник Хакасского государственного университета. 2014. № 7. С. 101–111.

2. *Жесткова Е. А.* Методические аспекты изучения фразеологии в начальной школе // Культура и образование. 2014. № 11 (15) [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik-rzi.ru/2014/11/2515 (дата обращения: 30.06.2021).

3. *Маслова Г. В., Рогалёва Е. И.* Методические условия активизации фразеологизмов в речи младших школьников // Вестник Псковского государственного университета. 2016. № 3. С. 184–192.

4. *Павлова А. Э.* Использование школьного словаря «Жизнь русской фразеологии в художественной речи» А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко на уроках русского языка // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни: сборник научных статей. Кострома, 2018. С. 254–261.

5. *Рогалёва Е. И.* Современная учебная фразеография: теория и практика: монография. Псков: Логос Плюс, 2014. 344 с.

6. *Чиликова И. А.* Фразеологизм как особая единица изучения на уроках русского языка в начальной школе в условиях полиэтнического класса // Филологическое образование в период детства. 2019. № 26. С. 140–146.

REFERENCES

1. *Antonov V. P., Goncharov A. M., Shcherbakova E. I.* Studying phraseology in secondary school: comparative analysis of educational and methodological complexes in the Russian language. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Khakass State University*. 2014. No. 7. P. 101–111. (In Russ.).

2. *Zhestkova E. A.* Methodological aspects of studying phraseology in primary school. *Kul'tura i obrazovanie = Culture and education*. 2014. No. 11. P. 27. (In Russ.).

3. *Maslova G. V., Rogaleva E. I.* Methodological conditions for activating phraseological units in the speech of younger schoolchildren. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Pskov State University*. 2016. No. 3. P. 184–192. (In Russ.).

4. *Pavlova A. E.* The use of the school dictionary "The life of Russian phraseology in artistic speech" by A. M. Melerovich & V. M. Mokienko at the lessons of the Russian language. *Zhizn' frazeologii – frazeologiya v zhizni. Sbornik nauchnykh statei = The life of phraseology – phraseology in life. Collection of scientific articles*. Kostroma, 2018. P. 254–261. (In Russ.).

5. *Rogaleva E. I.* Modern educational phraseography: theory and practice. Pskov, 2014. (In Russ.).

6. *Chilikova I. A.* Phraselogism as a special unit of study at the lessons of the Russian language in primary school in the conditions of a multi-ethnic class. *Filolgicheskoe obrazovanie v period detstva = Philological education during childhood*. 2019. No. 26. P. 140–146. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Татьяна Геннадьевна Никитина, *доктор филологических наук, профессор, кафедра образовательных технологий, Псковский государственный университет*

Елена Ивановна Рогалёва, *доктор филологических наук, профессор, кафедра образовательных технологий, Псковский государственный университет*

Tatiana G. Nikitina, *Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Educational Technologies, Pskov State University*

Elena I. Rogaleva, *Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Educational Technologies, Pskov state University*

Статья поступила в редакцию 16.06.2021; одобрена после рецензирования 23.06.2021; принята к публикации 23.07.2021.

The article was submitted 16.06.2021; approved after reviewing 23.06.2021; accepted for publication 23.07.2021.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

METHODOLOGICAL MAIL

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ **УДК 372.881.161.1**
DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-37-47

Работа с афоризмами в школе

(система аналитических, творческих и проектных заданий)

Юлия Владиславовна Малкова
Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, г. Санкт-Петербург, Россия, 7malk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9571-3016

Аннотация. В статье представлена методика многоаспектной работы с афористическими высказываниями на уроках русского языка. Изучение афоризмов в школе обусловлено, с одной стороны, необходимостью совершенствования способности учащихся понимать и интерпретировать произведения разной жанровой природы, с другой – недостаточной сформированностью у старшеклассников умений создавать оригинальное высказывание нравственной, гражданской или философской направленности, что является проблемной зоной при прохождении итоговой аттестации. Предлагаемые восемь этапов обучения основаны на аксиологическом и системно-деятельностном подходах. Они включают в себя последовательные упражнения, обучающие оперированию с афористическими высказываниями, и активизируют разные виды речемыслительной деятельности. Особое внимание при постижении парадоксальной природы афористического суждения уделяется приемам развития гибкости мышления и познавательной активности, что предполагает опору на эмоциональный интеллект учащихся (удивление, сомнение, догадка). Работа по предлагаемой методике не только повышает качество предметной обученности, но и влияет на достижение метапредметных и личностных результатов. Познавательные компетенции формируются при истолковании и классификации афоризмов; регулятивные универсальные действия отрабатываются в процессе оценивания «конкурса» афоризмов, самопроверки и взаимопроверки; коммуникативные – в проектной работе в команде. Личностными результатами обучения являются укрепление ценностно-смысловых установок и развитие эстетического сознания.

Ключевые слова: афоризм, афористика, жанровые черты, парадоксальность, виды информации, мышление, систематизация, проектная деятельность, словарь

Для цитирования: *Малкова Ю. В.* Работа с афоризмами в школе (система аналитических, творческих и проектных заданий) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 37–47. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-37-47.

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL ARTICLE

Work with aphorisms at school

(a system of analytic, creative and project tasks)

Yuliya V. Malkova
Saint-Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, Saint-Petersburg, Russia, 7malk@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9571-3016

Abstract. The paper describes the best practices for multi-aspect work with aphoristic statements in Russian lessons. Studying aphorisms at school stems on the one hand from the need to enhance learners' abilities to understand and decode writing of a variety of genres. On the other hand, it is determined by the immaturity of secondary school students' skills required to create original statements of ethical, civic, or philosophical nature. Such a lack of essential skills

© Малкова Ю. В., 2021

becomes a key problem area during end-of-course assessment. The eight stages of instruction proposed in this paper are based on the axiological and system-activity approaches. They include a logical sequence of exercises teaching learners to manipulate aphoristic statements and boost different types of their verbal and cogitative activity. In the process of fathoming the paradoxical nature of aphorisms special attention is paid to those methods which develop flexible thinking and cognitive activity. This is only possible with dependence on learners' emotional intellect (surprise, doubt, guesswork). Employing these practices not only improves the subject proficiency quality, but also facilitates the achievement of meta-subject and personal results. Cognitive competences are formed while interpreting and classifying aphorisms. Universal regulatory acts are honed in the process of judging aphorism 'competitions', self-testing, and mutual testing. Communicative acts are assessed during group project work. Personal learning outcomes are the strengthening of learners' axiological attitudes and the development of their aesthetic consciousness.

Keywords: aphorism, aphoristic statements, genre features, paradoxicality, information types, thinking, systematization, project work, dictionary

For citation: *Malkova Y. V.* Work with aphorisms at school (a system of analytic, creative and project tasks) // *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2021. Vol. 82, No. 5. P. 37–47. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-37-47. (In Russ.).

Введение. В лексикографическом пособии «Вселенная в алфавитном порядке» [Козырев, Черняк 2000], дающем обстоятельный обзор словарей конца XX века, нет главы, посвященной словарям афоризмов. Чем это обусловлено? Сборники кратких авторских изречений не являются и никогда не являлись классическими словарями. И выходят они не под заголовком «Словарь афоризмов», а именуются справочниками, собраниями, «большими книгами», «энциклопедиями мудрости», тематическими сборниками: «Античные афоризмы» (1987), «Размышления и афоризмы французских моралистов» (1995), «Большая книга афоризмов» К. Душенко (2002), «Цитаты из всемирной литературы» (2007) и т. п. Исключением, пожалуй, является «Словарь афоризмов русских писателей» (2004), авторы которого поставили перед собой задачу положить начало научному описанию богатств русской афористики[1]. Но он в своем роде единственный.

Тема «Афоризмы» в школьном курсе русского языка тоже специально не изучается, об афоризмах лишь упоминается в разделе «Фразеология», где рассматриваются пословицы, поговорки и крылатые выражения.

Такие «лакуны» могут быть использованы учителем-словесником во благо: и как мотивация для проектной деятельности учащихся (составление или проектирование школьного словаря афоризмов), и как отправная точка учебно-исследовательских изысканий (изучение жанровой природы афоризма).

Работа по изучению и систематизации этого пласта литературы имеет большой воспитательный и дидактический потенциал. Афористика является важной частью нашей духовной культуры, она задает вертикаль общечеловеческих ценностей, добытых индивидуальным путем. В процессе взросления подростков, при переходе от конкретного мышления к абстрактно-логическому, их начинают интересовать мировоззренческие проблемы. В сочинениях на смену описательным характеристикам приходят оценочные философские суждения, наблюдаются попытки определить сложные этические понятия (милосердие, совесть, патриотизм), зафиксировать их диалектику, многомерность. Высказывания старшеклассников становятся более логическими, приближаются по своей структуре к силлогизму или афоризму. Поэтому в старших классах можно и нужно практиковаться и в интерпретации авторских афоризмов, и в создании собственных.

Что же такое афоризм? В филологии существует множество его трактовок, литературоведческих и лингвистических [Иванов 2020]. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля дает широкое определение: «...короткое и ясное изречение, правило, основанное на опыте и рассуждении; отрывочное, но полное по себе положение»[2]. Исследователи XX в.

[1] Словарь афоризмов русских писателей / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под рук. А. Н. Тихонова. М.: Рус. яз.-Медиа, 2004. 627 с.

[2] Выдержка из Словаря Даля дана в современной орфографии. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1994. С. 30.

делают акцент на художественности изречений и их принадлежности определенному автору: афоризмы понимаются как краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении авторские суждения, «заключенные в образную, легко запоминающуюся форму» [Федоренко, Сокольская 1990: 3]. Мы будем придерживаться последней, более узкой точки зрения.

Изучение афористики в школе может представлять собой целый курс (факультативный, элективный) или стать частью работы на уроке с привязкой к конкретной теме. Упражнения могут предварять или завершать урок, использоваться на разминках-пятиминутках для развития интереса к языку и гибкости мышления.

Результаты. Методика работы с афоризмами. Системная работа должна включать несколько последовательных этапов: от истолкования смысла изречений, через выявление их жанровых черт и стилистических принципов – к формулированию собственных афоризмов и к составлению словаря или сборника.

Подготовительный этап. Общая характеристика афоризма в ряду малых жанров

Приступая к изучению афоризмов, следует отграничить их от таких прецедентных текстов, как пословицы и крылатые выражения. Учащиеся V–VI и VII–IX классов обсуждают пары изречений и определяют, где пословица, а где афоризм:

1. Быть взрослым – это значит быть одиноким. – Один в поле не воин.

2. Встречают по одежке – провожают по уму. – Только поверхностные люди не судят по внешности.

3. Правду в глаза лучше говорить на ухо. – Доброе дело – правду говорить смело.

В X–XI классах задание можно усложнить и предложить школьникам распределить на две группы изречения, представленные не парами, а вперемешку.

Обосновывая свое решение, ребята приходят к выводу, что афоризмы от пословиц отличает не только литературное происхождение (наличие автора), но и их оригинальность, неожиданность. Это верно. Если пословица провозглашает общепризнанную истину, то афоризм оспаривает эту истину, «подрывая авторитет» здравого смысла. Кроме того, мудрость пословиц – житейская, земная, она обобщает бытовой опыт («Жизнь прожить – не поле перейти»), афоризм же устремлен к духовным сферам, к осмыслению бытия («Жизнь – это картина, которую мы пишем, а не задача, которую надо решить»).

Отличаются афоризмы и от крылатых выражений. Крылатое выражение всегда привязано к контексту, к той исходной ситуации, в которой оно было произнесено: «А Васька слушает, да ест», «А воз и ныне там», «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом...». Афоризм же независим, самостоятелен как текст. Крылатые слова «перелетают» из эпохи в эпоху, используются в бытовых ситуациях, похожих на исходную, и многократную массовую воспроизводимость. Афоризмы уникальны и, как правило, не получают широкого распространения и прикладного использования. Крылатое выражение чаще всего представляет собой описание-характеристику (как поговорка), афоризм же – умозаключение (как пословица).

После уточнения специфики жанра афоризма учитель готовит школьников к восприятию его содержания, подчеркивая, что основная черта афористического высказывания – парадоксальность: «Жить легко очень трудно», «Свобода есть право на неравенство», «Лучший способ запомнить что-нибудь – постараться это забыть». Парадокс в основе афоризма – это неожиданное противоречие, взрывающее нашу привычную картину мира. Это «мысль, исполняющая пируэт» (Жорис де Брюйон), «мысль в состоянии аффекта» (Г. Гауптман), языковой «боксерский хук» сознанию (А. Коряковцев). Получается, что афоризм – одновременно и продукт мысли, и средство, запускающее мышление.

Работа с парадоксальными высказываниями полезна в школе на любом уроке, она стимулирует пытливость даже самых «ленивых и нелюбопытных». К сожалению, сегодня редко слышишь от учащихся вопросы «почему?», «зачем?» – всем «всё понятно». Между тем удивление – важнейшая когнитивная эмоция, пружина, заводящая познавательный процесс. Об удивлении как побудителе познания писал еще

Аристотель, а Декарт считал, что удивление есть первая из всех страстей, поскольку мы удивляемся до того, как определяем ценность предмета. К интеллектуальным эмоциям относят также сомнение и чувство догадки.

В целях развития активности мышления на уроках словесности С. П. Лавлинский рекомендует использовать метод выделения «точек предпонимания»:

– определите, выделите в тексте самое непонятное, загадочное, удивительное и т. п.;

– сформулируйте вопросы, адресованные повествователю, автору;

– напишите письмо (автору, читателю-собеседнику) о своем понимании/непонимании;

– сопоставьте собственное понимание/непонимание с чужим;

– предложите собственную версию «расследования» непонятного [Лавлинский 2003: 132].

Эти же самые задания мы можем использовать при анализе афоризмов, причем вопросы могут касаться не только плана содержания, но и плана выражения («Почему в высказывании использованы лексические повторы?»; «Чем объяснить отступление от языковой нормы?»; «Не странно ли, что просторечия соседствуют с возвышенной лексикой?»; «Что будет, если употребить другой эпитет?» и т. п.).

Интеллектуальная провокация, обман читательских ожиданий очень полезны для читателя-ученика, так как включают его в заинтересованный «диалог с текстом» и развивают гибкость мышления. Когнитивный диссонанс (ощущение психологического дискомфорта, вызванное конфликтом смыслов) закаляет филологическое мышление: приучает варьировать стратегии чтения, отбрасывать первоначальные гипотезы и выдвигать новые в целенаправленном движении к пониманию произведения.

Первый этап. Интерпретация смысла афоризмов

Учащимся предлагается задание, которое выполняется индивидуально или в парах:

1. Осмыслите три афоризма. (О чем говорится в каждом? Какова идея каждого?)

2. Выберите один афоризм, понравившийся (с которым вы согласны всей душой) или крайне непонравившийся (с которым вы никогда не согласитесь).

3. Перескажите его содержание своими словами.

4. Сформулируйте свое понимание смысла афоризма (его идеи).

5. Выскажите свое мнение, прокомментируйте его, объясните свое согласие/несогласие.

Списки афоризмов для каждой возрастной группы (V–VI, VII–IX и X–XI класс) даны в Приложении[3]. Из них учитель формирует наборы из 3–4 высказываний и раздает на распечатках каждому учащемуся или каждой паре. Приведем пример такой подборки:

1. Ирония – это оскорбление, переодетое комплиментом (К. К р а у с).

2. Я плакал о том, что у меня нет ботинок, до тех пор, пока не встретил безногого (Восточная мудрость).

3. Жизнь – это картина, которую мы пишем, а не задача, которую надо решить (О. Х о л м с).

После пятиминутного самостоятельного размышления учащиеся переходят к дискуссии: каждый выступает с коротким сообщением (пункты задания 2–5), остальные активно слушают и дополняют. Во многих афоризмах изначально заложена возможность разных трактовок, игра смыслов, ирония, потому их так интересно обсуждать, рассматривать различные точки зрения, соглашаться с ними или оспаривать.

Второй этап. Письменное сочинение-рассуждение

Навык осмысления афоризма целесообразно закрепить в письменном домашнем мини-рассуждении:

ТЕЗИС

Я согласен с афоризмом... и понимаю его смысл так...

АРГУМЕНТАЦИЯ

Я так считаю, потому что...

Доказать это можно следующими примерами (высказываниями, фактами...).

Приведу в пример художественное произведение... .

Вспомним о (событии в истории нашей страны, города или мира)...

[3] См.: *Малкова Ю. В.* Афоризмы для заданий и проектов // Русский язык в школе и дома. 2021. Т. 21, № 5. С. 11–15.

ВЫВОД

Вот почему... (повторяем тезис, но заменяем слова синонимами).

В выпускных классах работу по интерпретации афоризмов можно проводить как начальную подготовку к сочинению-рассуждению по исходному тексту (ОГЭ, задание № 9.1, ЕГЭ, задание № 27), так как афоризм отличается «дискурсивной автономностью» [Иванов 2020: 681], завершенностью, цельностью и, по сути, представляет собой мельчайший эпический жанр. «Афоризм – это хорошо отредактированный роман», – шутят журналисты.

На взгляд современных писателей, афоризм – жанр универсальный: «Он может совмещать в себе психологизм романа, характерную или сюжетную напряженность новеллы, вербальную отточенность стиха, глубину философского трактата, игривость детской считалки, размах эпической поэмы... И все это может быть выражено всего в нескольких словах» [Коряковцев 2002, Электронный ресурс]. Это и привлекает любящих думать учеников.

Старшеклассникам предлагается прочитать текст-афоризм, сформулировать проблему, поставленную автором, и определить авторскую позицию. В некоторых случаях можно даже прокомментировать текст-афоризм, обращая внимание на языковые и стилистические особенности высказывания. Сочинение-рассуждение по афоризму учащиеся пишут в формате сочинения ЕГЭ, обосновывая свое понимание афоризма и свое отношение к его идее.

Осмысляя афоризмы, старшеклассники постигают, что эти маленькие тексты являются информационно емкими, аккумулируют в себе одновременно несколько видов информации.

С точки зрения лингвистики понимание текста – это вычитывание разных видов информации: фактуальной, концептуальной, подтекстовой. Первичное восприятие текста – предметно-логическое, фабульное (о чем говорится?). Это фактуальная информация. Под концептуальной информацией понимается система взглядов и чувств автора, которую он отражает в тексте – то, что мы называем авторской позицией, идеей (что хочет выразить автор?). Понять концептуальную информацию непросто, так как она дает возможность разных толкований, для ее «расшифровки» требуется мыслительная работа (см.: [Гальперин 1981: 27–28]).

Рассмотрим, например, 313-ю максиму Ларошфуко: «Почему наша память устроена столь неудачно, что ее хватает на то, чтобы удерживать мельчайшие подробности происшедшего с нами, но не хватает на то, чтобы упомнить, сколько раз мы уже рассказывали их одному и тому же человеку?» Интересный разбор этой максимы предлагают А. К. Жолковский и Ю. К. Щеглов. На первый взгляд, речь идет о курьезах памяти (фактуальная информация), но вдумчивый читатель улавливает подтекст и догадывается, что дело здесь не в памяти, а в эгоцентризме самовлюбленного человека, чей портрет «дается ненавязчиво, он как бы проглядывает сквозь наблюдения над памятью» [Жолковский, Щеглов 1978: 170]. Концептуальная же информация заключается в ироничной, осуждающей оценке персонажа, которому бесконечно дороги мелочи своей жизни при полном равнодушии к слушателю (он даже не способен запомнить его лицо).

Не в каждом афоризме можно подобным образом разграничить три слоя информации, но выявить, помимо фактуальной, концептуальную учащиеся должны уметь, отвечая на условный вопрос: «Чему учит? Что хочет сказать автор?»

Учитель не должен забывать о том, что афоризм – не математика, а искусство, авторское отношение во многом «угадывается», поэтому даже опытные читатели могут по-разному «считывать» концептуальную или подтекстовую информацию.

Поупражняться в распознавании подтекста, иронии поможет задание: «Найдите ироничные афоризмы среди предложенных и объясните, в чем их суть».

1. У человека с чистой совестью, вероятно, слабая память (Л. Питер).
2. Люди одиноки, потому что вместо мостов они строят стены (С. Ежи Лец).
3. Уши завидуют глазам. Ведь у них есть веки (В. Бутулеску).

Третий этап. Характеристика жанровых черт афоризма

После работы над смыслом афоризмов перед учащимися ставится новая аналитическая задача: дать наиболее полное определение жанра афоризма, сформулировав его важнейшие признаки. Это групповое

задание. Каждая команда (3–5 человек) формулирует свое определение афоризма, которое, например, требуется разместить в качестве словарной статьи в толковом или лингвистическом словаре. Ответы могут быть следующими:

«Афоризм – краткое авторское изречение, философски осмысляющее мир в художественной форме, в основе которого лежит парадокс».

«Афоризм – лаконичное высказывание, отражающее ироничный взгляд на истину».

«Афоризм – художественно выраженная парадоксальная идея, существующая в виде отдельного текста».

На основании этих определений на доске и в тетрадях записываются жанрово-стилистические черты афоризма. Каждая новая отвечающая группа дополняет список, и в итоге на доске возникает объемный перечень:

– емкость (глубина мысли плюс обобщенность);

– краткость (выразительность афоризма возрастает при уменьшении числа слов; более половины известных афоризмов состоит из 3–5 слов).

– парадоксальность, нестандартный взгляд на предмет;

– ирония;

– смысловая завершенность (афоризм, как правило, понятен без комментариев);

– четкость, точность выражения идеи;

– художественность, образность, метафоричность;

– языковая выразительность (игра слов);

– категоричность, абсолютизация, гиперболизация;

– композиционная симметрия при смысловой асимметрии;

– контраст, антонимия;

– градация.

После этого класс может поработать с «афоризмами об афоризмах», заранее подготовленными учителем или отдельными учащимися, и обсудить, с какими выявленными чертами жанра соотносятся наблюдения самих афористов:

1. Афоризм – это граненый алмаз мудрости (Г. А г а ц а р с к и й).

2. Афоризм – это алгебра мыслей, неизвестная никому (Г. А л е к с а н д р о в).

3. Афоризм – это мысль, исполняющая пируэт (Жорис де Б р ю й н).

4. Афоризмы подобны адвокатам, неизбежно видящим лишь одну сторону дела (Э. Б ё р д ж е с с).

5. Афоризм – как пчела: в нем и золотистый мед, и ядовитое жало (К. С и л ь в а).

Четвертый этап. Закрепление знаний

Требуется придумать завершение афористического высказывания, следуя вышеназванным жанровым принципам (учитель отбирает несколько незаконченных высказываний в соответствии с уровнем класса).

1. Скромен не тот, кто равнодушен к похвалам, а тот, кто внимателен к ... (*порицаниям*) – композиционная симметрия, принцип антонимии.

2. Пославши девять дураков выполнять поручения, рискуешь ... (*превратиться в десятого*) – принцип смысловой завершенности.

3. В характере эгоиста – поджечь дом, чтобы ... (*поджарить себе яичницу*) – принцип доведения до абсурда (гипербола плюс литота), образность.

4. Если хочешь, чтобы твой друг горбов у тебя не заметил, сам не ... (*смотри на его бородавки*) – доведение до крайности, литота, смысловая завершенность.

5. Плохой учитель преподносит истину, хороший – ... (*учит ее находить*) – принцип антитетичности.

Композиционные принципы жанра афоризма ребята отрабатывают, выполняя задания на соотнесение. Здесь в каждом случае требуется воссоздать первоисточник, построить верный афоризм:

Смелость –	это защищать другого от себя
Достоинство –	это защищать себя от другого

(«Смелость – это защищать себя от другого. Достоинство – это защищать другого от себя», – произнес один черногорский писатель. Здесь налицо композиционная симметрия при смысловой асимметрии.)

Чувство чести –	«что подумали бы обо мне дети»
Чувство совести –	«что подумали бы обо мне отцы»

(По мнению М. Л. Гаспарова, чувство чести соотносится с мыслью «что подумали бы обо мне отцы», а чувство совести – «что подумали бы обо мне дети». Синтаксический параллелизм подчеркивает глубину мысли.)

Учащиеся осознают, что настоящий афоризм не только мудр, но и красив, а красоту ему придает лексическое и стилистическое своеобразие.

Закрепление знаний о природе афоризма на лексическом уровне предусматривает подбор примеров, иллюстрирующих следующие явления:

– многозначность слова («Мы бы погибли, если бы мы не погибали»);
– синонимию («Несправедливость по отношению к одному представляет угрозу для всех»);
– антонимию («Хижина, где смеются, – богаче дворца, где скучают»);
– паронимию-каламбур («На каждого заведующего есть свой завидущий»);
– омонимию-каламбур («Самые главные вещи – это не вещи»);
– метафоризацию («Мозг чаще ржавеет, чем изнашивается»).

Возможен и обратный ход – от текста к его лексическому анализу: следует проанализировать предложенные афоризмы и определить, какое лексическое явление лежит в основе каждого.

Пятый этап. Создание собственных афоризмов

Основной этап работы с афоризмами – творческий: опираясь на знание жанровой природы афоризма, каждый из учащихся должен составить свое оригинальное высказывание. Учитель напоминает, что афоризмы должны быть лаконичны и кратко раскрывать сущность предмета. Известно, что для универсальных высказываний, таких как пословицы и афоризмы, характерны: 1) всевременная отнесенность; 2) наличие кванторов всеобщности – наречий, местоимений, отрицаний; 3) наличие контраста; 4) наличие специальных зачинов; 5) использование риторических вопросов (см.: [Карасик 1991: 314]). Поэтому, чтобы направить работу школьников по нужному руслу, предложим им небольшой набор этих кванторов, слов-помощников или композиционных фигур:

- Жизнь (судьба, любовь, история, искусство) – это...
- Каждый раз, когда...
- Все... но мало кто...
- Тот, кто... никогда (всегда)...
- Каждый...
- Никто...
- Если бы... то...
- Самое... – это не... а...
- Все люди делятся на две категории...

Заметим, что в процессе создания афоризма школьник последовательно отрабатывает те же умения, что и при написании сочинения: изобретает тему; строит высказывание с учетом замысла; придает высказыванию соответствующую жанру композиционную форму и стилистическую окраску; отбирает необходимые языковые средства; редактирует написанное («вычеркивает лишнее»); оценивает себя по предложенным критериям.

Большое удовольствие доставляет учащимся обсуждение и оценивание своих работ, которыми впоследствии можно украсить стены классного кабинета:

1. Жизнь – как футбол: кто-то нападающий, кто-то защитник, а кто-то сидит на трибунах.
2. Когда ты найдешь ключи от тайны, то передай эту тайну мне.
3. Понятие объективности субъективно, и лишь понятие субъективности объективно.
4. Тот, кто дышит в спину, никогда не вдохнет полной грудью.
5. Самая спелая ягода не посажена на солнце, а проросла через мрак.
6. Бык сможет договориться с зайцем, только если у первого отпадут рога.

Подобные мини-тексты интересно сравнить с метафорическими портретами чувств, которые школьники составляли ранее по методике Н. Л. Мишатиной:

Стыд – внезапная и глубокая заноза, которая не дает ступить и шага, но вытащить ты ее не можешь; Дружба, как огонь очага, потухает без дровишек заботы и щепочек внимания [Малкова 2017: 186–187].

При этом уточняется специфика каждой жанровой формы: метафорический портрет – описание, афоризм – суждение или императив.

Оценка созданных учащимися афоризмов должна основываться на следующих критериях:

1) глубина мысли, философичность, поучительность;
2) остроумие, парадоксальность, оригинальность, нестандартность (возможно, алогизм);

3) стилистическое изящество, лаконизм (учитель предупреждает, что в афоризме не бывает информативно незначащих, лишних слов).

Вес каждого критерия – три балла: «Нет» (0 баллов) – «Скорее нет» (1 балл) – «Скорее да» (2 балла) – «Да» (3 балла). «Члены жюри» оценивают афоризмы одноклассников по этим критериям. Такое взаимооценивание развивает важные регулятивные учебные действия.

По итогам творческой работы проводится конкурс на лучшего афориста, примерные номинации: «Глубина мудрости», «Взрыв мозга», «Блеск стиля».

Обсудив и оценив созданные друг другом афоризмы, группа учащихся может составить мини-сборник собственных изречений и дать ему заглавие. Также возможна проектная работа – придумать к этим сборникам вопросы и задания для другой группы (параллельного класса).

Шестой этап. Сопоставление афоризмов

Этот и следующий этапы предваряют итоговое проектное задание, готовят к нему. На пути к созданию словаря афоризмов важно поработать с классификацией изречений. Учащиеся вместе с учителем обнаруживают, что в корпусе афоризмов встречаются случаи сверхфразовой синонимии и антонимии: совпадение идей афоризмов или их полная противоположность. Иногда афоризм содержит аллюзию или реминисценцию, отсылает к предшествующим (прецедентным) текстам. На основе этих наблюдений формулируются следующие задания.

1. Синонимия. Подберите самостоятельно из Приложения[4] синонимические выражения. (Или: Рассмотрите данные учителем пары.) На каком основании можно объединить каждые два афоризма? Что их различает?

А) Слабый всегда уступает дорогу сильному. И только самый сильный уступает дорогу всем (М. Эйве).

Б) Сильный не тот, кто может положить на лопатки одним взглядом, а тот, кто может одной улыбкой поднять с колен (Ж. Бинош).

2. Антонимия, или Спор афоризмов. Найдите в Приложении[5] афоризмы-антонимы. (Или: Рассмотрите данные учителем пары.) Как понимать каждое высказывание и с кем из авторов можно согласиться?

А) Мне всегда было непонятно – люди стыдятся бедности и не стыдятся богатства (Ф. Раневская).

Б) Не бедность невыносима, а презрение. Я могу обходиться без всего, но я не хочу, чтобы об этом знали (Вольтер).

3. Аллюзии. Найдите в Приложении[6] изречения, отсылающие к пословицам или другим общеизвестным текстам. Вспомните пословицу, которая обыгрывается в афоризме. Как эти высказывания связаны по смыслу?

А) Хорошо смеется тот, кто смеется последним. – У того, кто смеется последним, обычно недостает переднего зуба («Пшекруй»).

Б) Устами младенца глаголет истина. – Кому он нужен – такой младенец, устами которого глаголет истина? (Л. Леонидов).

Седьмой этап. Классификация и систематизация афоризмов

На этом этапе школьники продумывают концепцию – логику систематизации афоризмов в своем будущем словаре. Это могут быть критерии авторства, формы, оценочности высказывания: авторство/анонимность, суждение/побуждение, серьезные/шуточные высказывания и др. Полезно предварительно изучить с этой точки зрения известные опубликованные собрания афоризмов.

Чаще всего сборники строятся по тематическому принципу. Афоризмы затрагивают философские, нравственные, педагогические, общественно-политические проблемы. Тематическая группа может делиться на разделы: подгруппы афоризмов, а внутри разделов афоризмы располагаются в алфавитном порядке по их авторам.

Школьники упражняются в таком тематическом распределении: разбивают 12–15

[4] См.: *Малкова Ю. В.* Афоризмы для заданий и проектов. С. 11–15.

[5] Там же.

[6] Там же.

афоризмов (отобранных из Приложения[7] или найденных в других источниках) на группы и подгруппы, сформулировав темы самостоятельно. Эту работу хорошо проводить в парах, в тройках, чтобы ребята обсуждали темы вместе. Названия групп у них могут получиться в виде цитат, обобщенных понятий: сущность человека, отношение к людям, судьба, любовь, искусство и т. п., а могут – в виде пар оппозиций (так как природа афоризма антитетична): богатство и бедность, счастье и несчастье, жизнь и смерть.

Учитель может дать индивидуальное задание: провести исследовательскую работу и выступить с докладом «Анализ тематики (семантических полей, концептов) русской афористики XVIII (XIX, XX) века». Выводы подобных учебных исследований, очевидно, будут коррелировать с наблюдениями ученых: в отечественной афористике XVIII в. важнейшими темами были качества человека (глупость, ум), язык, учение, Россия (отечество), мудрость, слава, мир, закон, рабство, порядок; в XIX в. это – Россия (родина), человек, свобода, смерть/бессмертие, поэт, радость/печаль, истина, ложь, война, мир; в XX в. – слава, время, книги, дети, борьба, деньги, молодость, мужчина, женщина, революция (см.: [Королькова 2018]).

Афоризмы можно расположить и по хронологическому принципу (когда, в какую историческую эпоху афоризм был создан) или географическому (в какой стране). Также за основу классификации школьники могут взять синтаксические (типы предложений) или логико-смысловые модели (предписывающие, констатирующие, оценочные; афоризмы-определения, афоризмы-предположения).

Отдельное, более сложное задание предлагается в X–XI классах для работы в малых группах (4–5 человек): составить и прокомментировать «Специальный (тематический) сборник афоризмов». Ниже представлены возможные названия таких сборников с примерами входящих в них изречений.

I. Лингвистические афоризмы.

1. Кто не знает чужих языков, не знает ничего о своем (Гёте).

2. Не зная иностранных языков, ты никогда не поймешь молчание иностранца (С. Ежи Лец).

3. Границы моего мира определены границами моего языка (Л. Витгенштейн).

4. Некоторые пословицы противоречат одна другой. В этом, собственно, и заключается народная мудрость (С. Ежи Лец).

5. Сегодняшняя морфология – это вчерашний синтаксис. Части речи – это застывшие синтаксические роли (Т. Гивон).

6. Язык, лишенный полисемии, превратился бы в «лингвистический ад» (О. Есперсен).

7. Есть слова, которые мы боимся писать с маленькой буквы несмотря на то, что грамматика нам это позволяет (В. Бутулеску).

II. Афоризмы, произнесенные литературными героями.

1. Не приведи Бог видеть русский бунт...
2. Природа не храм, а мастерская...
3. Служить бы рад, прислуживаться тошно.
4. Из двух друзей всегда один раб другого.
5. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить?
6. Тварь ли я дрожащая или право имею?

Учащиеся выдвигают гипотезу и обосновывают, почему высказывание принадлежит тому или иному герою.

III. Философские формулы в лирике.

1. Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать... (А. Пушкин).
2. Ты сам свой высший суд... (А. Пушкин).
3. Мысль изреченная есть ложь (Ф. Тютчев).
4. Быть знаменитым некрасиво (Б. Пастернак).

Что имел в виду каждый поэт? Как вы это понимаете?

IV. Афоризмы о литературе.

1. Пушкину и в тюрьме было бы хорошо. Лермонтову и в раю было бы скверно (В. Розанов. Пушкин и Лермонтов).

2. Всю мировую литературу я разделяю на два типа – литература дома и литература бездомья. Литература достигнутой гармонии и литература тоски по гармонии (Ф. Искандер. Размышления писателя).

3. Литераторы в чем-то копируют свои родные города. Петербургские поэты застегнуты «на все пуговицы». Московские авторы более распахнуты, «разбросанны» (А. Кушнер).

[7] См.: *Малкова Ю. В.* Афоризмы для заданий и проектов. С. 11–15.

4. У Л. Толстого мы слышим, потому что видим; у Достоевского мы видим, потому что слышим. ...От телесного Л. Толстой идет к душевному, от внешнего – к внутреннему. Достоевский: от внутреннего идет к внешнему (Д. Мережковский. Л. Толстой и Достоевский).

5. Проза занимает место в литературе только благодаря содержащейся в ней поэзии (Рюноскэ Акутагава).

Что имел в виду каждый автор? Какими цитатами из художественных произведений вы можете проиллюстрировать каждое высказывание?

V. Формулы творчества, состоящие из ряда афоризмов.

1. Маяковский являлся, Пастернак таился. Маяковский себя наказал. Пастернак – скрывал. У Маяковского – слушатель, у Пастернака – подслушиватель, соглядатай, даже следопыт. Маяковский действует на нас, Пастернак – в нас (М. Цветаева. Эпос и лирика современной России).

2. Разница между Кушнером и Бродским есть разница между печалью и тоской, страхом и ужасом. Печаль и страх – реакция на время. Тоска и ужас – реакция на вечность. Печаль и страх обращены вниз. Тоска и ужас – к небу (С. Довлатов. Соло на IBM).

Дополнительное задание дается к уроку литературы: создать «формулу творчества» двух поэтов («Пушкин и Лермонтов», «Тютчев и Некрасов», «Цветаева и Ахматова»), основанную на антитезе. «Формула творчества» должна состоять из нескольких взаимосвязанных афоризмов и передавать особенности каждого из поэтов.

Итоговая проектная работа «Словарь афоризмов»

Эта проектная работа (групповая или индивидуальная) основывается на умениях, сформированных на предыдущих этапах изучения афористики. Учащимся предлагается составить свой словарь афоризмов или тематический сборник-антологию.

Продумайте, как будет называться ваш словарь («Учебник жизни», «Почитай и посмейся», «Формулы ума»). Отберите для него 30–40 интересных для вас афористических высказываний. Сгруппируйте их (4–5 групп) по смыслу, по ключевым словам-концептам, по авторам, странам, эпохам или расположите в иной логике. Напишите предисловие, объясняющее принципы отбора афоризмов, логику разделения словаря (или сборника) на разделы, тематические части. Продумайте макет обложки, подберите иллюстрации для разных частей вашего сборника. По форме словарь может представлять собой распечатанную брошюру, веб-сайт, электронный документ, приложение для мобильных устройств и т. д. Можно оформить сборник в виде компьютерной презентации.

По завершении проекта каждая группа представляет свой сборник одноклассникам. Оцениваются принципы, по которым отобраны афоризмы, и композиция сборника.

Заключение. Итак, работа с афористикой в школе должна быть последовательной и включать в себя разные виды речемыслительной деятельности: интерпретацию афоризмов, постижение их жанровой природы (аналитическая деятельность), сочинение собственного текста-афоризма (творческая деятельность) и создание сборника (словаря) афоризмов (проектная деятельность). Такой многоаспектный подход развивает предметные филологические компетенции. Классы, в которых проводилась последовательная работа по данной методике, показывают сформированные навыки смыслового чтения, испытывают меньше затруднений при написании сочинений на ОГЭ (задания 6, 9.1–9.3) и ЕГЭ (задания 1, 2, 3, 22, 27) по русскому языку. Работа по предлагаемой методике не только повышает качество предметной обученности, но и влияет на достижение метапредметных и личностных результатов. Познавательные компетенции формируются при истолковании афоризмов, их классификации; регулятивные универсальные действия отрабатываются в процессе самопроверки и взаимопроверки; коммуникативные – в проектной работе в команде. Личностными результатами обучения являются укрепление ценностно-смысловых установок и развитие эстетического сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 138 с.

2. *Жолковский А. К., Щеглов Ю. К.* Разбор одной авторской паремии // Паремиологический сборник: пословица, загадка: структура, смысл, текст; сост., ред. и предисл. Г. Л. Пермякова. М.: Наука, 1978. С. 163–211.

3. *Иванов Е. Е.* Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 4. С. 659–706. DOI: 1022363/2313-2299-2020-11-4-659-706.

4. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. 495 с.

5. *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. 356 с.

6. *Королькова А. В.* Афористика в контексте русской культуры: монография. Смоленск: Издательство СмолГУ, 2018. 226 с.

7. *Коряковцев А.* Карнавал языка. Афоризм как литературный жанр // Урал. 2002. № 3 [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/ural/2002/3/karnaval-yazyka.html (дата обращения: 09.07.2021).

8. *Лавлинский С. П.* Технология литературного образования. Коммуникативно-деятельностный подход: учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция: ИНФРА-М, 2003. 381 с.

9. *Малкова Ю. В.* От метафорического портрета к эссе: развитие концептуального мышления школьников // Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития: монография / науч. ред. Н. Л. Мишатина. СПб.: Книжный дом, 2017. С. 146–165.

10. *Федоренко Н. Т., Сокольская Л. И.* Афористика. М.: Наука, 1990. 145 с.

REFERENCES

1. *Galperin I. R.* Text as an object of linguistic research. Moscow: Science, 1981. 138 p. (In Russ).

2. *Zholkovsky A. K., Shcheglov Yu. K.* Analysis of one author's paremia. Permyakova G. L. (ed.). *Paremiological collection: proverb, riddle: structure, meaning, text.* Moscow: Science, 1978. P. 163–211. (In Russ).

3. *Ivanov E. E.* Aphorism as an object of linguistics: the main features. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN journal of language studies, semiotics and semantics.* 2020. Vol. 11, No. 4. P. 659–706. DOI: 1022363/2313-2299-2020-11-4-659-706. (In Russ).

4. *Karasik V. I.* The language of social status. Moscow: Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR; Volgograd Pedagogical Institute, 1991. 495 p. (In Russ).

5. *Kozyrev V. A., Chernyak V. D.* Universe in alphabetical order: Essays on Russian dictionaries. Saint-Petersburg: Herzen State Pedagogical University, 2000. 356 p. (In Russ).

6. *Korolkova A. V.* Aphoristics in the context of Russian culture: monograph. Smolensk: SmolSU, 2018. 226 p. (In Russ).

7. *Koryakovtsev A.* Carnival of the tongue. Aphorism as a literary genre. Ural. 2002. No. 3. URL: https://magazines.gorky.media/ ural/2002/3/karnaval-yazyka.html (accessed: 09.09. 2021). (In Russ.).

8. *Lavlinsky S. P.* Literary educational technology. Communicative-activity approach: textbook. allowance. Moscow: Progress-Tradition, INFRA-M, 2003. 381 p. (In Russ.).

9. *Malkova Yu. V.* From a metaphorical portrait to an essay: the development of conceptual thinking of schoolchildren. Mishatina N. L. (ed.). *Methodical linguoconceptology: results and development prospects.* Saint-Petersburg: Book House, 2017. P. 146–165. (In Russ.).

10. *Fedorenko N. T., Sokolskaya L. I.* Aphoristics. Moscow: Science, 1990. 145 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юлия Владиславовна Малкова, *кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования*

Yulia V. Malkova, *Cand of Sci. (Philol.), Associate Professor, Saint-Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education*

Статья поступила в редакцию 16.06.2021; одобрена после рецензирования 02.07.2021; принята к публикации 22.07.2021.

The article was submitted 16.06.2021; approved after reviewing 02.07.2021; accepted for publication 22.07.2021.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ **УДК 81'42.811.161.1**
DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-48-55

Гармония и хаос как конститутивные признаки языковой картины мира повести С. Довлатова «Заповедник»

(к 80-летию со дня рождения)

Елена Юрьевна Геймбух
Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, gejmbuh@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-2129-9876

Аннотация. Статья посвящена изучению языковой картины мира повести С. Довлатова «Заповедник». Стремление автобиографического героя найти дорогу из хаоса к гармонии представлено как тексто- и сюжетообразующий признак. Языковые репрезентанты гармонии и хаоса рассматриваются как два полюса бытия и как парадоксальное выражение нерасчлененного единства мира, окружающего героя (норма как дисгармония, абсурд как порядок и т. п.). На основе анализа языка повести делается вывод о том, какие явления бытия воплощают для автобиографического героя-повествователя гармонию (Пушкин, творчество, Бог). Методы описания языкового материала определяются антропоцентрической парадигмой современной лингвистики.

Ключевые слова: Довлатов, «Заповедник», языковая картина мира, хаос, гармония

Для цитирования: *Геймбух Е. Ю.* Гармония и хаос как конститутивные признаки языковой картины мира повести С. Довлатова «Заповедник» (к 80-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 48–55. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-48-55.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Harmony and chaos as constitutive features of the linguistic picture of the world in S. Dovlatov's novella "Nature Reserve" ("Zapovednik") (to the 80th anniversary of the birth)

Elena Yu. Gejmbukh
Moscow City University, Moscow, Russia, gejmbuh@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-2129-9876

Abstract. The paper is devoted to the study of the linguistic picture of the world in S. Dovlatov's novella "Nature Reserve" ("Zapovednik"). The autobiographical hero's desire to find a way out of chaos to harmony is presented as a text- and plot-building feature. The linguistic representations of harmony and chaos are considered to be the two poles of existence and a paradoxical manifestation of the indivisible unity of the world surrounding the protagonist (the norm is viewed as disharmony, absurdity – as order and so on). The research is based on the analysis of the language of the novelette. The existential phenomena embodying harmony for the autobiographical hero (namely, Pushkin, creativity, God) are identified. The methods for describing the linguistic material are determined by the anthropocentric paradigm in modern linguistics.

Keywords: Dovlatov, "Nature Reserve" ("Zapovednik"), linguistic picture of the word, chaos, harmony

For citation: *Gejmbukh E. Yu.* Harmony and chaos as constitutive features of the linguistic picture of the world in S. Dovlatov's novella "Nature Reserve" ("Zapovednik") (to the 80th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2021. Vol. 82, No. 5. P. 48–55. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-48-55. (In Russ.).

© Геймбух Е. Ю., 2021

Введение. В наше время С. Довлатов не мог бы пожаловаться на невнимание исследователей: выходят монографии, защищаются диссертации; его творчество изучается (или хотя бы упоминается) в вузе и школе. Повесть «Заповедник» также становится предметом анализа литературоведов и лингвистов. Исследователи обращаются к различным аспектам произведения: активно изучается комическое [Клименчук 2019], интертекстуальные связи [Богданова, Власова 2019], герой-повествователь [Когатова 2018], особенности языковой личности в целом[1], а также смысл заглавия произведения [Малащенко 2018]. Данная статья посвящена характеристике языковой картины мира повести.

Повесть «Заповедник» была начата в 1976–1977 гг. в Ленинграде, затем продолжена в 1978–1979 гг. в Вене, завершена и напечатана в 1983 г. в США. В основе этой повести, как и других произведений писателя, – автобиографическое повествование, рассказ о переломном моменте бытия: жизнь и работа в Пушкиногорье дана сквозь призму постепенного осознания автобиографическим героем необходимости эмиграции. И не случайно повесть посвящена *жене, которая была права.*

Анализ. Сюжет произведения не столько событийный, сколько ментальный. Заповедник – это и определенный локус, и этап жизни автобиографического героя: бегство от себя самого и осознание решения, которое подспудно уже созрело. В какой-то момент герою кажется, что бегство удалось:

Короче, жизнь несколько стабилизировалась... Мои несчастья были вне поля зрения;

Короче, жизнь обрела равновесие. Стала казаться более осмысленной и логичной. Ведь кошмар и безнадежность – еще не самое плохое. Самое ужасное – хаос...[2]

На наш взгляд, эти строчки имеют сюжето- и текстообразующее значение: герой стремится вырваться из *хаоса* и обрести гармонию (*стабилизация*, *равновесие*; *осмысленность и логичность*). А если вспомнить высказывание из «Записных книжек»: *Основа всех моих занятий – любовь к порядку. Страсть к порядку. Иными словами – ненависть к хаосу* [Довлатов 2005: 470], – то это стремление можно воспринять и как жизнеобразующее.

В языковой картине мира «Заповедника» хаос («беспорядок, путаница»[3]) и гармония («согласованность, стройность»[4]) в ценностном аспекте представляют собой два полюса. Однако в реальной жизни автобиографического героя, в душах окружающих его людей, в мире в целом порядок и беспорядок не всегда отделены друг от друга и часто кажутся неотличимыми. И хотя в тексте повести названные сферы бытия неразрывно слиты, для удобства описания мы будем последовательно рассматривать разные уровни: хаос и гармония в мире – в душах людей – в душе автобиографического героя.

Цель данной статьи – описать языковую картину мира повести «Заповедник», которая, при всей ее сложности и противоречивости, все же имеет устойчивый фундамент – представление о гармонии и стремление к ней.

Общим местом работ о творчестве С. Довлатова стало утверждение абсурдности изображаемого им мира. Абсурд – «нелепость, бессмыслица»[5] – воспринимается нами как синоним хаоса, против которого борется писатель. М. Липовецкий, рассматривая рассказы из цикла «Наши» (написаны в США в начале 1980-х гг., опубликованы в 1983 г.), утверждает, что «Довлатов воспринимает абсурд как опасность», однако «сам исподволь любуется абсурдностью жизни, находя в ней чисто эстетическую радость непредсказуемого. Вот почему довлатовский герой никогда не может отказать себе в удовольствии преумножить абсурдность мира». Однако «Заповедник» был начат раньше, до эмиграции, и у писателя еще сохранялась иллюзия, что хаос, абсурд – здесь, а там – за границей, на *том свете* – все по-другому. Вероятно, поэтому абсурд в «Заповеднике»

[1] *Хлупина М. А.* Особенности языковой личности С. Д. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2015. 25 с.

[2] Здесь и далее текст повести цит. по: *Довлатов С.* Заповедник // *Довлатов С.* Ремесло. СПб.: Азбука-классика, 2005. С.157–251.

[3] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 747 (СО).

[4] Там же. С. 110.

[5] Там же. С. 18.

не имеет «интегрирующей силы» (о которой по отношению к «Нашим» пишет М. Липовецкий), не воспринимается как общая «почва и судьба», «как основа *порядка*» (курсив М. Липовецкого. – *Е. Г.*) [Липовецкий 1999, Электронный ресурс].

При всей ненависти писателя к хаосу его герой – часть этого мира, и потому он не может не соприкасаться с абсурдной жизнью, и хаос иногда проникает в него самого. Как/в чем проявляется хаос в мире и каким образом С. Довлатов акцентирует внимание на значимых для героя признаках окружающего мира?

Хаос и гармония в мире. Несмотря на небольшие размеры повести, мир в ней устроен достаточно сложно. Наиболее широкая сфера – бытие как таковое, уклад жизни, который сложился давно, но так же, как и современная автору действительность, подвергается осмыслению и оценке. И, как правило, внимание писателя привлекают те нормы бытия, которые вызывают у него внутренний протест.

Например, обыденное, привычное как непорядок представлено в рассуждениях о «Дневниках» Алексея Вульфа:

> О Пушкине говорилось дружелюбно, иногда снисходительно. Вот она, пагубная для зрения близость. Всем ясно, что у гениев должны быть знакомые. Но кто поверит, что его знакомый – гений?

Эти мысли предваряют разговор с женой, которая упрекает героя в отсутствии *минимальных предпосылок* для того, чтобы вести *образ жизни знаменитого литератора*. А поскольку данные эпизоды предельно сближены, нельзя не увидеть параллель между отношением Вульфа к его «знакомому» и отношением жены к герою (недооценка гения).

Обобщенное рассуждение о поведении женщин, завершающее первый диалог героя и его жены, также представлено как норма и выглядит как непорядок, отсутствие гармонии:

> В разговоре с женщиной есть один болезненный момент. Ты приводишь факты, доводы, аргументы. Ты взываешь к *логике и здравому смыслу*. И неожиданно обнаруживаешь, что ей противен сам звук твоего голоса... (нарушение *логики и здравого смысла*).

Размышления о *страсти к неодушевленным предметам* приводят рассказчика к выводу: *...не люблю я восторженных созерцателей... любовь к березам... развивается как* ***суррогат*** *патриотизма. Суррогат* воспринимается как подмена, фальсификация, т. е. тоже как нарушение порядка, что приводит к подмене ценностей, размытости нравственной составляющей: *В поразительную эпоху мы живем. «Хороший человек» для нас звучит как оскорбление.* И хотя последняя фраза акцентирует внимание на современной Довлатову действительности, «экскурсы» в прошлое и гномическое настоящее (*вот она*; *есть*, *приводишь*, *взываешь*; з*вучит*) подчеркивают, что многое в миропорядке, отвергаемом героем, складывалось веками. Основное различие между автобиографическим героем и всеми остальными «пушкиногорцами» в том и состоит, что герой хотя и не всегда следует нравственным законам, но осознает их существование и стремится если не достичь гармонии, то хотя бы установить порядок, а остальные персонажи как бы законсервированы в своем бытии, независимо от того, воспринимают они его как непорядок (Валера Марков, майор Беляев) или нет (все остальные).

Так как все обобщающие рассуждения – продукт сознательной деятельности, то в авторских характеристиках проявляется набор репрезентантов гармонии (*порядок*, *равновесие*, *осмысленность и логичность*, *логика и здравый смысл*, *норма* и др.) и хаоса (*абсурд*, *суррогат*, *макет*, *фикция*, *выдумка*, *ненормальность*, *безумие* и др.). В повести есть прямая авторская оценка, сопоставляющая и противопоставляющая гармонию и хаос: *Мир охвачен безумием. Безумие становится нормой. Норма вызывает ощущение чуда...* Однако абсурдность мира в том и заключается, что норма не всегда имеет отношение к гармонии, а представления о порядке иногда граничат с безумием.

Вторая (более узкая) сфера бытия (быт; обыденность, которая складывается на глазах у героя) представлена уже не как норма миропорядка, а как действия, противоречащие здравому смыслу, или дисгармоничное положение вещей, которое уродует человеческие отношения. Если положение дел в первом круге в силу высокой степени

обобщенности не может не касаться героя-повествователя, то происходящее во втором круге непосредственно основного носителя речи не затрагивает, он остается наблюдателем и выразителем оценки:

(о туристской базе) Какой-то идиот построил ее на расстоянии четырех километров от ближайшего водоема;

Кривоногий местный тракторист с локонами вокзальной шлюхи был окружен назойливыми румяными поклонницами;

Господи, думаю, здесь все ненормальные. Даже те, которые считают ненормальными всех остальных.

То, что связано с заповедником, лежит на границе двух сфер бытия, в одной из которых повествователь является лишь сторонним наблюдателем, а другая непосредственно входит в личную сферу автора. К личной сфере относятся Пушкин-творец и Пушкин – объект музейной деятельности. Герой-повествователь как нарушение порядка воспринимает желание администрации заповедника превратить Михайловское и Тригорское в *грандиозный парк культуры и отдыха*, в котором интерес к Пушкину становится разменной монетой:

Очевидно, любовь к Пушкину была здесь самой ходовой валютой;

Все обожают Пушкина. И свою любовь к Пушкину. И любовь к своей любви.

Уверенность, что *музей – не театр*, заставляет героя-повествователя бережно относиться к подлинности экспонатов и исторических реликвий, и потому в его сознании Псковский кремль со *вновь оштукатуренными стенами*; *с безобразной, прибалтийского вида, кованой эмблемой* воспринимается как *громадных размеров* ***макет***, т. е. копия, причем копия, разрушающая исторический колорит (ср. с мнением администрации: *Да какая разница – Ганнибал, Закомельский...*).

В этом же русле выявления подтасовки исторических фактов – утверждение о том, что *аллея Керн – это выдумка Гейченко... фикция...* В разговоре экскурсоводов с женой автобиографического героя развенчивается и образ самой Керн: сначала Потоцкий использует эвфемизм, а затем «переводит» слова Митрофанова: *Она была куртизанкой... «просто шлюха»*. При этом повествователь отмечает и островки гармонии в море насаждаемых фантазий: *Экспозиция была построена логично и красиво* (о Тригорском), *Храм был реален, приземист и грациозен* (о Святогорском монастыре).

Помимо беглых зарисовок вторая сфера бытия (быт, обыденность) представлена развернутыми портретами людей, с которыми герою-повествователю приходится сталкиваться в заповеднике: это и обычные деревенские жители (Михал Иваныч, Валера Марков), и работники заповедника из местных (Галина, Марианна и др.), и приезжие экскурсоводы (Володя Митрофанов, Стасик Потоцкий).

Как абсурд представлена ограниченность видимым миром кругозора деревенских жителей; то, что происходит за пределами обжитого пространства и времени, для них практически не существует. Так, продавец в лавке говорит о Магеллане как о своем соотечественнике и современнике: *Может, умер... Или героя дали...*; представления Толика о Ленинграде сводятся к знакомству со словом: *А, знаю, слышал...*; слова о распятии Христа (*Так это когда было! Это еще до революции было!*) свидетельствуют о том, что истории до революции для Михал Иваныча практически не существует.

Однако нельзя сказать, что подобная ограниченность свойственна исключительно жителям деревни. Туристы из разных уголков страны стекаются в пушкинский заповедник, и их вопросы экскурсоводу свидетельствуют о примитивности культурного уровня: туристы из Риги задают вопросы о том, *сколько было у Пушкина крепостных? Какой доход приносило Михайловское? Во что обошелся ремонт господского дома?*; кавказцы спрашивают, *из-за чего была дуэль Пушкина с Лермонтовым?*; активист из Торжка интересуется, *за сколько куплен портрет* Пушкиным; толстяк с блокнотом – *как отчество младшего сына Пушкина*. Незнание – это один из полюсов абсурда; второй полюс – желание продемонстрировать свои знания, задавая вопрос, на который знаешь точный ответ, и уколоть человека, этими знаниями не обладающего (*... женщина в очках... не переставала иронически улыбаться. Так, словно мое равнодушие к Бенкендорфу говорило о полной духовной нищете*).

На этом фоне выделяется майор Беляев, который, начав увещевание героя расхожими

штампами (...*оступился парень. Не туда завела его кривая дорожка*), неожиданно переходит к литературной критике (...*почитал я ваш хваленый самиздат. Дерьма не меньше, чем в журнале «Знамя». Только все перевернуто. Где белое, там черное, где черное, там белое...*), а затем и к прямо диссидентским советам: *Я бы на твоем месте рванул отсюда, пока выпускают.* Ситуация с майором не уменьшает, а увеличивает дисгармонию мира, потому что о бегстве из страны говорит человек, который этой стране служит и который призван защищать ее ценности.

В качестве абсурда воспринимается автобиографическим героем не только культурная ограниченность, отсутствие образования/спекуляция знаниями, но и отсутствие нравственных норм, вернее, полная путаница в том, что такое хорошо и что такое плохо. Наиболее полно в этом отношении обрисован Михал Иваныч.

Портрет строится на со- и противопоставлении мнения Михал Иваныча о себе и той объективной картины, которую рисует герой-наблюдатель. Так, описание дома и жизни Михал Иваныча производит впечатление крайней степени нищеты, однако *пустые бутылки он не сдавал, выбрасывал. – Совестно мне... чего это я буду, как нищий...* При этом *в деревне Михал Иваныча не любили, завидовали ему. Мол, и я бы запил!.. Так ведь хозяйство...* Абсурд – в характере оценки: там, где должно быть сочувствие/осуждение, оказывается зависть.

Отношение повествователя к Михал Иванычу неоднозначно. Сначала автобиографический герой спорит с зажиточными соседями Михал Иваныча, не желая поддакивать им в его осуждении:

– Миша – человек безрассудный, я понимаю, но добрый и внутренне интеллигентный... Действительно, было в Михал Иваныче что-то аристократическое.

Здесь просматривается абсурд и в авторской оценке: аристократичность видится в нежелании сдавать пустые бутылки. Однако чуть позже повествователь рисует такие черты Михал Иваныча, которые заставляют сомневаться в данной ему характеристике: ...*нелепый, добрый, бестолковый.* Да, он *до утра просидел на крыльце, боялся... разбудить* своего квартиранта, который нечаянно закрыл дверь изнутри, но *повесил двух кошек...*; оскорбляет своего соседа, угрожает ему и в то же самое время просит денег; *жену чуть не зарезал*, по словам того же соседа; о детях, которые *в кедах бегают зимой*, не вспоминает.

Интересно, что в редких рассуждениях Михал Иваныча дважды повторяется фраза: *порядок есть порядок*. Таким образом С. Довлатов подчеркивает значимость того, что же считает порядком его персонаж:

Любил и уважал буфетчицу в шалмане, которая его неизменно обсчитывала: «Без этого нельзя, порядок есть порядок!»;

– Немцы... худого не делали. ...Правда, жидов и цыган они того... Увезли с концами. Порядок есть порядок...

Возможность встать на чужую точку зрения оборачивается здесь полной нравственной слепотой, когда за нормы (*порядок*) принимаются не просто безнравственные, но и бесчеловечные поступки.

Интересно, что в «портретной галерее» «Заповедника» практически нет одиночных портретов: каждый из персонажей дан на фоне других, благодаря чему полнее и ярче обрисовывается как специфика каждого, так и всеобщий абсурд. Например, портрет Михал Иваныча дан на фоне другого сельского жителя – фотографа Валеры Маркова, человека, занятие которого позволяет ему безбедно существовать, но который от бессмысленности бытия спасается пьянством. Валера, как и многие, на кого направлено внимание автора, мечтает об эмиграции (*У меня была идея – рвануть отсюдова куда попало*), и он единственный, кто оценил героя-повествователя: *Шапки долой, господа! Перед вами – гений!*

Портреты приезжих экскурсоводов также даны в паре. Абсурдность жизни Володи Митрофанова, блестяще образованного человека с *редким клиническим заболеванием... – полной атрофией воли*, воспринимается как насмешка рока. Судьба человека, *прочитавшего десять тысяч книг*, дается в параллели с судьбой Стасика Потоцкого, прочитавшего *двенадцать современных книг* и убедившегося, *что может писать не хуже*. Характеристики, которые рассказчик дает произведениям Потоцкого (*заурядны*, *тривиальны*, *идейно полноценны*, *убоги*, *вторичны*), противоположны авторскому восприятию экскурсий Митрофанова (*внезапные параллели*, *ослепительные гипотезы*)

и в целом пополняют сферы шаблонного мышления (так не должно быть у писателя) и творческого осмысления действительности (единственно возможного не только для писателя, но и для человека вообще, на взгляд С. Довлатова).

В описании произведений Потоцкого раскрывается еще одно парадоксальное явление: в сфере писательства норма («узаконенное установление, признанный обязательным порядок»[6]) приводит к разрушению творческой составляющей. Решить раз и навсегда проблему «как писать», по мнению Потоцкого, для творческого человека невозможно в принципе. Не случайно в повести повторяются слова, ставшие камнем преткновения для автобиографического героя, отметившего свое тридцатилетие: *К тридцати годам необходимо разрешить все проблемы за исключением творческих*. Значимость этих слов подчеркивается их повторением, они становятся объектом рефлексии автобиографического героя, а ответы на вопросы он ищет как в окружающей его жизни, так и в жизни и творчестве Пушкина.

Третий круг бытия – это личный круг героя-повествователя: семья (быт), духовная сфера (сначала противопоставленная быту, а затем объединенная с ним в Бытие) и как часть личной духовной сферы – Пушкин.

В этом круге семья как быт вплоть до последних страниц повести отделена от духовного бытия, и только в конце происходит восстановление гармонии: *Вдруг я увидел мир как единое целое*. Сначала жизнь предстает как необходимость выбора: жить или писать, быт или творчество. Однако к решению нетворческих проблем взывает не только быт, но и бытие: оставаться жить в России или уезжать. «Кошмар» здесь опять противопоставлен хаосу: на родине он чувствует себя своим, на *том свете* боится стать чужим. Таким образом в повествование вплетается еще одно измерение хаоса: невключенность в мир (обратим внимание на то, как герой описывает состояние после выпивки: *Я на время стал частью мировой гармонии... Видно, гармония таилась на дне бутылки*. И хотя в этих словах явно чувствуется горькая ирония, есть в них и доля истины: забвение проблем создает иллюзию гармонии).

При внешнем противопоставлении творчества (духовное) и семьи (быт) в повести подспудно нарастает ощущение их нерасторжимого единства, общего источника:

> Как ни странно, я ощущал что-то вроде любви. Казалось бы – откуда?! Из какого сора? <...> До чего же Он по-хорошему неразборчив, этот царь вселенной!..

В этих размышлениях нельзя не видеть отсылки к А. Ахматовой (*Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда*...). Ощущение того, что и любовь, и творчество дарованы Богом, приводит героя к осмыслению своей судьбы (*Это была уже не любовь, а судьба*...; *Тут уже не любовь, а судьба*). Другими словами, герой находит истинный источник гармонии: *Тогда я, может, поверю, что Бог – есть*.

В третьем круге бытия, в духовной сфере автора, сталкиваются два пушкинских мифа: «Демифологизируя идеологический вариант пушкинского мифа, Довлатов создает свою мифологию, в которой Пушкин предстает не человекобожеством, а смертным человеком и одновременно великой творческой личностью. Так в повести соединяются мифоборческие и мифотворческие начала»[7]. Идеологический вариант мифа представлен многочисленными штампами, бесконечное повторение которых замещает понимание Пушкина и исключает свободное размышление над его творчеством:

> Миру крепостнических отношений противопоставил Александр Сергеевич этот вдохновенный гимн бескорыстия...
>
> Пушкин – наша гордость! Это не только великий поэт, но и великий гражданин...
>
> История культуры не знает события, равного по трагизму... Самодержавие рукой великосветского шкоды...

Развенчание мифа происходит за счет комментариев повествователя либо сюжетных сближений, которые разрушают патетику:

[6] СО. С. 359.

[7] *Доброзракова Г. А.* Поэтика С. Д. Довлатова в контексте традиций русской литературы XIX–XX веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. М.: РУДН, 2012. С. 22.

– В жизни Пушкина еще так много неисследованного... Кое-что изменилось с прошлого года... – В жизни Пушкина? – удивился я;

– Тут все живет и дышит Пушкиным... Так и ждешь, что он выйдет сейчас из-за поворота... Между тем из-за поворота вышел Леня Гурьянов, бывший университетский стукач;

– Исполнилось пророчество: «Не зарастет священная тропа!..» Не зарастет, думаю... Ее давно уже вытоптали эскадроны туристов.

Еще один способ развенчать декларируемую любовь к Пушкину – сопоставление того, что советуют начинающему экскурсоводу (*Нужно как следует подготовиться. Проштудировать методичку*), и того, как он отвечает на вопрос, за что любит Пушкина. В ответе раздвигаются пространство и время, Пушкин включается в европейскую литературу, сопоставляется с Гете, Байроном, Шекспиром; слышится личностное отношение говорящего к Пушкину, вне прокрустова ложа идеологического мифа: *...лирика Пушкина. И если она горька, то не в духе Байрона, а в духе, мне кажется, шекспировских сонетов....* Жене во время экскурсии он *рассказывал... о маленьком гениальном человеке, в котором так легко уживались Бог и дьявол. Который высоко парил, но стал жертвой обыкновенного земного чувства.*

И это *свое отношение* постепенно складывается в довлатовский миф о Пушкине: *Больше всего меня заинтересовало олимпийское равнодушие Пушкина... Он был только поэтом, гением... Его литература выше нравственности. Она побеждает нравственность и даже заменяет ее.* Гармоничность Пушкина, по мнению С. Довлатова, в том и состоит, что ему не нужно выбирать между творчеством и жизнью, гений Пушкина возносит его над жизнью. И хотя достичь такого *олимпийского равнодушия* герой не может, он находит свой путь к гармонии: осознает жизнь в целом как божественный дар, что помогает ему обрести равновесие.

Выводы. Таким образом, «Заповедник» характеризуется многообразием форм хаоса (в том числе и в парадоксальном сближении с нормой: *Есть в ощущении нормы какой-то подвох. И все-таки еще страшнее – **хаос**...*). Везде, куда ни обратит взгляд автобиографический герой, он видит дисгармонию окружающего мира (или наоборот: из всего разнообразия мира он выбирает в основном то, что демонстрирует бессмысленность жизни); причина этого – скрываемое от самого себя желание утвердиться в необходимости эмиграции, перевести подспудно ощущаемое в осознанный императив к действию. Поэтому в языковой картине мира слов-репрезентантов дисгармонии/хаоса больше, чем слов, называющих гармоничное состояние мира. При этом некоторые виды «гармонии» в силу своей иллюзорности относятся скорее к хаосу: это поиски успокоения на дне бутылки или в бегстве от проблем. Истинную гармонию представляют в повести Пушкин (в единстве жизни и творчества), творчество самого героя-повествователя (но не с самого начала, когда он и творчество воспринимает как *сублимацию*, а ближе к концу, когда осознает единый источник творческого дара и любви и когда весь *мир* воспринимает как *единое целое*) и Бог.

Если представить языковую картину мира «Заповедника» как полевую структуру, то гармония и хаос окажутся на двух противоположных концах диаметра, а в центре – то состояние мира, которое переживает автобиографический герой и в котором *безумие становится нормой.* На фоне общей статичной картины выделяется фигура автобиографического героя, который вырывается из нерасчлененного единства абсурдных норм и движется в сторону гармонии, стремясь обрести душевный покой и чувство причастности к бытию.

Полюса осознаются героем-повествователем как неизменные ориентиры бытия, между которыми проходит жизнь человека. Гармония и хаос имеют множество языковых репрезентантов, которые на шкале переходности располагаются более или менее близко к полюсам. Максимально близко к гармонии стоят три имени: *Пушкин*, *творчество*, *Бог*; остальные обозначения (*стабилизация*, *равновесие*, *осмысленность*, *логичность/логика*, *порядок*, *здравый смысл*, *норма*, *красота*, *мир как единое целое*, *человек как часть мировой гармонии*, *любовь*, *спокойствие* и др.) расположены между полюсом и амбивалентным центром, куда затягиваются *порядок*, *здравый смысл*, *норма*. На противоположном полюсе довлатовской картины мира – хаос, который имеет в повести множество воплощений (*кошмар*, *безнадежность*, *абсурд*, *суррогат*,

макет, *фикция*, *выдумка*, *ненормальность*, *безумие*, *сублимация* и др.) и является основным предметом изображения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданова О. В., Власова Е. А.* Интертекст в повести Сергея Довлатова «Заповедник» (Пушкин и русская классика) // Питання літературознавства. 2018. № 98. С. 208–228.

2. *Богданова О. В., Власова Е. А.* Лермонтовский и постлермонтовский интертекст в повести Сергея Довлатова «Заповедник» // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 2. С. 129–140. DOI: 10.15643/libartrus-2019.2.4.

3. *Довлатов С.* Записные книжки. Соло на IBM // *Довлатов С.* Ремесло. СПб.: Азбука-классика, 2005. 603 с.

4. *Клименчук М. К.* Языковые приемы комического и их функции в повести С. Д. Довлатова «Заповедник» // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сб. статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Б. И. Осипова и М. П. Одинцовой / отв. ред. О. В. Золтнер. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2019. С. 255–257.

5. *Когатова Е. О.* Проблема героя и антигероя в повести С. Довлатова «Заповедник» // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 2(49). С. 27–30.

6. *Липовецкий М.* И разбитое зеркало // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / сост. А. Ю. Арьев. СПб.: Звезда, 1999 [Электронный ресурс]. URL: http://sergeidovlatov.com/books/lipovetsky.html (дата обращения: 15.05.2021).

7. *Малащенко В. В.* Художественная деталь и семантика заглавия повести С. Довлатова «Заповедник» // Филологический аспект. 2018. № 12(44). С. 201–210.

REFERENCES

1. *Bogdanova O. V., Vlasova E. A.* Pushkin and post-Pushkin intertext in the story of Sergei Dovlatov "The reserve" (Pushkin and Russian classics). *Pitannâ literaturoznavstva = Literary issues*. 2018. No. 98. P. 208–228. (In Russ.).

2. *Bogdanova O. V., Vlasova E. A.* Lermontov and post-Lermontov intertext in the story of Sergei Dovlatov "The reserve". *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal = Russian Humanitarian Magazine*. 2019. Vol. 8, No. 2. P. 129–140. https://doi.org.10.15643/libartrus-2019.2.4. (In Russ.).

3. *Dovlatov S.* Notebooks. Solo on IBM. *Dovlatov S. Remeslo = Craft*. Saint-Petersburg: Alphabet-classics, 2005, 603 p. (In Russ.).

4. *Klimenchuk M. K.* Linguistic means of representing comic and their functions in short novel "Pushkin hills" by S. D. Dovlatov / O. V. Zoltner (ed.). *Noveishaya filologiya: itogi i perspektivy issledovanii: sb. statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati B. I. Osipova i M. P. Odintsovoi = Modern philology: Results and prospects of research: Collection of articles of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of B. I. Osipov and M. P. Odintsova*, Omsk, 15–16 February 2019. Omsk: Dostoevsky Omsk state university, 2019. P. 255–257. (In Russ.).

5. *Kogatova E. O.* The problem of hero and antihero in the story of S. Dovlatov "Zapovednik". *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Kurgan state university*. 2018. No. 2(49). P. 27–30. (In Russ.).

6. *Lipovetsky M.* And a broken mirror / A. Yu. Aryev (comp.). *Sergei Dovlatov: tvorchestvo, lichnost', sud'ba = Sergei Dovlatov: creativity, personality, fate*. Saint-Petersburg: Star, 1999 [Electronic resource]. URL: http://sergeidovlatov.com/books/lipovetsky.html (accessed: 15.05.2021). (In Russ.).

7. *Malashchenko V. V.* Artistic detail and semantics of the title of the story "Reserve" by S. Dovlatov. *Filologicheskii aspect = Philological aspect*. 2018. No. 12(44). P. 201–210. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Юрьевна Геймбух, *доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и методики преподавания филологических дисциплин, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет*

Elena Yu. Gejmbukh, *Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines, Institute of Humanities Sciences, Moscow City University*

Статья поступила в редакцию 14.05.2021; одобрена после рецензирования 28.05.2021; принята к публикации 05.07.2021.

The article was submitted 14.05.2021; approved after reviewing 28.05.2021; accepted for publication 05.07.2021.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ **УДК 81'42.811.161.1**
DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-56-66

Индивидуально-авторская фразеология в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»

Екатерина Александровна Шумских
Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, mamkatya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-7639-928X

Аннотация. В статье рассматриваются разные приемы индивидуально-авторского преобразования фразеологических единиц (ФЕ) в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». Отмечается, что трансформации, как правило, подвергаются фразеологические единицы, которые и в языковой системе характеризуются вариативностью. Выявление и анализ индивидуально-авторских фразеологизмов проводились как на основании работы с текстом романа методом сплошной выборки, так и на основании работы с лексикографическими источниками при сопоставлении узуальных и индивидуально-авторских ФЕ (сопоставительный метод). В статье показана специфика формирования окказиональной семантики фразеологизма в тексте, особенности словообразовательной и морфологической модификации узуальных оборотов, синтагматические особенности индивидуально-авторских идиом, а также роль окказионального фразеологизирования в семантическом пространстве романа (метод семантического и контекстуального анализа ФЕ), дается комплексная структурно-семантическая и экспрессивно-стилистическая характеристика преобразованных фразеологических единиц.

Ключевые слова: индивидуально-авторская фразеология, преобразование ФЕ, контаминация ФЕ, семантико-стилистический эффект, роль преобразованных фразеологизмов в тексте

Для цитирования: *Шумских Е. А.* Индивидуально-авторская фразеология в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 56–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-56-66.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Individual author's phraseology in I. S. Turgenev's novel "Home of the Gentry" ("Dvoryanskoe gnezdo")

Ekaterina A. Shumskikh
Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, mamkatya@mail.ru, https://orcid.org/ 0000-0001-7639-928X

Abstract. The paper focuses on a variety of methods used by I. S. Turgenev to transform the phraseological units (PU) in his novel "Home of the Gentry" ("Dvoryanskoe gnezdo"). It is noted that it is those phraseological unities which in the language system display variation that are, as a rule, subject to transformations in the novel. Continuous sampling was employed to detect and analyse the individual author's phraseological units while studying the text of the novel. Additionally, the common and occasional variants of such phraseological units were compared by means of referring to dictionaries. The paper highlights the mechanism of the author's transformation of Russian phraseological units, i. e. shows the peculiarities of building occasional phraseological semantics in the text. Moreover, word-forming and morphological modifications of the common variants of phraseological units, the syntagmatic peculiarities of individual author's idioms are described. The study investigates the role of occasional phraseologisation in the semantic space of the novel and comprehensively defines the structural-semantic and expressive-stylistic characteristics of occasional phraseological units.

Keywords: individual author's phraseology, transformation of phraseological units, changes to the combinability of phraseological units, contamination of phraseological units, the characterising and evaluative function of phraseological units

For citation: *Shumskikh E. A.* Individual author's phraseology in I. S. Turgenev's novel "Home of the Gentry" ("Dvoryanskoe gnezdo"). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2021. Vol. 82, No. 5. P. 56–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-56-66 (In Russ.).

© Шумских Е. А., 2021

Введение. По нашим наблюдениям, в романе Ивана Сергеевича Тургенева «Дворянское гнездо» (1859) более четырехсот фразеологических единиц (ФЕ) разных типов, причем как языковых, так и индивидуально-авторских (в широком понимании состава фразеологии). При изучении особенностей языка и стиля писателя такие исследователи, как П. Г. Пустовойт, Ф. А. Марканова, О. М. Кузнецова, Т. П. Ковина, В. А. Новосельцева и др., уделяли внимание роли фразеологизмов в идейно-художественной структуре романа «Дворянское гнездо», однако в целом фразеология этого произведения до сих пор не подвергалась специальному лингвистическому исследованию[1].

Данная статья посвящена характеристике индивидуально-авторской фразеологии в романе «Дворянское гнездо». При этом объектом нашего анализа стали и ФЕ, представляющие собой варианты узуальных фразеологизмов и в целом сохраняющие, по определению И. Ю. Третьяковой, «семантическое тождество языковой фразеологической единице», и ФЕ, отличающиеся в тексте романа Тургенева «от языкового прототипа (языковой ФЕ) семантикой и/или структурно-грамматическим выражением» [Третьякова 2011].

Таким образом, под индивидуально-авторским (или, иначе, окказиональным) фразеологизированием понимается какое-либо структурное и семантическое изменение узуальных фразеологических оборотов в тексте с определенной стилистической целью. Выявление окказиональных фразеологизмов проводилось, с одной стороны, на основании непосредственной работы с текстом романа, а с другой – на базе изучения лексикографических источников, в том числе с учетом зафиксированной в словарях вариативности ФЕ. Необходимо помнить, что современники Тургенева воспринимали текст романа иначе, в другом коннотативном ключе, нежели воспринимаем «Дворянское гнездо» мы, читатели XXI в. Кроме этого, нельзя забывать, что И. С. Тургенев владел несколькими иностранными языками, что также отразилось на употреблении в тексте романа целого ряда фразеологических единиц.

По мнению И. Ю. Третьяковой, «преобразовательный потенциал» имеет каждая фразеологическая единица. В романе «Дворянское гнездо» различным трансформациям подвергаются, как правило, именно те ФЕ (по типу это в основном фразеологические единства), которым уже в языковой системе свойственна какая-либо вариативность (лексическая, словообразовательная, морфологическая или синтаксическая).

Рассмотрим приемы авторского преобразования фразеологизмов в романе «Дворянское гнездо».

Анализ. Так, некоторые ФЕ подвергаются модификации за счет использования Тургеневым компонентов **с другим (**по сравнению с узуальным фразеологизмом) **морфологическим или словообразовательным значением**, а также **с изменением синтаксической структуры** оборота.

Например, Павлу Петровичу Коробьину *захотелось* ***запустить руки*** *в дела зятя*[2] и управлять его имением (ср.: *запускать/запустить руку* [*лапу*] во что, куда – «присваивать чужое, пользоваться чем-либо в корыстных целях, красть»[3]). Возможно, авторское использование формы множественного числа слова *руки* подчеркивает особое стремление генерала к наживе, а сам этот фразеологизм усиливает негативную характеристику персонажа[4].

[1] См. об этом: *Шумских Е. А.* Фразеология в романе «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева (сдано в печать).

[2] Здесь и далее текст цит. по: *Тургенев И. С.* Дворянское гнездо // *Тургенев И. С.* Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. Л.: Лениздат, 1958. С. 133–293.

[3] Толкования значений цит. по: *Гак В. К.* Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык – Медиа, 2006. 1 626 с.; Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. 78 964 с.; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2011. 1 174 с.; Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А. И. Федоров. Новосибирск: Сиб. изд. фирма, 1985. 880 с.; Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987. 543 с.

[4] Ср. у В. И. Даля: «*Запустить куда руку, лапу*, пользоваться чем неправо. *Не запускай руки в чужой карман*» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1:

Переживая за Лизу, Марфа Тимофеевна замечает, что *на ней* ***лица нет***: *Да ты посмотри на себя, что ты сделала со своим лицом,* ***куда глаза свои девала***? (ср.: [не знать,] *куда глаза девать* – «не знать, что делать, как поступить от стыда, испытывая сильное смущение»). Узуальный оборот представляет собой безличную конструкцию со значением характеристики состояния человека, оказавшегося в неловкой ситуации из-за какой-то оплошности. В романе же оборот претерпевает структурно-семантическое преобразование: это двусоставное неполное предложение с новым текстовым смыслом подчеркивает тягостное состояние героини, сказавшееся и на ее внешнем облике (семантика интенсивности в структуре значения ФЕ сохраняется), что не укрылось от Марфы Петровны, по-настоящему любящей Лизу.

Имеет место в романе **изменение узуальной сочетаемости** некоторых ФЕ. Например, Тургенев, явно подтрунивая над оплошавшим генералом, замечает, что Коробьин некоторое время после отставки еще *потолкался в Петербурге в надежде, не наскочит ли на него* ***тепленькое*** *статское* ***место***; *но место на него не наскакивало*» («разг. шутл. Материально выгодная должность, доходная служба»). Отметим здесь сочетаемость оборота *тепленькое место* в роли подлежащего-каузатора с глаголами *наскочить – наскакивать* в переносном разговорном значении «наткнуться на что-л.», хотя характерной для ФЕ является сочетаемость с глаголами *искать*, *просить*, *добиваться теплого места*, *претендовать на тепленькое местечко* при подлежащем со значением лица, т. е. изменение традиционной сочетаемости расширяет смысловые возможности ФЕ[5]: вероятно, генерал не может рассчитывать на собственные заслуги и уповает только на случайную удачу.

В одном из внутренних монологов Лаврецкого присутствует оборот *взять себя в ежовые рукавицы* – авторская контаминация ФЕ *взять/брать себя в руки*, *держать себя в руках* и *держать в ежовых рукавицах* (реже *брать/взять в ежовые рукавицы*). Обычно так характеризуют действия, предпринимаемые кем-либо в отношении другого лица, здесь же субъект и объект действия – одно и то же лицо, а именно сам Лаврецкий, понимающий, насколько трудно будет ему преодолеть новые жизненные разочарования.

Использует Тургенев в тексте и прием окказионального преобразования – **уменьшение состава компонентов фразеологизма**. Например, Марья Дмитриевна в эпизоде задуманного ею примирения супругов Лаврецких замечает, что Варвара Павловна *должна была* ***броситься к ногам*** *мужа*, даже ***припасть*** (ср.: *падать* [*припадать*] *упасть к ногам* [*к стопам*] – «умолять, просить кого-либо о чем-либо» и *повергаться к стопам* [*к ногам*] – «устар. Выражать кому-либо свою покорность, признавать зависимость от кого-либо»): *Как это вы меня не поняли? – толковала она, – ведь я вам сказала*: ***припадите***... Это *припадите* звучит весьма комично, поскольку в авторском повествовании четко показано отношение к *примирению* самих супругов: *Лаврецкий сидел как на угольях*, понимая всю нелепость ситуации и нисколько не веря в искренность жены, а та лишь изображала раскаяние.

Далее Калитина сетует на то, что *чувствительности вышло мало*, поскольку Федор Иванович был *холодный, как лед*, а Варвара Павловна не плакала, хотя сама она перед Лаврецким ***разливалась***. Экспрессивное «сжатие» позволяет обнаружить здесь связь и с ФЕ *заливаться слезами* («сильно, долго, безутешно плакать, рыдать»), и с ФЕ *разливаться* [*петь, заливаться*] *соловьем* («говорить красноречиво, с жаром, увлекаясь своей речью»), что действительно присуще Марье Дмитриевне, которая *была более чувствительна, нежели добра*, и с институтских лет сохранила *страсть к некоторой театральности*.

Отметим также прием **расширения состава компонентов ФЕ** в романе, т. е. включение в узуальный фразеологизм слов-конкретизаторов, что приводит к некоторому изменению семантики оборота и к его эмоционально-экспрессивному обновлению. Например, в трагикомической истории, которая *с шумом пронеслась по всем журналам*, госпожа Лаврецкая ***играла незавидную роль***; Марья Дмитриевна свои

А–З. М.: Русский язык, 1981. 699 с.); по происхождению ФЕ представляет собой кальку с французского *couler la main*.

[5] Очевидно, под влиянием франц. *sauter sur la bonne planque*, где *sauter* – «заскочить, наброситься, запрыгнуть».

действия, направленные на примирение супругов Лаврецких, объясняет тем, что всегда ***принимает самое близкое участие*** в судьбе родных; Марфа Тимофеевна вернувшемуся из Европы Лаврецкому говорит, что он ***там всякого ума набрался*** (определительное местоимение *всякий* во вторичном разговорном значении «неизвестно какой; обычно с оттенком неодобрительности» и местоименное наречие *там* способствуют выражению мнения Пестовой о том, что на родине уж непременно лучше, нежели на чужбине); о внешнем облике Лемма сказано, что *застарелое, неумолимое горе* ***положило*** *на бедного музикуса свою* ***неизгладимую печать*** (устар., соответствует значению оборота *наложить печать* [*отпечаток*] на кого, на что), т. е. у Тургенева усиление характеристики создается за счет введения в состав оборота компонента *неизгладимый* («такой, который не может изгладиться из памяти, незабываемый»); о Паншине в эпилоге говорится, что *чиновник в нем* ***взял решительный перевес*** *над художником* – наблюдается актуализация экспрессивной характеристики-оценки за счет дополнительного компонента *решительный* («окончательный; исполненный непреклонности»); в предыстории Лизы подчеркивается особое влияние на нее няни Агафьи: *посеянные семена* ***пустили слишком глубокие корни*** (*пустить корни* – «приобретать особую силу, становиться постоянным, укореняться. О чувствах, привычках, каких-либо действиях и т. п.»; ср. с франц. *prendre les racine trop profound* с аналогичным значением), что приводит к модификации значения оборота, обновлению в тексте его внутренней формы и к усилению экспрессивности за счет степенно́й характеристики словосочетания *слишком глубокие*, поскольку происходит своеобразная буквализация семантики компонента ФЕ *корни*.

В ряде случаев прием расширения состава узуальных оборотов соединяется у Тургенева с приемом контаминации ФЕ. Так, *система* воспитания Ивана Петровича, примененная им по возвращении из-за границы к сыну Феде, ***сбила с толку*** *мальчика,* ***поселила путаницу в*** *его* ***голове****, притиснула ее* (ср.: *голову морочить*, *вбивать в голову*, *забивать в голову*, *голова забита*, *не укладывается в голове*, *уложить в голове*, *туману напустить*, а также *туман в голове*; ср. с франц. *s'installer dans la tête* – «поселиться в голове»). Преобразование языкового оборота происходит как на уровне системных связей ФЕ и межсловных связей лексических единиц, так, думается, и на основе авторских ассоциаций: *путаница – морочить*, *морока* («нечто путаное, канительное, непонятное, в чем трудно разобраться») – *морок* («2. устар., перен. Что-либо одуряющее, помрачающее рассудок. 3. устар. То же, что туман; туманные сумерки») – *туман* («2. перен. Неясность, отсутствие четкого понимания»); семантика негативной оценки окказионального оборота усиливается за счет всего контекстного окружения, в том числе и синонимии ФЕ.

Возвращение жены заставляет Лаврецкого вновь страдать, но теперь всё становится еще горше: в его жизни появилась Лиза, он ***в руках почти держал*** *возможность счастья на всю жизнь* («во владении, в распоряжении, в подчинении»). Оборот имеет у Тургенева необычную сочетаемость – *о возможности счастья*, хотя частотным является, например, употребление *держать в руках всё хозяйство*, *весь дом*, *своих сотрудников*, *всю армию* и пр. И если при узуальном употреблении семантический признак «значительность обладания чем-либо», «весомость характеристики» часто усиливается введением в контекст определительного местоимения *весь*, у Тургенева иллюзорность надежд героя и его новые жизненные потери подчеркиваются степенны́м наречием *почти* (наряду с использованием глагольной формы прошедшего времени).

Михалевич упрекает Лаврецкого в том, что тот ***строил*** *свой* ***дом на зыбком песке***. В некоторых лексикографических источниках фразеологизм представлен уже без компонента *дом – строить на песке*: «основывать(-ся) на очень шатких, ненадежных данных. О планах, расчетах и т. п.»; т. е. языковое значение ФЕ связано с характеристикой каких-то устремлений человека. В романе это не только характеристика мировосприятия Лаврецкого, но и оценка, даваемая Михалевичем всему жизненному пути друга, причем семантика необоснованности, ошибочности действий Федора Ивановича усиливается за

счет включения в состав оборота компонента *зыбкий* («1. Находящийся в состоянии зыби, легко приходящий в колебание. 2. *перен.* Непостоянный, ненадежный»).

Частотным приемом авторского преобразования является в романе **лексическая замена одного из компонентов узуального ФЕ**, что снимает клишированность восприятия идиомы, создает новый стилистический эффект, а в ряде случаев ведет и к изменению объема значения авторского оборота. В основном это замена на слово той же семантической парадигмы, в том числе синонимическая, например: *он хороший человек; да ведь...* ***земля не клином сошлась*** (ср.: *свет клином не сошелся*, *свет не клином сошелся*); Лемм *не умел приняться за дело*, *как следовало*, ***поклониться кстати****, похлопотать вовремя*» (ср.: *кланяться* [*поклониться*] *в ножки* – «униженно просить о чем-л., унизительно заискивать перед кем-л. для достижения какой-л. цели») с заменой предложно-падежной словоформы существительного на контекстуальный синоним – наречие *кстати* («в подходящий момент, пользуясь удобным случаем»); Михалевич ставит в вину Лаврецкому нежелание найти достойное применение своим знаниям и силам: *Ты... злостный байбак. Наивные байбаки* ***лежат себе на печи*** *и ничего не делают, потому что не умеют ничего делать... а ты мыслящий человек – и лежишь...* ***лежишь сытым брюхом кверху***...; *Страшно беде* ***в глаза взглянуть*** *– вздор!* (ср.: *смотреть* [*глядеть*] *в глаза* [*в лицо*] чему-л.) – замена на глагол совершенного вида *взглянуть* той же лексико-семантической группы, но с приставкой *вз-* со значением начала действия и с суффиксом *-ну-* со значением однократности действия подчеркивает во внутреннем монологе Федора Ивановича понимание им того, что он должен наконец-то принять случившееся (возвращение жены, разлуку с Лизой), принять раз и навсегда; *расхохотаться* ***прямо в нос*** (при узуальном *в лицо*) – подобная замена, возможно, используется для акцентирования внимания на комизме ситуации, когда Гедеоновский никак не может понять поведения Варвары Павловны (но можно считать конструкцию и свободным сочетанием, омонимичным ФЕ); о Паншине сказано, что *работа* ***кипела*** *у него* ***в руках*** (ср.: *горит в руках* – «выполняется быстро, ловко, успешно, идет очень хорошо; о работе, деле, когда все спорится, все ладится. Подразумевается характеристика, оценка кого-л. как человека умелого, энергичного и очень быстро работающего»; в некоторых словарях оборот дан как коммуникативный: *Работа* [*дело*] *горит в руках*; а также [*жизнь*] *бьет* [*кипит*] *ключом*; можно вспомнить и метафорические сочетания *работа/жизнь кипит*: «осуществляться с большой силой, очень оживленно, быстро, стремительно»). Тургенев заменяет глагольный компонент *гореть* синонимом *кипеть* той же семантической парадигмы, и такая характеристика деловых качеств Паншина правомерна, ведь любимец начальства не сомневается в том, что, *если захочет, будет* ***со временем*** *министром.*

Лемм, слышавший, стоя за дверью, романс Паншина, считает нужным, входя в гостиную, ***съежить глаза****, угрюмо сжать губы* и сказать, что ничего *не слушиль. Съежить глаза* – авторский оборот, аналогичный узуальным ФЕ *отводить глаза*, *прятать глаза* («избегать смотреть на кого-либо, намеренно отворачиваться»), но у Тургенева с указанием на особую колючесть взгляда в силу отношения Христофора Федорыча к Паншину, который для него исключительно *второй нумер* и «достижения» которого Лемм, настоящий музыкант, именует *легким товаром* и *спешной работой*[6].

Фразеологизм *тоска берет* [*грызет, гложет*] имеет в романе и узуальное употребление (*иногда* ***брала*** *его* ***тоска*** *по жене*), и окказиональное: ***тоска врезывалась в его сердце***. Тургенев для усиления экспрессивности характеристики состояния Лаврецкого и передачи всей степени тяжести его переживаний делает компонентом ФЕ глагол *врезываться* («прочно запечатлеваться в памяти, в сердце и т. п., глубоко, сильно проникать в душу»), по объему значения и коннотативно более весомый по

[6] Стоит вспомнить, что слово *ежиться* присутствует и в портретном описании Лемма, подчеркивая и склад характера старого учителя, его стремление забиться в угол, быть незаметным, и понимание Христофором Федорычем отношения к себе таких, как Паншин; но *сутулина его выпрямилась, глаза расширились и заблистали,* когда он почувствовал, что Лаврецкий действительно заинтересовался им.

сравнению с узуальным *брать* (ср. с франц. *gravée dans mon coeur*, где присутствует компонент со значением «высечена, вырезана, выгравирована, врезана»).

Преобразован в романе и оборот *войти в душу* [*в сердце*] («глубоко затрагивать, волновать; становиться предметом постоянных раздумий, размышлений и т. п.»). Так, после парижской истории Федору Ивановичу четыре года понадобилось, чтобы *он почувствовал себя* ***в силах*** *вернуться на родину*, хотя скептицизм и ***забрался в его душу***. Лексическая замена стилистически нейтрального узуального компонента *войти* на семантически сопоставимый *забраться*, более характерный для разговорной речи, несколько видоизменяет семантику оборота (одно из значений слова *забраться* – «залезть куда-то вглубь, в том числе и противозаконно, без разрешения»). Авторский фразеологизм способствует усилению таких семантических признаков при передаче состояния Лаврецкого, как «неизбывность пережитого», «неистребимость раздумий о произошедшем», «невозможность вернуться к прежнему мироощущению».

По аналогии с ФЕ *войти в душу* [*в сердце*] Тургенев создает оборот, характеризующий значительное влияние на Лизу Агафьи Власьевны, а именно: всё связанное с няней *проникло в самую суть ее существа*. Поскольку имеет место полная замена компонентов узуального оборота (*войти – проникнуть*, *в душу – в самую суть ее существа*), то можно считать это неофразеологизмом (преобразованный оборот должен сохранять формальное тождество с узуальным, а в данном случае сходство только семантическое), причем происходит усиление значения интенсивности с актуализацией таких признаков, как «глубина восприятия», «особый уровень воздействия», «абсолютно полное принятие чего-либо для себя». (Но можно видеть здесь и свободное словосочетание, где глагол имеет переносное значение.)

С заменой компонента использован в романе и оборот *выбросить* [*выкинуть*] *из головы* что-л. («перестать думать о чем-либо»): Лиза после возвращения Варвары Павловны пытается навсегда ***изгнать из головы*** *самую мысль о Лаврецком* – так подчеркивается сложное и при этом сознательное избавление героини от самых дорогих для нее воспоминаний. Включение в состав оборота глагола *изгнать* можно объяснить его связями с узуальной ФЕ *не выходит* [*нейдёт*] *из головы* (глагольные компоненты имеют исходную семантику движения). За счет книжного глагола *изгнать* совершенного вида с результативным способом действия («удалить насильственно; решительно избавиться от чего-л., искоренить») оборот получает в тексте смысловые и экспрессивно-стилистические приращения с актуализацией таких семантических признаков, как «значительность внутренних усилий», «осознанность и решительность действий», «полное принятие невозможности иных действий».

Присутствуют преобразованные ФЕ и в речи Марфы Тимофеевны Пестовой. Так, она рада, что Лиза *Паншина* ***с носом отослала*** (ср. с ФЕ *оставлять* [*оставаться*] *с носом* – «без того, на что кто-либо рассчитывал, чего добивался, на что надеялся»). Усиление экспрессивности оборота создается за счет замены компонента *оставить* на просторечное слово *отослать* («удалить, велеть уйти»), что заставляет вспомнить и просторечное *послать* в сочетании с некоторыми бранными словами, а также с сочетанием *куда подальше* («обругать, чтобы не приставал, чтобы отвязался»). И это вполне соответствует отношению Марфы Тимофеевны к господину Паншину.

Внутренний монолог Лаврецкого, пытающегося осознать, каким будет новый этап его жизни, включает в себя целый ряд ФЕ, в том числе и преобразованных: *И всегда, во всякое время тиха и неспешна здесь жизнь, – кто* ***входит в*** *ее* ***круг****, – покоряйся: здесь нечего волноваться,* ***нечего мутить***; *здесь только тому и удача, кто* ***прокладывает свою тропинку*** *не торопясь, как пахарь борозду...* Герой понимает, что после разрыва с женой и скитаний по Европе возвращается к жизни провинциального русского помещика, так что тургеневское *входить в круг жизни* можно соотнести с узуальным оборотом *входить* [*попасть*] *в колею* («возвращаться к привычному образу жизни, приходить в обычное состояние»), причем по прошествии лет Лаврецкий довольствуется возможностью *прокладывать свою тропинку* (ср.: *прокладывать* [*пролагать, проторять*] *дорогу* – «создавать благоприятные условия для успеха, для достижения чего-либо»).

Замена на слово с экспрессивно-синонимическим значением той же лексико-семантической группы пространственных существительных (*дорога – тропинка*)[7], но с иным предметно-понятийным содержанием, с иной коннотацией и наполняет оборот в тексте обновленным значением, удивительно точно способствуя формированию образной характеристики героя, лаконичному воплощению авторской мысли.

Конструкция *нечего мутить*, возможно, соответствует узуальному *воду мутить* («умышленно запутывать какое-либо дело, вносить неразбериху во что-либо»), но авторский оборот скорее содержит значение 'не нарушать здешний уклад жизни, если готов *не спеша делать дело*'.

Целый ряд характеристик Федора Ивановича в речи Михалевича основан на использовании фразеологизмов с некоторым их разрушением и преобразованием, причем в ряде высказываний этого персонажа присутствует только часть компонентов ФЕ, что заставляет читателей вспоминать вполне определенные узуальные фразеологизмы. Например: *всё тебя обмануло,* ***всё рухнуло под твоими ногами*** (ср.: *терять почву* [*землю*] *под ногами* – «лишаться уверенности в самом себе в результате утраты того, на чем основывается общественное или служебное положение, мировоззрение и т. п.»). Узуальный оборот обычно употребляется при одушевленном существительном (о том, кто испытывает подобное), а у Тургенева – при определительном местоимении-существительном *всё*, к тому же глагол совершенного вида *рухнуть* с однократным способом глагольного действия («перен. Полностью разрушиться, сразу исчезнуть, перестать существовать») способствует усилению экспрессивности и семантики интенсивности авторской ФЕ, во-первых, за счет вполне определенной соотнесенности со словом *надежда* (это наиболее частотная сочетаемость слова в переносном значении) и, во-вторых, за счет ассоциаций с устойчивым сравнением (*надежды рухнули, как карточный домик*). Так фразеологизм точнее характеризует положение Лаврецкого: всё рухнуло прежде всего потому, что было основано на ошибочных воззрениях, на ложных представлениях о жизни (это относится и к воспитанию Федора, и к его увлечению Варварой Павловной).

Использует Тургенев в романе и **прием контаминации узуальных ФЕ**, сохраняя или трансформируя семантику общеупотребительных фразеологизмов. Яркий тому пример – ироническая и даже сатирическая характеристика на основе ФЕ Сергея Петровича Гедеоновского. Так, по мнению Пестовой, Гедеоновский вспоминает Калитина потому, что *тот его* ***за уши из грязи вытащил***, где авторская контаминация двух ФЕ с однокоренными глаголами *тащить – вытащить* лаконично отражает некоторые факты биографии персонажа и сущность натуры Сергея Петровича. Это обороты *тащить* [*тянуть*] *за уши* («всеми способами, всячески помогать кому-либо, обычно малоспособному, нерадивому человеку; оказывать значительную помощь в учебе, в продвижении по службе и т. п.») и *вытащить из грязи* («избавить от унизительных условий существования, от бедности, нищеты»). Окказиональный фразеологизм подчеркивает, что без помощи Калитина не стал бы Гедеоновский – человек явно недалекий, ограниченный – статским советником.

Приезд Лаврецкого в О. для Сергея Петровича – это возможность *разнести весть о новом госте по городу*, а уж когда впоследствии Марья Дмитриевна знакомит его с Варварой Павловной, которая *кокетливо-почтительно с ним обошлась*, у Гедеоновского и вовсе ***ушки разгорелись****, и выдумки, сплетни, любезности* ***медом потекли с*** *его* ***уст***. Этот каламбурный оборот-контаминация *ушки разгорелись* и метафорическое сочетание с творительным сравнения *медом потекли* передают сущность характера Сергея Петровича. Тургенев словно играет фразеологизмами, позволяя читателю самому домыслить, на основе какого оборота нужно начинать объяснение комической характеристики, лаконично созданной на базе объединения нескольких ФЕ. Здесь и просторечный оборот *развесить уши* («слушать с особым

[7] Ср.: *tracez le chemin* – «прокладывать тропинку»; *tracer son propre chemin* – «наметить свой собственный путь», где *chemin* – «тропинка, дорожка».

увлечением, с доверчивостью, заслушиваться»), и *навострить уши* («приготовиться с напряженным вниманием и интересом слушать»), а также *держать ушки* [*уши*] *на макушке* («быть настороже»), но не в ожидании возможной опасности, а чтобы, не дай бог, не упустить из виду какой-либо занятный фактик, который можно будет *разнести по городу*. «Отсылает» Тургенев читателей и к узуальному обороту *глаза разгорелись* («кому-либо непреодолимо, страстно хочется чего-либо»; в словарях представлен и вариант *глаза и зубы разгорелись*; ср. также: *насколько глаз хватает*, *во все глаза смотреть* и др.). Так оригинально в романе подчеркивается, что Гедеоновский готов и глазами смотреть, и ушами слушать, – именно поэтому Тургенев объединяет семантику слухового и зрительного восприятия, присущую компонентам новообразованного фразеологизма.

Шурочке, предлагающей помощь, Марфа Тимофеевна (речь которой особенно колоритна!) говорит, что у нее *у самой* ***ноги еще не отвалились***. Это контаминация оборотов *руки отвалились/отваливаются* («о том, кто предельно устал от работы»), *остаться без ног* («сильно уставать, доходить до изнеможения от ходьбы») и *остаться без рук* («сильно уставать, доходить до изнеможения от работы руками»); можно также вспомнить и другие ФЕ с соматизмами *ноги* и *руки*: *валиться с ног*, *едва держаться* [*стоять*] *на ногах* и просторечное *отсохни* [у кого-л.] *руки и ноги*.

Состояние Лаврецкого, трагедию души героя Тургенев не раз передает в романе при помощи ФЕ, в том числе и окказиональных, как, например, во время неожиданного появления жены в его городской квартире в О.: *голос ее* [жены] ***как ножом резанул его по сердцу***. Эта пронзительная характеристика создается на основе авторской контаминации двух фразеологизмов с общим компонентом *нож*: *как нож в сердце* («причинять душевную боль, страдание») и *без ножа резать* («ставить в безвыходное положение»), но с заменой на глагол *резануть* совершенного вида со значением однократного (мгновенного) действия и с другой падежной формой существительного – возможно, по аналогии с оборотом *резать по живому*, а также по аналогии с глагольным управлением *резануть по чему-л.* в свободных сочетаниях (сейчас глагол является разговорным, а ранее принадлежал к просторечию).

Отметим и случай **двуплановости семантики ФЕ** на примере оборота *пытать счастье*, когда текстовое окружение допускает констатацию омонимии свободного сочетания и фразеологизма. Так, Лемм после череды горьких неудач все-таки решил остаться в России и *испытать свое счастье*: *В течение двадцати лет бедный немец* ***пытал свое счастье****: побывал у различных господ, жил и в Москве, и в губернских городах, терпел и сносил многое, узнал нищету,* ***бился, как рыба об лед****... Судьбе, однако, не было угодно порадовать его этим последним и первым счастием...*

С одной стороны, оборот *испытать счастье*, не зафиксированный в словарях (правда, допускающий сопоставление с фразеологизмом *искушать* [*испытывать*] *судьбу* [*провидение*] – «книжн. Подвергать себя необдуманному риску, опасности; действовать наудачу, надеясь чего-н. добиться», а также соотносимый с аналогичными ФЕ в немецком и французском языках), можно считать вариантом (словообразовательным и морфологическим) узуального оборота *пытать* (*попытать*) *счастья* (*счастье*) с реализацией значения «предпринять что-либо, рассчитывая на успех» (иллюстрируется в словарях пословицей *Счастья пытать – лишь деньги терять*).

Но можно предположить и нарочито каламбурное использование конструкции – *в течение двадцати лет бедный немец* ***пытал свое счастье***, т. е. рассматривать *пытать счастье* как свободное словосочетание с обыгрыванием прямого номинативного значения глагола *пытать* («подвергать пытке») или переносного («причинять страдания, мучить»), поскольку жизнь Лемма в России действительно была полна мук и тяжелых испытаний, что Тургенев с горькой иронией и подчеркивает (возможно, потому писатель и использует форму винительного падежа).

В ряде случаев, думается, можно говорить о создании оригинальных индивидуально-авторских фразеологизмов-неологизмов в романе (некоторые выявленные словокомплексы использованы в тексте произведения более одного раза). Это, в частности, оборот *второй нумер* при создании образа Паншина с дефиницией «о человеке,

который не может претендовать на ведущую роль в чем-либо» (ср.: *первая скрипка*, *звезда первой величины*). Если для Марьи Дмитриевны Паншин, конечно, *первый кавалер* в О., то в глазах Лемма он лишь дилетант, который *не может ничего понимать* по-настоящему, глубоко, искренне, а потому он всегда только *второй нумер*. «Достижения» Паншина, всегда довольного собой, настоящий музыкант Лемм именует исключительно *легким товаром* и *спешной работой*. Не случайно в ходе авторского повествования и через восприятие Лаврецкого в романе не раз подчеркивается стремление героя к самолюбованию, позерству, в то время как *сердца-то у него и нет*.

Характеризуя стиль жизни Лаврецкого-помещика, Михалевич изобретает собственное сравнение (по типу устойчивых сравнений с союзом *как*). Согласно его представлениям, некоторые господа *всю жизнь проводят в каком-то млении скуки, привыкают к ней, сидят в ней, как... **как грыб в сметане***... Поскольку в густой сметане грибы действительно оказываются неподвижными, застывают в каком-то одном положении, понятно, что это «гастрономическое» сравнение представляет собой ироническую образную характеристику существования определенной части русских помещиков, подчеркивает их бездействие и апатию. Обороту можно дать такое толкование: «не имея значительных социальных интересов, ведя пассивный образ жизни, не обременяя себя какими-то высокими стремлениями».

На протяжении романа Тургенев активно использует прием «нанизывания» фразеологизмов (узуальных и окказиональных), причем частотность использования ФЕ возрастает в главах, важных в сюжетно-композиционной структуре произведения. Особенно значим этот прием в композиции образа Лаврецкого, в частности в эпизодах, передающих состояние героя, содержащих самоанализ (это, например, главы XX и XLI). Трижды присутствующий во внутренних монологах Лаврецкого оборот *попасть на дно реки / быть на дне реки* (причем в разных главах), думается, можно считать индивидуально-авторским (ср. с франц. *aller au fond de la rivière* – «попасть на дно реки»; *être au fond de la rivière* – «быть на дне реки»). Можно дать ФЕ такое толкование: «быть в состоянии полной подавленности после каких-то событий, разочарований и пр.; утратить интерес к жизни, не имея каких-либо надежд на лучшее». Сначала оборот использован Тургеневым в XX главе (вся глава, представляющая собой один абзац, – это внутренний монолог Лаврецкого), передающей состояние героя на другой день после приезда в Васильевское. Значимыми здесь являются образ тишины (это *тишина мертвая*, присущая *тихой жизни с редкими звуками деревенской глуши*, когда *печально становится **на душе*** даже от *безмолвного* полета ласточек) и горестный образ *дна жизни*, который «разрастается» на протяжении главы и поначалу даже пугает Федора Ивановича. Такое восприятие действительности рождается у героя под влиянием осмысления собственной судьбы и первых впечатлений от окружающего. Он ***погрузился в** какое-то мирное **оцепенение**, из которого не выходил весь день*» (ср.: *погрузиться* [*окунуться*] *с головой* – «целиком, полностью, безраздельно отдаться чему-либо» и *погрузиться в воду, на дно* в прямом значении слова или *погрузиться в какое-то состояние* – в переносном). И дважды, как отмечается в тексте, но большее число раз про себя (!) Лаврецкий делает такие выводы: *Вот когда я **попал на самое дно реки**, – сказал он самому себе не однажды...* И далее: *Вот когда я **на дне реки**, – думает опять Лаврецкий. – И всегда, во всякое время тиха и неспешна здесь жизнь...* По ходу чтения произведения в памяти возникает целый ряд ФЕ, в частности *идти на дно* и *пойти ко дну* («терпеть неудачи, поражения и т. п.; погибать»). Эта семантика усиливается за счет других единиц текста, а также создается всей метафорикой эпизода.

В финале главы прием антитезы, градация и такие тропы, как метафора и сравнение, усиливают и образ тишины, и характеристику состояния героя, ощущающего себя *на самом дне реки*: *В то самое время в других местах на земле **кипела**, торопилась, грохотала **жизнь**; здесь та же жизнь текла неслышно, как вода по болотным травам.* С одной стороны, этому осознанию себя *на дне жизни* способствуют лексические и фразеологические единицы с антонимической семантикой (в частности, оборот

кипела жизнь; ср.: *кипеть* [*бить*] *ключом* – «бурно протекать, ярко проявляться»), с другой – закономерные ассоциации на основе переносного значения слова *болото* («среда, обстановка, период времени, характеризующиеся косностью, застоем, отсутствием живой деятельности и инициативы»; правда, самые последние строки главы говорят о том, что Федор Иванович постепенно начинает видеть и осознавать мир и себя уже не столь пессимистично).

Это состояние по приезде в Васильевское герой будет вспоминать впоследствии, уже после неожиданного сближения с Лизой и после газетной заметки о смерти жены (XXX глава): *Давно ли находился он в состоянии «мирного оцепенения»? давно ли чувствовал себя, как он выражался,* ***на самом дне реки****? Что же изменило его положение? Что* ***вынесло*** *его* ***наружу, на поверхность****?..* Осмелюсь предположить, что это оригинальная контаминация двух ФЕ, а именно *всплывать на поверхность* [*наружу*] («непредвиденно обнаруживаться, проявляться») и *вынести на своих плечах* («выдержать самостоятельно, без чьей-либо помощи всю тяжесть каких-либо трудностей, испытаний, какой-либо работы, дела и т. п.»), ибо такая семантика соответствует жизненной траектории героя.

Нельзя не отметить и удивительную афористичность романа «Дворянское гнездо», поскольку тургеневский текст насыщен разнообразными фразеологическими выражениями коммуникативного типа. Это не только пословицы и поговорки (в том числе и преобразованные), но и сентенции разного плана, придающие произведению особую глубину, тонкий лиризм и проникновенность или подчеркивающие колоритность речи персонажей и автора-повествователя, их житейскую мудрость и наблюдательность. Вспомним хотя бы некоторые из таких выражений: *Близкого человека только тогда и поймешь вполне, когда с ним расстанешься*; *Слушайте ваше сердце! Оно одно вам скажет правду*; *Горе сердцу, не любившему смолоду!*; *Любовь на всякий возраст имеет свои страдания*; *Русский человек боится и привязывается легко; но уважение его заслужить трудно: дается оно не скоро и не всякому* и др. Часто фразеологические выражения присутствуют в речи Марфы Тимофеевны Пестовой: *Чужая душа, ты знаешь, темный лес, а девичья и подавно* (ср.: *Чужая душа – потемки*); *Ведь я не всё ласкаться – я и кусаться умею* (ср.: *И собачку ласково примолвишь, так не скоро укусит*; *Речи сладки, да кусают за пятки* и др.); *Эх, душа моя, на одну смерть лекарства нет!* (ср.: *От смерти не уйдешь*; *За смерть и поруки нет*) и др.

Сентенции Михалевича, этого *Демосфена полтавского*, звучат порой несколько комично (особенно если учесть, что друзья проговорили всю ночь и на дворе уже четыре утра): ***Ни минуты*** *отдыха,* ***ни секунды****!* ***Смерть не ждет, и жизнь ждать не должна****...* ***Мы спим, а время уходит****; мы спим...* (Правда, Лаврецкий парирует: *Позволь мне тебе заметить, что мы вовсе не спим теперь, а скорее другим не даем спать. Мы, как петухи,* ***горло дерем****...* И хотя это столкновение возвышенно-философского и нарочито приземленного усиливает некоторый комизм ситуации, *многие из слов Михалевича неотразимо* ***вошли в душу*** Лаврецкого.)

Выводы. Таким образом, своеобразие творческой манеры И. С. Тургенева проявляется в романе «Дворянское гнездо» в том числе и в создании ярких образных характеристик на основе фразеологических единиц. Во многих эпизодах романа ФЕ служат средством психологического, иронического и сатирического изображения героев, а также средством индивидуализации речи персонажей. И. С. Тургенев предстает перед читателями романа как писатель, обладающий уникальным чувством языка, как блестящий стилист, прекрасно знающий русскую фразеологию (и, безусловно, фразеологию европейских языков). Писатель мастерски трансформирует обороты, входящие в фразеологический корпус русского языка, добиваясь их особой экспрессивности и усиления фразеологической образности за счет различных преобразований.

В тексте романа более шестидесяти окказиональных оборотов разного типа, создание которых имеет ярко выраженную прагматическую направленность. Анализ их семантики, сочетаемостных и стилистических особенностей свидетельствует о необыкновенной лингвистической одаренности Тургенева (сегодня сказали бы о лингвокреативном мышлении писателя). Следует признать, что во многих эпизодах романа

фразеологические единицы играют совершенно особую роль для эстетического воплощения авторского замысла. При этом зачастую достигается уникальный по своей выразительности семантико-стилистический эффект, не только удивляющий читателя, но и требующий необычного внимания к тексту для полноценного его восприятия (во многих случаях истинное понимание авторских характеристик на основе окказиональных оборотов зависит и от фразеологического запаса читателя).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковина Т. П.* По страницам романа «Дворянское гнездо». Особенности идиостиля И. С. Тургенева. М.: ИНФРА-М, 2018. 183 с.

2. *Кузнецова О. М.* Трансформированная фразеология в произведениях И. С. Тургенева // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. Т. 13, № 4. С. 127–131.

3. *Марканова Ф. А.* Стилистическое мастерство И. С. Тургенева в употреблении и раскрытии значения диалектной и просторечноразговорной лексики и фразеологии. Ташкент: [б. и.], 1958. 62 с.

4. *Маркович В. М.* Человек в романах И. С. Тургенева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 152 с.

5. *Новосельцева В. А.* О национально-культурной и индивидуально-авторской концептуализации времени (на материале романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо») // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2008. № 1. С. 144–147.

6. *Пустовойт П. Г.* И. С. Тургенев – художник слова. М.: Изд-во МГУ, 1977. 301 с.

7. *Третьякова И. Ю.* Окказиональная фразеология. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. 289 с.

REFERENCES

1. *Kovina T. P.* Through the pages of the novel "Noble Nest". Features of the idiostyle of I. S. Turgenev. Moscow: INFRA-M, 2018. 183 p. (In Russ.).

2. *Kuznetsova O. M.* Transformed phraseology in the works of I. S. Turgenev. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvenno universiteta im. N. A. Nekrasova = Vestnik of Kostroma state university*. 2007. Vol. 13, No. 4. P. 127–131. (In Russ.).

3. *Markanova F. A.* Stylistic skill of I. S. Turgenev in the use and disclosure of the meaning of dialect and colloquial vocabulary and phraseology. Tashkent: [b.i.], 1958. 62 p. (In Russ.).

4. *Markovich V. M.* Turgenev. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University, 1975. 152 p. (In Russ.).

5. *Novoseltseva V. A.* On the national-cultural and individual-author's conceptualization of time (based on the novel by I. S. Turgenev "Noble Nest"). *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2008. No. 1. P. 144–147. (In Russ.).

6. *Pustovoit P. G.* I. S. Turgenev is an artist of words. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1977. 301 p. (In Russ.).

7. *Tretyakova I. Yu.* Occasional phraseology. Kostroma: KSU named after N. A. Nekrasov, 2011. 289 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Александровна Шумских, *кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет*

Ekaterina A. Shumskikh, *Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University*

Статья поступила в редакцию 15.04.2021; одобрена после рецензирования 05.05.2021; принята к публикации 11.06.2021.

The article was submitted 15.04.2021; approved after reviewing 05.05.2021; accepted for publication 11.06.2021.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ **УДК 81'42.811.161.1**
DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-67-73

Код Набокова

Ольга Валерьевна Евтушенко
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия, ovae@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-5090-4329

Аннотация. Статья посвящена обобщению накопленных знаний о принципах декодирования текстов Набокова с последующей апробацией комплексного применения полученных ключей для интерпретации рассказа «Катастрофа». Исследование опиралось на методы имманентного лингвистического анализа текста, а также сопоставительного анализа. Выявлены многочисленные разноуровневые внутритекстовые и интертекстуальные повторы. Проанализированы важные для понимания авторского замысла символы. Обоснована интерпретация текста как рассказа о преодолении травмирующих воспоминаний о России.

Ключевые слова: декодирование, текст, интертекст, анаграмма, символ, повтор, авторский перевод

Для цитирования: *Евтушенко О. В.* Код Набокова // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 67–73. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-67-73.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The Nabokov code

Olga V. Evtushenko
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ovae@list.ru, https://orcid.org/0000-0002-5090-4329

Abstract. The article is devoted to the generalisation of the accumulated knowledge about the decoding of Nabokov's texts. The obtained clues were integrated and then utilised to interpret the story "Catastrophe" ("Details of a Sunset"). The research was based on the methods of immanent linguistic text analysis which were employed in conjunction with comparative analysis. The study identified numerous multilevel intratextual and intertextual repetitions. The symbols important for understanding the author's intention were analysed. The interpretation of the text as a story about overcoming traumatic memories of Russia is substantiated.

Keywords: decoding, text, intertext, anagram, symbol, repetition, author's translation

For citation: *Evtushenko O. V.* The Nabokov code. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2021. Vol. 82, No. 5. P. 67–73. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-67-73. (In Russ.).

Введение. Тексты В. В. Набокова стали доступны широкому читателю в России не так давно – в середине 1980-х гг. Тем не менее стилистические приемы писателя изучены уже довольно обстоятельно, и некоторые исходные принципы должны ложиться в основу анализа любого произведения этого автора. Мы в своей работе тоже опираемся на них.

Первое. Сюжеты и образы В. В. Набокова было бы неверно трактовать буквально. Достаточно вспомнить, как писатель критиковал И. С. Тургенева за его прямолинейность и недвусмысленность, за то, что «он не оставляет никакой поживы читательской интуиции» [Набоков 1999: 143]. Замысел В. В. Набокова дешифруется путем разгадывания кода и правил комбинирования знаков. При этом ключ к загадке закладывается в тот же текст или в совокупность текстов, что служит страховкой от произвола читательской фантазии.

Второе. Писатель оставляет подсказки в сильных позициях текста – в заглавии, зачине, концовке.

Третье. В качестве приема отстранения В. В. Набоков использует полюбившуюся Серебряному веку систему двойников. У них есть повторяющиеся из текста в текст приметы: говорящая фамилия, которая является анаграммой имени или фамилии самого автора в графических и фонетических системах русского, английского, французского или немецкого

© Евтушенко О. В., 2021

языков (например, *Фальтер*: начальное [ф] в немецком языке обозначается как V, отсюда *Valter* – английское имя, соответствующее русскому *Владимир*) или обыгрыванием внутренней формы фамилии (*Набоков – бок – горб – Чорб*); такое же, как у В. В. Набокова, увлечение – энтомология; характерные для петербуржца языковые особенности (например, *панель* вместо или наряду с *тротуар*).

Четвертое. Персонажи могут быть символическими фигурами, на что указывает их имя, которое расшифровывается с помощью тех же ключей, что и имя двойника. Незначимых для интерпретации текста персонажей, как и деталей, у В. В. Набокова нет [Сконечная 1999: 670].

Пятое. Одним из ключей к дешифровке является повтор. Он может осуществляться на текстовом (композиционный повтор), лексическом, семантическом, фонетическом (паронимическая аттракция, ассонанс, аллитерация) уровнях, затрагивать графический облик слова (анаграммы, палиндромы). Учитывается не только внутритекстовый повтор, но и такой, который обнаруживается при сопоставлении ряда произведений писателя, особенно если они близки по времени создания к исследуемому тексту.

Шестое. Подсказкой может стать нестандартная сочетаемость слов. Ее можно обнаружить по единичности примеров в Национальном корпусе русского языка[1].

Седьмое. Необходимо учитывать особенности авторского перевода: важным для дешифровки текста словам В. В. Набоков находил подчас нестандартные эквиваленты либо слова с особой внутренней формой. Изменение метафоры, имени собственного при переводе обычно значимо.

Восьмое. В. В. Набоков из текста в текст использует ряд мифологем и символически нагруженных понятий: *зеркало*, *круг*, *спираль*, *лестница*, *дом*, *сон*, *свет и тень*, *белое и черное* [Сконечная 1999][2]. Каждая из этих единиц имеет тождественные ей в семиотическом отношении варианты. Так, *зеркало* могут заменять *глаза*, *лужи*, *фотографии*, *картины* – все, что работает на идею отражения, дублирования. Помимо этого, есть некоторые понятия, которые не поднимаются до уровня символа, но обозначают детали, важные для развития сюжета: *газета*, *трость* или *палка*, *бабочки* разных видов.

Девятое. В. В. Набоков встраивал свои тексты в контекст русской и европейской культуры, а потому в них можно ожидать прямых или завуалированных отсылок к литературным и живописным шедеврам. Писатель не чуждался также иронических намеков на теорию З. Фрейда.

Анализ. Практически все основные приемы, характерные для В. В. Набокова, присутствуют в компактном рассказе «Катастрофа» (1924 г., Берлин). Он может послужить на уроке хорошим материалом для демонстрации творческой техники этого автора.

Заглавие рассказа, на первый взгляд, обозначает не совсем то, что в нем происходит: гибель главного героя под колесами омнибуса можно назвать *несчастным случаем*, тогда как *катастрофой* обычно называют гибель человека, находившегося внутри столкнувшегося с препятствием или сошедшего с маршрута транспортного средства (это особенно заметно при выделении подвидов события – *погиб в автокатастрофе*, *в авиакатастрофе*, но не **в катастрофе на зебре*). Для обозначения потери невесты больше подходит *личная драма* или *трагедия*, к тому же герой об уходе любимой к другому так и не узнал. Национальный корпус русского языка показывает, что употребление слова *катастрофа* в большей части текстов 1920-х гг. относится к социальным потрясениям в России. Показательно, что, переводя в конце своей жизни рассказ на английский язык, В. В. Набоков отказался от прежнего названия в пользу сочетания «Details of a Sunset» («Детали заката») [Nabokov 2008], перенаправляющего внимание читателя на иные аспекты событийной стороны рассказа. *Закат* имеет значение «3. перен. конец, конец жизни, гибель» (значения приводятся по близкому ко времени создания текста

[1] Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 06.03.2019) (НКРЯ).

[2] См. также: *Сидорова С. Ю.* Концепция творческой памяти в художественной культуре: Марсель Пруст, Владимир Набоков, Иван Бунин: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2003. 25 с.

словарю Д. Н. Ушакова[3]), однако нетрудно заметить, что закат как фон к сцене гибели героя – деталь недостаточно значительная, а конец жизни называют *закатом*, имея в виду значительный отрезок времени, а не внезапную смерть молодого и здорового мужчины. Примечательно, что словарь Ушакова в качестве иллюстрации к этому значению слова приводит аллюзивное сочетание *Закат Европы*, и это вновь возвращает нас к социально-историческому подтексту. Важно также учесть, что рассказ дал название всему сборнику, и это окончательно убеждает нас в символическом характере русского и английского заглавий.

Рассказ начинается словами: *В зеркальную мглу убегал последний трамвай, и над ним, по проволоке, с треском и трепетом стремилась вдаль бенгальская искра, лазурная звезда*[4] [Набоков 2018: 124]. Сочетание *бенгальская искра* является, как показывает Национальный корпус русского языка, индивидуально-авторским и встречается еще в одном тексте В. В. Набокова – стихотворении «Электричество», написанном год спустя:

Беги по проводу трамвая,
Бенгальской искрою шурша...

Воспроизведение не просто словосочетания, а образно конкретизированной ситуации указывает на ее значимость. Расшифровку образа могут дать строки из стихотворения «Песни из уголка» популярного на рубеже XIX и XX в. петербургского поэта К. К. Случевского:

Память вздумала играть:
Как бенгальскими огнями
Начинает ночь стрелять.

Бенгальские огни, освещающие память повествователя, – таков метафорический зачин рассказа «Катастрофа». На усиление символического смысла света нацелен семантический повтор – *лазурная звезда*. Это сочетание в прозаическом тексте впервые было употреблено В. В. Набоковым (в поэзии до него использовано лишь дважды). Вслед за писателем его воспроизводит И. А. Бунин в «Жизни Арсеньева»: *Помню... как мерцали в лунной небесной высоте редкие лазурные звезды, и братья говорили, что всё это – миры, нам неведомые...* [Бунин 1988, 3: 282]. Показательно, что словосочетание использовано в контексте, прямо указывающем на воспоминания. В том, что заимствование было осознанным, убеждает начало рассказа И. А. Бунина «Чистый понедельник»: *Темнел московский серый зимний день... тяжелей гремели переполненные, ныряющие трамваи, – в сумраке уже видно было, как с шипением сыпались с проводов зеленые звезды...* [Там же, 4: 197–198].

Первое предложение текста В. В. Набокова содержит обращающие на себя внимание фонетические повторы – ассонанс, на слух воспринимаемый как ассонансная рифма (*убег**а**л*, *трамв**а**й*, *вд**а**ль*, *звезд**а***), созвучия (***трам**вай*, ***тре**ск**ом***, ***тре**пет**ом** **стрем**ил**а**сь*), зеркально организованный ассонанс в начале и в конце фразы (*В зерк**а**льную мглу**...** лаз**у**рная звезд**а***). Зеркально организована и ритмическая структура фразы: *В зеркальную мглу улицы убегал / последний трамвай, / и над ним, / по проволоке, / с треском и трепетом / стремилась вдаль бенгальская искра, / лазурная звезда*. Количество фонетических слов в синтагмах сначала убывает (3 + 2 + 1), что задает перспективу, затухание звука вдали, а затем возрастает (1 + 2 + 4), подобно прояснению в памяти образов прошлого. Последняя синтагма (2 слова) содержит семантический повтор – переводит идею зеркального сходства еще на один языковой уровень.

Итак, два символических воплощения памяти В. В. Набоков размещает рядом с близким к ним символом – зеркалом (на него прямо указывает инициальная индивидуально-авторская метафора *зеркальная мгла*). Как замечает С. Ю. Сидорова, «сталкиваясь с зеркалом, герои... поставлены в условия узнавания-припоминания внутри себя Другого»[5]. И Другой появляется в следующей за зачином строке. Это главный герой – приказчик Марк Штандфусс. Фамилию для него В. В. Набоков позаимствовал у известного энтомолога Макса-Рудольфа Штандфусса. Имя изменено не

[3] Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М.: Вече, Мир книги, 2001. С. 375 (ТСРЯ).

[4] Здесь и далее текст цит. по: *Набоков В.* Полное собрание рассказов. СПб.: Азбука, 2018. 752 с.

[5] *Сидорова С. Ю.* Указ. соч. С. 19.

только из-за нелюбви писателя к буквализму. Сразу за упоминанием героя следует короткий абзац, в который заложено слово *мрак*, являющееся анаграммой имени персонажа и скрытой характеристикой состояния его души (помимо такой трактовки О. А. Титов предлагает также интерпретацию, связанную с родом занятий героя [Титов 2016б: 205]).

В рассказе у автора есть и другой двойник – *веселый Адольф.* На анаграмматический характер имени указывает состав звуков и букв: *ф*, по-немецки обозначаемое буквой V, далее в ином порядке *а*, *л*, *о*, *д*, *ь*. Это сокращенное имя В. В. Набокова. Адольф – воплощение писательской воли, он направляет Марка к задуманной автором развязке. На технический характер этой фигуры указывает отсутствие в ней развития, подчеркиваемое постоянным эпитетом *веселый.* Интересно, что деталь *ежом остриженный Адольф* оказывается реальной: такую прическу можно увидеть на берлинских фотографиях В. В. Набокова 1920-х гг.

Главный женский образ рассказа – рыжеволосая Клара. Марк грезит ею и ждет свадьбы, назначенной через неделю. По-французски *рыжий – rousse*, что созвучно слову *Russe* (*русский*) и не менее фонетически близко нашему *Русь.* Не случайно при переводе рассказа на английский язык В. В. Набоков отвергает стандартный эквивалент *рыжего – red* – и выбирает оттенок «красновато-рыжая» с необходимым ему звучанием – *russet-haired.* В видениях будущего Марку представляется *ночью рыжий пожар, рассыпанный по подушке.* Интересно, что полутора годами ранее автор использовал в стихотворении «Сон» описание ночного кошмара со сходными деталями, но в иной цветовой гамме:

> Снилось мне, что на кровати, криво
> Выгнувшись под вздутой простыней,
> всю подушку заливая гривой,
> конь лежал атласно-вороной.

На то, что Клара – это греза Марка, указывает несколько деталей. Во-первых, она является только в воспоминаниях и в предсмертном бреду героя. Его последняя мысль: *Почему нет Клары* – стала просветлением сознания перед уходом из жизни. Как об этом гласит концовка рассказа, *в какие сны – неизвестно.* В английском переводе мысль о том, что до этого герой грезил, усилена: *...Whither – into what other dreams, none can tell* [Nabokov 2008: 85], т. е. *в какие* ***еще*** *сны.* Во-вторых, героиня наделена постоянным эпитетом *бледная.* Его можно истолковать и как «1. ...неяркий», если иметь в виду четкость отпечатка в памяти, и как «2. Без румянца, нездоровый»[6]. Французский этимон имени героини – *clair* – означает не только «светлый, ясный, чистый», но и «прозрачный»[7], немецкое *klar* включает те же смыслы, а также «2. ясный, понятный»[8]. Таким образом, Россия – возлюбленная героя с символическим именем *Клара* – характеризуется как понятная (в отличие от чужой страны с другим языком и культурой), оставшаяся в памяти беженца светлой и чистой, но ее образ постепенно бледнеет. Второе значение эпитета *бледная*, а также деталь *прохлада... рук* должны наводить на мысль, что она умерла для героя (как сказочную мертвую царевну трактует этот образ О. А. Титов [Титов 2016а]).

О Кларе читатель слышит не только от Марка, но и от ее матери – госпожи Гайзе. О. А. Титов связывает эту фамилию с немецким словом *heizen* («гореть») [Титов 2016б: 206]. Такая трактовка соответствует функции этого персонажа: приход госпожи Гайзе и ее слова вызывают озарение в голове госпожи Штандфусс. Не случайно автор отмечает оставшуюся на плите *спичечную коробку с одной обгорелой спичкой*: в этом образе можно усматривать ироническую оценку интеллектуальных способностей матери героя. В то же время фамилия *Гайзе* предполагает и другую возможность дешифровки: в ней можно усматривать анаграмму немецкого глагола *zeige* («показываю, обнаруживаю, проявляю») и анафонию с русским словом *газета.* Такая интерпретация объясняет парадоксальный контекст этого имени собственного: *Она пришла* ***ненароком***, хотя у этого посещения была осознанная цель – передать Марку письмо от дочери с отказом от свадьбы. Кем-то занесенная газета, опустившаяся *на табурет*

[6] ТСРЯ. С. 86

[7] Французско-русский словарь / под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. М.: Дрофа: Русский язык-Медиа, 1991. С. 191.

[8] Немецко-русский (основной) словарь. М.: Русский язык, 1992. С. 506.

в крохотной, чистенькой кухне, принесла новость: *Она не хочет больше никогда видеть вашего сына...* Именно из газет русские эмигранты узнавали о ситуации на родине, и по ним в 1924 г. можно было судить, что мечта о возвращении в Россию тает.

В рассказе многократно упоминаются разнообразные вместилища, символизирующие память: *черный вигвам* с красным огоньком внутри; мебельные фургоны, *что громадные гроба*; подъезд с *темной лестницей*; комната, *перегороженная красной ширмой*; *плоские картонные коробки* с галстуками; город с каналом; дом Клары с *просторной и светлой* столовой. Вместилища состоят из двух частей – темной и светлой: на одной части улицы – *луна*, *голубая искра*, которых Марку почему-то становится жаль, а на другой, за забором, – похожие на гробы мебельные фургоны с люстрами, *как железные пауки, да тяжкими костяками* кроватей; темная лестница, по стене которой вслед за героем поднимается *его черная, горбатая тень*, и *желтый клин света* на площадке пятого этажа; в вечернем городе серые дома, лужи с темными подтеками – внизу, а наверху – золотые громоотводы, омытые *ярким охряным блеском* зари. Как отмечает С. Ю. Сидорова, «память о прошлом занимает верхнее (чердачное) положение... Восходящее движение памяти характерно и для набоковских романов-воспоминаний»[9]. По наблюдению исследователя, верхние уровни памяти соответствуют светлым детским воспоминаниям, нижний уровень отражает недавнее прошлое. Попав под омнибус и оказавшись на пороге смерти, Марк обнаруживает, что *верхние ярусы и крыши домов... дивно озарены*. Он заходит в фургоны недавнего прошлого и понимает, что там *пусто*. Символическое погружение в прошлое с последующим псевдоисцелением можно расценивать как аллюзию к психоанализу. Герой наконец избавляется от темных воспоминаний об отнятом петербургском доме (отсюда фургоны с мебелью) и отдается во власть памяти-грезы о беззаботных днях, которые он проводил летом в имении (*Клара сама открыла калитку*; *Марк... прижался щекой к теплому, зеленому шелку*). Такая дешифровка помогает понять слова Клары, после того как она провела Марка в просторную и светлую столовую: *...мы можем обойтись теперь без прихожей*. Однако для полного выздоровления герой должен не только избавиться от темных воспоминаний, но и перестать мечтать о воссоединении с Кларой-Россией.

Авторский замысел раскрывается до конца при обнаружении у «Катастрофы» рамочной структуры (она характерна и для более поздних произведений В. В. Набокова [Левин 1999: 367]). В начале рассказа автор упоминает, что у Марка на голове *смешной неподстриженный хвостик, как у мальчика*. Далее следует ряд мелких деталей, указывающих на юношескую незрелость главного героя. В конце рассказа он лежит забинтованный, как в коконе. Примечательно, что важнейшие работы М.-Р. Штандфусса, давшего имя персонажу, были посвящены влиянию окружающей среды на бабочек в стадии куколки. Можно предположить, что боль, испытываемая героем, – это метафора превращения куколки в бабочку, расставание с оболочкой Марка.

О. А. Титов предлагает другую интерпретацию рассказа: он видит в «Катастрофе» набор сказочных мотивов и мифологему двух миров – мира мертвых, к которому относится Клара, и мира живых, в котором обитает Марк [Титов 2016а]. Поскольку сказка – это иносказание об инициации, такая трактовка не противоречит авторскому замыслу. Возможность «реализации потенциала намеренно или ненамеренно в тексте существующих значений в сознании воспринимающего» следует считать «решающим фактором» авторской удачи [Феномен творческой неудачи 2011: 257].

Благодаря этому принципу перед читателем раскрывается еще один план – аллюзивный. Описание города, увиденного Марком после несчастного случая, сродни описанию храма: *...в вышине... сквозные портики, фризы и фрески... крылатые статуи, поднимающие к небу золотые, нестерпимо горящие лиры*. Идею храма-памяти В. В. Набоков мог почерпнуть у М. Пруста, которого высоко ценил. Наличие такой интертекстуальной связи подтверждает верность интерпретации «Катастрофы» как рассказа о страданиях под грузом воспоминаний.

Другая интертекстуальная параллель протягивается к повести И. С. Тургенева

[9] *Сидорова С. Ю.* Указ. соч. С. 18.

«Вешние воды». В своей лекции о Тургеневе В. В. Набоков выделил это произведение как одно из заслуживающих внимания. Общей для двух произведений является не только тема любви и памяти о прошедшей юности (напомним, что И. С. Тургенев предпослал своему сочинению эпиграф:

Веселые годы,
Счастливые дни –
Как вешние воды
Промчались они![10]

Узнавание в одном тексте другого обеспечивается составом образующих любовный треугольник персонажей и характеризующих их мелких деталей. У И. С. Тургенева, как и у В. В. Набокова, иностранец оказывается счастливым соперником немецкого торговца, только тургеневский носит имя *Карл* – анаграмма к набоковской *Кларе*. Марк – приказчик, торгующий галстуками, *счастливец в высоком крахмальном воротнике*. Карл – главный *комми* в магазине сукон и шелковых материй, в городе о нем говорят: *«Счастливчик этот жених!»*, и он тоже носит *туго накрахмаленные воротнички*. В «Катастрофе» Клара полюбила *стройного, нищего иностранца*; в «Вешних водах» упоминается *статный, стройный рост* иностранца, а также *пустота* его *кошелька*. Героиню И. С. Тургенева зовут Джемма, у нее был *особенно милый, непрестанный тихий смех* и *мраморные руки*. Героя *особенно поразила изящная красота ее рук; когда она поправляла и поддерживала ими свои темные, лоснистые кудри...* У Клары В. В. Набокова яркие волосы *цвета абрикосового варенья* (*варенье – джем – Джемма*), героя привлекает *прохлада оголенных рук*, он вспоминает, как она *подняла оголенные локти – и ждала, оправляя прическу*. Марк мечтает, как после свадьбы по утрам будет звучать ее *тихий смех*. Героиня И. С. Тургенева носит фамилию Розелли, и розы неоднократно упоминаются в «Вешних водах». В «Катастрофе» в видениях Марка, когда улицы города превращаются в храм, неожиданно появляется светская роспись – *шпалеры оранжевых роз*. Наконец, в двух текстах есть общий символ с отличными друг от друга значениями – молния. У И. С. Тургенева она воплощает мгновенное ослепление любви, В. В. Набоков с помощью этого символа передает идею прозрения: *словно толстая молния проткнула его с головы до пят, – а потом – ничего*.

Ассоциации с текстом И. С. Тургенева придают рассказу В. В. Набокова дополнительную глубину. Память о России не может ограничиваться только материальными объектами – *дубовыми баулами*, *люстрами*, *двуспальными кроватями*, *чугунными калитками* и *зелеными ветками*, пересекающими окно. Она хранит также духовную культуру, в том числе строки из классической литературы. Сознательно или бессознательно, В. В. Набоков, работая над рассказом, вызывал из глубин памяти отпечатавшиеся в ней строки и образы.

Выводы. Путь к пониманию любого произведения В. В. Набокова непрост и чреват для поверхностного исследователя потерей лица. «Он (Набоков. – *О. Е.*) както постоянно вступает в дуэль (прежде всего интеллектуальную) со своим окружением, хочет всех перехитрить, осмеять, осрамить» [Феномен творческой неудачи 2011: 274]. К метафоре дуэли следует добавить метафору игры в шахматы, на что в свое время обратил внимание А. А. Долинин: «Поэтика Набокова – это... поэтика, уподобляющая художественный текст шахматной задаче с “ключом”» [Долинин 1999: 727]. Про «Катастрофу» можно сказать, что писатель сочинил изящный этюд. Вступая в поединок с автором, читатель пытается понять, как ходят фигуры, т. е. ищет ключ к коду Набокова, затем просчитывает возможные ходы, а потом вдруг обнаруживает, что задача имеет более одного решения, и это доставляет особое удовольствие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бунин И. А.* Собрание сочинений: в 4 т. М.: Правда, 1988. Т. 3. 541 с.; Т. 4. 557 с.

2. *Долинин А. А.* Три заметки о романе Владимира Набокова «Дар» // Владимир Набоков: pro et contra: материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова: антология. Т. 1. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. С. 697–740.

3. *Левин Ю.* Заметки о «Машеньке» В. В. Набокова // Владимир Набоков: pro et contra: материалы и исследования о жизни и

[10] Текст И. С. Тургенева цит. по: *Тургенев И. С.* Вешние воды // *Тургенев И. С.* Собрание сочинений: в 12 т. Т. 8. М.: Гослитиздат, 1956. С. 38–184.

творчестве В. В. Набокова: антология. Т. 1. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. С. 364–374.

4. *Набоков В.* Лекции по русской литературе: Чехов. Достоевский. Гоголь. Горький. Толстой. Тургенев. М.: Независимая газета, 1996. 440 с.

5. *Сконечная О. Ю.* Черно-белый калейдоскоп. Андрей Белый в отражениях В. В. Набокова // Владимир Набоков: pro et contra: материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова: антология. Т. 1. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. С. 667–696.

6. *Титов О. А.* Роль сказочного интертекста в содержательной структуре рассказа В. В. Набокова «Катастрофа» // Ярославский педагогический вестник. 2016а. № 4. С. 194–198.

7. *Титов О. А.* Семантика собственных имен в рассказе В. В. Набокова «Катастрофа» // Вестник Костромского государственного университета. 2016б. Т. 22, № 5. С. 204–208.

8. Феномен творческой неудачи / под общ. ред. А. В. Подчиненова и Т. А. Снигиревой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. 423 с.

9. *Nabokov V.* Details of a Sunset // The Stories of Vladimir Nabokov / Tr. D. Nabokov. New York: Vintage Books, 2008. P. 79–85.

REFERENCES

1. *Bunin I. A.* Collected works: in 4 vol. Moscow: Truth, 1988. Vol. 3. 541 p.; vol. 4. 557 p. (In Russ.).

2. *Dolinin A. A.* Three notes about the novel by Vladimir Nabokov "Gift". *Vladimir Nabokov: pro et contra: materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova: antologiya = Vladimir Nabokov: pro et contra: Materials and research on the life and work of V. V. Nabokov: Anthology*. Vol. 1. Saint- Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1999. P. 697–740. (In Russ.).

3. *Levin Yu.* Notes about "Mashenka" by V. V. Nabokov. *Vladimir Nabokov: pro et contra: materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova: antologiya = Vladimir Nabokov: pro et contra: Materials and research on the life and work of V. V. Nabokov: Anthology*. Vol. 1. Saint-Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1999. P. 364–374. (In Russ.).

4. *Nabokov V. V.* Lectures on Russian literature: Chekhov. Dostoevsky. Gogol. Gorky. Tolstoi. Turgenev. Moscow: Independent newspaper, 1996. 440 p. (In Russ.).

5. *Skonechnaya O. Yu.* Black and white kaleidoscope. Andrei Belyi in V. V. Nabokov's reflections. *Vladimir Nabokov: pro et contra: materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V. V. Nabokova: antologiya = Vladimir Nabokov: pro et contra: Materials and research on the life and work of V. V. Nabokov: Anthology*. Vol. 1. Saint-Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1999. P. 667–696. (In Russ.).

6. *Titov O. A.* A Role of Fairy Intertext in the Substantial Structure of V. V. Nabokov's Story "Accident". *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2016a. No. 4. P. 194–198. (In Russ.).

7. *Titov O. A.* Proper names' semantics in Vladimir Nabokov's story "Catastrophe". *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*. 2016b. Vol. 22, No. 5. P. 204–208. (In Russ.).

8. The phenomenon of creative failure / A. V. Podchinenov and T. A. Snigireva (gen. ed.). Ekaterinburg: Publishing House of Ural University, 2011. 423 p. (In Russ.).

9. *Nabokov V.* Details of a Sunset // The Stories of Vladimir Nabokov. New York: Vintage Books, 2008. P. 79–85. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Валерьевна Евтушенко, *доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и теории словесности, переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет*

Olga V. Evtushenko, *Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language and Theory of Literature, Faculty of Translation, Moscow State Linguistic University*

Статья поступила в редакцию 06.01.2020; одобрена после рецензирования 20.01.2020; принята к публикации 05.04.2021.

The article was submitted 06.01.2020; approved after reviewing 20.01.2020; accepted for publication 05.04.2021.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ **УДК 81'42.811.161.1**
DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-74-79

Языковая организация мифологического двоемирия в стихотворении Б. Пастернака «Ветер»

Ирина Викторовна Якушевич
Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, sa1107@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3053-7530

Аннотация. Статья посвящена лингвопоэтическому анализу стихотворения Б. Л. Пастернака «Ветер» с позиции языкового воплощения мифологического двоемирия. В центре внимания исследования – символ «ветер как дух», без которого мистическая идея стихотворения нивелируется. Цель статьи – раскрыть, при помощи каких языковых средств символ транслирует мифологическое двоемирие, как эта когниция сливается с авторским переживанием и обусловливает образную систему и идею стихотворения. Особое значения для понимания мифологического двоемирия имеет закон партиципации (Л. Леви-Брюль) – отождествление ментальных, эмоциональных и физических свойств человека с природой. В стихотворении Б. Л. Пастернака страдающее и метущееся «я» умершего лирического героя становится ветром. В исследовании слово-символ «ветер» рассматривается в семантико-семиотическом аспекте как знак. Его означающее – лексема *ветер* в значении 'перцептивное представление о воздушном потоке'. Означаемое – символическое значение 'дух, душа, бессмертие', обусловленное этимологическим значением слова и языческой мифологией. В результате исследования выявлено, что символ «ветер» является носителем мифологического двоемирия и программирует художественный мир стихотворения: с одной стороны, это реальный мир лирической героини, дачи и ветра, раскачивающего сосны, с другой – ирреальный мир духа умершего лирического героя. Лексические ресурсы поэтического текста транслируют это противопоставление в соотношении слов *я* и *ветер*, личных местоимений *я* и *ты*, а также слов *кончился* и *жива*. На грамматическом уровне мифологическое двоемирие выражено противопоставлением глагольных форм прошедшего и настоящего времени, а также переходом от несобственно-прямой речи (мысленного монолога лирического героя) к повествованию в 3-м лице про ветер и сосны и возвращением в конце стихотворения к несобственно-прямой речи лирического героя. Так Б. Пастернаком реализуется одна из главных идей романа «Доктор Живаго» – идея бессмертия, что в статье подтверждено обращением к макроконтексту романа и биографическим материалам.

Ключевые слова: ветер, символ, аниматизм, мифологическое двоемирие, внутренняя форма, несобственно-прямая речь

Для цитирования: *Якушевич И. В.* Языковая организация мифологического двоемирия в стихотворении Б. Пастернака «Ветер» // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 74–79. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-74-79.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Linguistic organization of the duality of mythological worlds in B. Pasternak's poem "Wind" ("Veter")

Irina V. Yakushevich
Moscow City University, Moscow, Russia, sa1107@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3053-7530

Abstract. This article presents a linguopoetic analysis of Boris Pasternak's poem "Wind" ("Veter") from the position of the lingual embodiment of the duality of mythological worlds. This research focuses on the symbol of "the wind as a spirit", upon which the poem's whole mystical idea relies. The purpose of this article is to reveal which the linguistic means used to translate the duality of mythological worlds, as well as how this cognition merges with the author's experience and determines the poem's figurative system and idea. The understanding of the duality of mythological worlds requires the law of participation (L. Lévy-Bruhl) – the identification of the mental, emotional, and physical properties of a person and nature. In Pasternak's poem, the suffering and rushing "I" of the deceased lyrical hero becomes the wind. In this study, the word-symbol "wind" is studied in the semantic and semiotic aspect as a sign. Its signifier is the lexeme *wind* meaning 'perceptual idea of an air flow'; signified – the symbolic meaning of 'spirit, soul, immortality', due to the

© Якушевич И. В., 2021

etymological meaning of the word and pagan mythology. The results reveal that the symbol "wind" is the carrier of the duality of mythological worlds, and it programs the fictional world of the poem: on the one hand, these are the actual world of the lyrical heroine, the house, and the wind, which swings pine trees; on the other hand – the imaginary world of the spirit of the dead lyrical hero. The lexical resources of the poetic text translate this opposition in the ratio of the words *I* and *wind*, personal pronouns *I* and *you*, as well as the words *ended* and *alive*. At the grammatical level, the duality is expressed by the contrast of the verbal forms of the past and present time, as well as by the passage from the indirect thought (the lyrical hero's mental monologue) to the 3rd person narrative about the wind and the pine trees and by the return of the poem to the lyrical hero's indirect thought at the end. This is how Pasternak implements one of the main ideas of his novel "Doctor Zhivago" – the idea of immortality, which is confirmed in the article by referring to the novel's macro context and biographical materials.

Keywords: wind, symbol, animatism, mythological duality, inner form, improperly direct speech
For citation: *Yakushevich I. V.* Linguistic organization of the duality of mythological worlds in B. Pasternak's poem "Wind" ("Veter"). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2021. Vol. 82, No 5. P. 74–79. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-74-79. (In Russ.).

Введение. Исследование языкового воплощения мифологического мышления – одно из перспективных направлений не только в лингвокультурологии и этнолингвистике, но и в лингвопоэтике. Речь идет о семантизации мифологического мышления в символе, выраженном словом, о том, какая когниция определяет его семантику и как она кодирует традиции народной культуры, архаическое мышление народа. Миф и символ как его единица [Лотман 1992: 12] – древнейший способ концептуализации действительности [Кошарная 2002: 84]. Семантизация символа и, как результат, реконструкция древнего славянского мировоззрения только часть исследовательской проблемы. Важно определить, как мифологическое мышление, организуя весь образный состав стихотворения, сливается с авторским переживанием и становится его транслятором.

«Ветер», одно из двадцати пяти стихотворений Юрия Андреевича Живаго, – безусловная жемчужина пастернаковской лирики, изучаемой в школе. Стихотворение в 12 строк отличается такой простотой и естественностью, что делает «ересью любую попытку разбора...» и обрекает «исследователя на полную немоту». Эти слова известного филолога А. К. Жолковского, посвятившего анализу «Ветра» статью «Поэзия и грамматика живаговского “Ветра”» [Жолковский 2011], – преамбула к дальнейшему разговору о нарочитой легкости, простоте стихотворения и его скрытом мифологическом смысле. Приведем текст:

Ветер

Я кончился, а ты жива.
И ветер, жалуясь и плача,
Раскачивает лес и дачу.
Не каждую сосну отдельно,
А полностью все деревья
Со всею далью беспредельной,
Как парусников кузова
На глади бухты корабельной.
И это не из удальства
Или из ярости бесцельной,
А чтоб в тоске найти слова
Тебе для песни колыбельной.

Постановка проблемы и методы исследования. К образу ветра Б. Л. Пастернака следует подходить только как к символу со значением ‘бессмертная душа (дух) поэта’. Цель статьи – раскрыть, при помощи каких языковых средств символ «ветер как бессмертный дух» порождает в стихотворении Юрия Живаго мифологическое двоемирие. Для этого мы обратимся к трем источникам: 1) к этимологическому значению слова *ветер* и сформировавшемуся на его основе в славянской культуре символическому значению; 2) к контексту романа «Доктор Живаго»; 3) к биографическим данным.

Рассмотрим слово *ветер* как семантико-семиотическую модель символа. Символизация – это процесс означения перцептивно-обобщенным образом (‘ветер’) или его признаками некоей абстрактной, непознанной субъектом реальности (‘дух, душа, бессмертие’) [Якушевич 2012: 85]. Символ «ветер» – это знак с тремя компонентами и двумя ступенями означения: 1) слово *ветер*; 2) перцептивный образ: представление о перемещающемся воздушном потоке; 3) символическое значение ‘дух, душа, бессмертие’. Первое и второе в совокупности – это **означающее символа «ветер»**: словесный знак, состоящий из звукобуквенного комплекса и денотата (перцептивное представление о ветре).

Внутренняя форма слова *ветер* мотивирует символическое значение ‘дух’. Именно на этой ступени означения происходит символизация. Ее механизм раскрыл А. А. Потебня в ставшем классическим учении о внутренней форме слова – его этимологическом значении [Потебня 1999: 90]. Сначала образ ветра следует представить как совокупность чувственных признаков: ‘воздушная природа, направление, скорость’. В механизме символизации участвуют два признака образа ветра – ‘воздух’ и ‘направление’, поскольку слово *ветер* произошло от и.-е. **u̯ē(i)*- ‘дуть, веять’. Слова *ветер* и *веять* – этимологически однокоренные[1].

Одного этимологического значения недостаточно: должны быть подключены механизмы мифологического мышления. При переходе от значения ‘воздушный поток’ (внутренняя форма) к ‘дыханию бога или чьей-то души’ (символическое значение) происходит два взаимосвязанных мыслительных процесса: 1) переход к двоемирию и 2) анимативизм.

Мифологическое двоемирие обусловлено самой природой символа – его полиденотативностью. С одной стороны, есть реальность ветра с привычной трехмерной системой координат. Ее задает денотат слова *ветер*. С другой стороны, есть реальность (скорее, ирреальность) сверхъестественного духа. Ее задает символическое значение.

Анимативизм (лат. *animatus* — одушевленный) – вера во всеобъемлющую одушевленность природы (термин Р. Маретта). Так, поток ветра отождествлялся в народе с дыханием бога или другого сверхъестественного существа. Следовательно, общеслав. **vętrъ* было обозначением персонифицированного ветра-духа или ветра-бога. В свою очередь древнерусское слово *духъ* обозначало ‘дуновение, ветер’. Но кроме этого *духъ* – это также жизненное начало, бесплотное сверхъестественное существо, душа[2]. Следствием анимативизма является мыслимое отсутствие границы между реальностью и сном, тем светом и этим светом.

Таким образом, символ «ветер» «программирует» художественный мир стихотворения, разделяя его на два сосуществующих мира: первый мир – ветер и то реальное пространство, которое он «осваивает»: небо, сосны, дачу; второй мир – ирреальность некоего духа.

Анализ. 1. Идея смерти и бессмертия у Б. Л. Пастернака в 1950-х гг.

Мысль о бессмертии находим уже в ранней статье 1913 г. «Символизм и бессмертие»: «Содержание поэзии – есть поэт как бессмертие» [Пастернак 2004, 5: 319]. А в 1950-х гг. Б. Л. Пастернак напишет на одном из вариантов рукописи первых глав «Доктора Живаго»: «Смерти не будет». Но сам он очень спешит, боясь не успеть выполнить свое главное предназначение – дописать роман. Стихотворение «Ветер» датировано 1953 г., а осенью 1952 г. Пастернак перенес инфаркт миокарда и оказался на грани жизни и смерти. Мысли о смерти и бессмертии не покидают поэта: «В минуту, которая казалась последнею в жизни, больше, чем когда-либо до нее, хотелось говорить с богом, славословить видимое, ловить и запечатлевать его» (цит. по: [Пастернак: 614]).

Для Пастернака конца 1940-х – начала 1950-х гг. ветер связан с А. Блоком, имя которого не раз возникает на страницах «Доктора Живаго». В 1956 г. Пастернак посвящает Блоку цикл «Ветер», где стихия воздуха символизирует не только душу поэта (*Он ветрен, как ветер. / Как ветер, шумевший в имени...*), но и его посмертный дух:

Тот ветер повсюду. Он – дома,
В деревьях, в деревне, в дожде,
В поэзии третьего тома,
В «Двенадцати», *в смерти*, везде.

Ветер как дух – герой еще одного стихотворения 1956 г., которое сначала поэт тоже назвал «Ветер». По словам О. В. Ивинской, последней любви Пастернака, сохранился листок с тремя строфами:

По дому ходит привиденье
Под окнами растет лопух
И одуванчики в цветеньи
По комнатам летает пух.
И я от частых молний слепну

[1] *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 8. М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2014. С. 43.

[2] Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 5. М.: Наука, 1978. С. 153.

И тучи высятся в окне
И занавески раболепно
Снуют, целуя руки мне.
И это привиденье – лето
Разгуливает в колпаке
Волшебником по кабинету
Как чья-то тень на сквозняке.

Узнаваемо стихотворение 1956 г. «Июль» [Ивинская 1972: 431]. Однако в раннем наброске мистическое начало звучит отчетливее в связи с выбранным в заголовке образом ветра. А в контексте мыслей Б. Л. Пастернака о смерти и бессмертии совсем иначе воспринимаются слова из конечного варианта знаменитого «Июля»: *привиденье*, *домовой*, *призрак* и *двойник*.

И наконец, в знаменитом «Августе» 1953 г., вошедшем (как и «Ветер») в книгу стихов Юрия Живаго, из ниоткуда возникает голос умершего поэта, демонстрируя то самое двоемирие, когда ирреальный мир (дух поэта) сосуществует с реальным (осень и похороны):

Был всеми ощутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, не тронутый распадом...

2. Мифологическое двоемирие в стихотворении «Ветер»

Стихотворение входит в книгу стихов Юрия Живаго, которая продолжает роман после смерти главного героя. Уже сам факт существования такого посмертного бытия доктора Живаго в его стихах следует рассматривать как воплощение ключевой для Б. Л. Пастернака мысли о бессмертии.

По сюжету герой пишет это стихотворение в Варыкине, глядя на спящих Лару и ее дочь Катю и испытывая счастливый покой и невиданное вдохновение. Становится очевидным, кто та женщина, к которой обращается лирический герой «Ветра». Позже, глядя вслед уезжающей из Варыкина Ларе, герой словно бы предвосхищает посмертную встречу: «Прощай, Лара, *до свидания на том свете*, прощай краса моя, прощай радость моя, бездонная, неисчерпаемая, вечная».

Первая строка стихотворения *я кончился, а ты жива* сразу же задает мифологическое двоемирие: сложносочиненное предложение с противительным союзом *а* семантически разделяет тот свет и этот. Лирический герой умер, *кончился*, о чем свидетельствует и форма прошедшего времени. Лирическая же героиня Лара *жива*, однако краткая форма имени прилагательного передает временный характер признака, его эпизодичность. Сложный мифологический подтекст наделяет противительное *а* особым смыслом: это непреодолимая граница между живыми и мертвыми – между героем и его женщиной. В каком же из миров оказывается читатель в первой строке стихотворения? Поскольку в сообщении возникают личные местоимения *я* и *ты*, то перед нами обращение мертвого поэта к Ларе. Автор использует тот же прием, что и в стихотворении «Август», – речь умершего. Только в «Августе» это реальный голос, который слышат все участники похорон, а в «Ветре» – несобственно-прямая речь.

В. В. Виноградов считал несобственно-прямую речь проявлением «субъектно-экспрессивной многоплановости» произведения [Виноградов 1949: 275]. Для читателя это два разных субъектных пространства, а если учесть заложенное в символе двоемирие, то два разных мира. Не случайно для выражения двоемирия Б. Л. Пастернак выбирает именно форму несобственно-прямой речи: прямая речь – это материализованное высказывание, реально слышимое, как в «Августе». Несобственно-прямую речь следует отнести скорее к внутренней речи (по терминологии Л. С. Выготского). Это речь невысказанная, а в «Ветре» она приобретает значение движущей силы лирического сюжета: герой хочет преодолеть границу между мирами, чтобы сказать важные слова Ларе.

Ему это не вполне удается, потому что в мире живой Лары он – ветер. Лирическая героиня не понимает преображения героя и его слов. Во второй строке стихотворения происходит кардинальная перемена: читатель внезапно оказывается в мире героини и наблюдает то же, что и она, – как ветер раскачивает лес, дачу. Настоящее время глагола *раскачивает* также наделяется мифологическим подтекстом ‘этот свет’. «Переключателем» миров становится не столько грамматическое время (в мире героя оно прошедшее, а в мире героини – настоящее), сколько формы лица: если в первой строке лирический герой

говорит от 1-го лица, то уже в третьей – от 3-го (*раскачивает*).

Центральная часть стихотворения раскрывает необычайную силу ветра, способного качать одновременно все сосны. Конструкция с отрицанием *не каждую отдельно, а полностью...* оформляет градацию: сначала обозначена *каждая сосна отдельно*, далее уже *все деревa* и, наконец, гротескное *со всею далью беспредельной*, когда сосны и в их просветах небо сливаются в одно качающееся зрелище.

Очевидно, что перцептивная составляющая этого фрагмента задумана так, чтобы взгляд условного наблюдателя ветра (а в мире сосен и дома это Лара) постепенно «поднимался» от стволов деревьев к их кронам и далее уходил в *даль беспредельную* – единственный локус стихотворения, намекающий на «местонахождение» поэта, – небо. Смысловую значимость этого образа подчеркивает сравнение: *Как парусников кузова / На глади бухты корабельной*. Ассоциация «небо как море» – один из любимых образов Б. Л. Пастернака. Фраза *Парусников кузова на глади бухты корабельной* – аллюзия славянского языческого символа «небо – море». *Парусников кузова* – авторская вариация символа, известного в мифологии почти всех народов: «лодка как переправа в царство мертвых»[3].

В третьей части стихотворения со слов *И это не из удальства...* снова происходит «переключение» двух миров: возникает несобственно-прямая речь – внутренний диалог лирического героя с возлюбленной. Переход из мира героини в мир духа Ю. Живаго маркирован местоимением *тебе*. Герой объясняет цель своего «прихода» – утешение в колыбельной песне: *А чтоб в тоске найти слова / Тебе для песни колыбельной*. В стихотворении Б. Пастернака ветер раскачивает сосны, чтобы его услышала любимая. Автор актуализирует этимологическое значение слова *колыбельная*, произошедшего от общеславянского **kolębati*, превратившегося позже в *колыбати*[4]. Колебание сосен и есть язык «песни» лирического героя.

Особую роль в стихотворении играют лексемы-эмотивы. Это деепричастия *жалуясь и плача*, оформляющие олицетворение ветра во второй части стихотворения и указывающие на необычность природного явления. В конце стихотворения это существительные *удальство*, *ярость* и *тоска*. Все эмотивы, за исключением слова *удальство*, описывают горе мятущегося духа, который не может преодолеть границу между жизнью и смертью.

Выводы. Итак, в стихотворении «Ветер» реализована давняя мысль Б. Л. Пастернака о бессмертии поэта. Во-первых, само стихотворение, включенное в посмертный сборник стихов Ю. Живаго, является своего рода формой бессмертия. Во-вторых, в стихотворении автор использует несколько языческих славянских символов: «ветер как дух», «небо как море в стране мертвых» и «лодка как переправа на тот свет». Подключение мифологического мышления неизбежно связано с двоемирием и анимативизмом символа «ветер». Мистическое двоемирие стихотворения заключается в сосуществовании двух реальностей – реальности умершего лирического героя (точнее, его духа) и реальности живой лирической героини.

На лексическом уровне это противопоставление выражено в соотношении слов *я* и *ветер*, личных местоимений *я* и *ты*, а также предикативов *кончился* и *жива*. Угадывается семантический параллелизм образов: «*Я*» – *ветер*, *раскачивать* – *петь колыбельную*.

На грамматическом уровне противопоставление того и этого света выражено соотношением прошедшего времени глагола совершенного вида *кончился* с формами *жива*, *радуясь*, *плача*, *раскачивает*. «Переключение» между мирами оформлено переходом от несобственно-прямой речи (*я кончился, а ты жива*) к повествованию в 3-м лице (*и ветер.. раскачивает*) и в конце стихотворения снова к несобственно-прямой речи (*чтобы в тоске найти слова тебе для песни колыбельной*).

Как это не мистично звучит, но стихотворение автобиографично. В своих воспоминаниях О. Ивинская несколько раз называет день похорон Б. Л. Пастернака (30 мая 1960 г.) «ветреным, солнечным и страшным летним днем» [Ивинская 1972: 349]. Этот

[3] Энциклопедия символов, знаков и эмблем. М.: Локид; Миф,1999. С. 194.

[4] *Крылов Г. А.* Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. С. 189.

ветер отождествлялся ею с поэтом и любимым человеком. И не случайно, что в своих воспоминаниях главу, посвященную смерти Б. Л. Пастернака, она называет строкой из «Ветра»: *Я кончился, а ты жива...*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. В.* Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 1. М.; Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. С. 161–278.

2. *Жолковский А. К.* Поэзия и грамматика живаговского «Ветра» // Поэтика Пастернака: инварианты, структуры, интертексты. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 369–409.

3. *Ивинская О. В.* В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком. Париж: Fayard; М., 1978. 437 с.

4. *Кошарная С. А.* Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2002. 287 с.

5. *Лотман Ю. М.* Символ в системе культуры // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 191–199.

6. *Пастернак Б. Л.* Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 5. М.: Слово, 2004. 749 с.

7. *Пастернак Е.* Борис Пастернак. Материалы для биографии. М.: Советский писатель, 1989. 682 с.

8. *Потебня А. А.* Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.

9. *Якушевич И. В.* Лингвокультурологический комментарий слова-символа в поэтическом тексте // Русский язык за рубежом. 2012. № 1(230). С. 85–91.

REFERENCES

1. *Vinogradov V. V.* From observations of the language and style of I. I. Dmitriev. *Materialy i issledovaniya po istorii russkogo literaturnogo yazyka = Materials and research on the history of the Russian literary language: in 4 vol.* Vol. 1. Moscow; Leningrad: Publishing house and 2nd printing house of publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1949. P. 161–278. (In Russ.).

2. *Zholkovsky A. K.* Poetry and grammar of Zhivago's "Wind". *Poehtika Pasternaka: invarianty, struktury, interteksty = Poetics of Pasternak: invariants, structures, intertexts.* Moscow: New Literary Review, 2011. P. 369–409. (In Russ.).

3. *Ivinskaya O. V.* Captured by time. Years with Boris Pasternak. Paris: Fayard; Moscow, 1978. 437 p. (In Russ.).

4. *Kosharnaya S. A.* Myth and language: The experience of linguoculturological reconstruction of the Russian mythological picture of the world. Belgorod: Belgorod State University Publishing House, 2002. 287 p. (In Russ.).

5. *Lotman Yu. M.* Symbol in the system of culture. *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i = Selected articles*: *in 3 vol.* Vol. 1. Tallinn: Aleksandra, 1992. P. 191–199. (In Russ.).

6. *Pasternak B. L.* Complete collection of works: in 11 vol. Vol. 5. Moscow: Word, 2004. 749 p. (In Russ.).

7. *Pasternak E.* Boris Pasternak. Materials for biography. Moscow: Soviet writer, 1989. 682 p. (In Russ.).

8. *Potebnya A. A.* Thought and language. Moscow: Labyrinth, 1999. 300 p. (In Russ.).

9. *Yakushevich I. V.* Linguocultural comment of a word-symbol in the poetic text. *Russkii yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*. 2012. No. 1(230). P. 85–91. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ирина Викторовна Якушевич, *доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и методики преподавания филологических дисциплин, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет*

Irina V. Yakushevich, *Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines, Institute of Humanities Sciences, Moscow City University*

Статья поступила в редакцию 06.01.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2021; принята к публикации 05.03.2021.

The article was submitted 06.01.2021; approved after reviewing 20.01.2021; accepted for publication 05.03.2021.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

LINGUISTIC NOTES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ **УДК 80.811.161.1**

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-80-85

Тенденции современного глагольного словопроизводства

Наталия Анатольевна Николина

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, admin@riash.ru, https://orcid.org/0000-0002-2644-8984

Аннотация. В статье рассматриваются различные типы глаголов-неологизмов, функционирующих в современной русской речи. Цель работы – выявить тенденции глагольного словопроизводства на рубеже XX–XXI вв. и в начале XXI в. Отмечается, что, несмотря на меньшую по сравнению с другими частями речи подверженность неологизации, глагольная лексика также регулярно пополняется новообразованиями разных структурных типов. Показано, что особую активность проявляют суффиксация, префиксация и постфиксация. Определяются тенденции современного глагольного словопроизводства: интенсивное образование новых глаголов на базе иноязычных заимствований, активизация отыменного словопроизводства глаголов, рост числа возвратных глаголов, выражающих различные аспекты субъектно-объектных отношений. Делается вывод, что глагольные новообразования последовательно используются не только в языке СМИ, но и в современной художественной речи, что усиливает ее экспрессивность и образность.

Ключевые слова: глагол, неологизм, новообразование, словообразование, суффиксация, префиксация, постфиксация, сложение

Для цитирования: *Николина Н. А.* Тенденции современного глагольного словопроизводства // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 80–85. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-80-85.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Tendencies in modern verbal derivation

Natalia A. Nikolina

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, admin@riash.ru, https://orcid.org/000-0002-2644-8984

Abstract. The article examines various types of verbal neologisms functioning in modern Russian speech. The aim of the research is to reveal the tendencies of verbal derivation at the turn and at the beginning of the 21st century. It is noted that verb vocabulary is regularly enriched by neologisms of different structural types despite the fact that this part of speech is less open to neologization. It has been demonstrated that suffixation, prefixation, and postfixation (grammatical suffixation) are the most productive processes of derivation. The following tendences of modern verbal derivation have been revealed: intensive formation of new verbs via borrowing from foreign languages; expansion of denominative derivation of verbs; an increase in the number of reflexive verbs expressing various aspects of subject-object relations. It is concluded that verbal neologisms are consistently used not only in media language, but also in the language of modern fiction where they enhance its expressiveness and imagery.

Keywords: verb, neologism, coinage, word formation, suffixation, prefixation, postfixation, compounding

For citation: *Nikolina N. A.* Tendencies in modern verbal derivation. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2021. Vol. 82, No. 5. P. 80–85. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-80-85. (In Russ.).

Введение. «Словообразовательная подсистема русского глагола характеризуется отчетливой противопоставленностью отглагольных и неотглагольных глаголов, различающихся как количеством словообразовательных формантов, так

© Николина Н. А., 2021

и характером передаваемых ими значений» [Улуханов 2015: 3]. Эта подсистема обладает высокой степенью устойчивости и по сравнению с другими частями речи обновляется не столь интенсивно. Тем не менее бурные процессы в словообразовании на рубеже XX–XXI вв. затронули и глагольное словопроизводство. Глагольные неологизмы этого периода неоднократно привлекали внимание исследователей. Т. Н. Буцева и А. В. Зеленин проанализировали группы глаголов, представленные в аспектных неографических словарях [Буцева, Зеленин 2021], функционирование глагольных неологизмов в русской лексике конца XX столетия было описано в диссертации Е. В. Тумаковой[1] и в статье П. Н. Магомедгаджиевой [Магомедгаджиева 2013]. При этом глагольная словообразовательная подсистема в ее динамике остается недостаточно изученной.

Цель данной статьи – выявить тенденции современного глагольного словопроизводства. Материалом для анализа служат данные словарей-справочников «Новые слова и значения», тексты СМИ, записи живой речи, глагольные новообразования, зафиксированные в интернет-общении и современной художественной речи, в том числе глагольные окказионализмы.

В процессе работы использовались такие общенаучные методы, как описание и сопоставление, а также собственно лингвистические методы: структурно-семантический метод и словообразовательный анализ производных слов. Для анализа привлекались глагольные неологизмы, уже зафиксированные в словарях новых слов, сленгизмы и жаргонизмы, а также индивидуально-авторские образования, отражающие активные деривационные процессы в современной русской речи.

Анализ материала. Исследователи неоднократно отмечали неравномерность распределения неологизмов по частям речи. Так, по подсчетам Н. З. Котеловой, в конце 80-х гг. XX в. в составе словарей новых слов «подавляющее большинство неологизмов – существительные, прилагательных в несколько раз меньше, глаголов меньше тысячи» [Котелова 1988: 57]. По данным Т. Н. Буцевой, А. В. Зеленина, «в период с 2000 по 2020 гг. в разных источниках (СМИ, Интернет) зафиксировано около 1000 новых глаголов, которые в своей совокупности еще не были описаны словарями. Таким образом, на основании приведенных цифр, демонстрирующих частеречное распределение в неологических процессах в русском языке в последние 70 лет, можно констатировать, что глагольная неологическая лексика составляет 5–6 % всех лексических инноваций» [Буцева, Зеленин 2021: 127].

Как видим, глаголы по сравнению с именами существительными значительно менее подвержены неологизации, однако и для этой части речи характерна динамика деривационных процессов. Их исследование в сфере глагольного словопроизводства позволяет выделить ряд характерных тенденций. Прежде всего, это тенденция к интенсивному образованию глаголов на базе заимствований, например: *абьюзить*, *банить*, *гуглить*, *коллабать*, *лайкать*, *пиарить*, *постить*, *селфить*, *тегить*, *рофлить*, *троллить*, *феймить*, *флексить*, *флудить*, *фóрсить*, *хайпить*, *хейтить*, *холиварить*, *френдить*, *чиллить*, *шипперить*.

Наиболее продуктивным при образовании этих разговорных и сленговых глаголов является суффикс *-и-*. Так, например, глагол *холиварить*, восходящий к английскому устойчивому выражению (*holy war* – «священная война»), образован при помощи этого форманта от заимствованного существительного *холивар* в значении ‘страстный, яростный спор на значимую для говорящих тему, предполагающий большое количество участников и регулярно повторяющийся’. «Тема холивара может касаться различных проблем как внутри Интернета, так и вне его, но обязательно должна быть принципиальной для определенного круга лиц»[2]. Суффикс *-и-* проявляет активность и при образовании глаголов от уже освоенных языком основ: *инженерить*, *мафиозить*, *пиарить*, *мегафонить, кошмарить*.

Другой заметной тенденцией в сфере глагольного словопроизводства является высокая активность отыменного

[1] *Тумакова Е. В.* Глагольные новообразования в современном русском языке: семантика и функционирование: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2003. 166 с.

[2] Словарь языка Интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. М.: АСТ-Пресс, 2016. С. 158.

словообразования. Новые отыменные глаголы мотивируются преимущественно именами существительными. Наряду с суффиксацией, продуктивность здесь обнаруживает префиксально-суффиксальный способ, см., например, зафиксированные в разговорной речи и СМИ глаголы: *обездачить* (Комсомольская правда, 18.05.1996), *перевесновать* (Российская газета, 24.04.1993), *припомадить* (Правда, 25.09.1993), *расхламить* (Разг. речь). Однако суффиксальный способ явно доминирует в сфере глагольных неологизмов, особенно при образовании глаголов, мотивированных заимствованиями, например: *гаджетировать*, *веганить*, *дауншифтить* и др. Значительно реже при образовании простых по структуре глаголов, мотивированных заимствованиями, используются суффиксы *-а-/-ова-*: *лайкать*, *коллабать*, *трамповать* (от фамилии *Трамп*), *хайповать*, *чипировать(ся)*.

В сфере производства новых глаголов в книжной речи продуктивным является суффикс *-ирова-*: *архивировать*, *администрировать*, *инфляционировать*, *макетировать*. «На рубеже XX–XXI вв. число глагольных неологизмов на *-ирова*, зафиксированных Толковым словарем русского языка XX века, составляет около 50 слов... Новые глаголы с частью *-изирова* немногочисленны и мотивируются производящими существительными на *-ия* иноязычного происхождения: *коммерциализировать*, *легализировать*» [Дмитриева 2019: 47–48].

Глагольные отыменные инновации нередко мотивируются прецедентными именами. Так, от антропонима *Трамп* были образованы глаголы *трампануть*, *трампировать*, *трамповать*, *трампить*. Этот ряд дополняется префиксальными производными *оттрампить*, *потрампить*, *утрамповать*, в результате возникают словообразовательная парадигма и словообразовательные цепочки с исходным словом-антропонимом. «Графическому и словообразовательному усвоению способствует фонетический облик производящей основы – фамилия *Трамп* фонетически выразительна и лаконична. Кроме того, лексема своим фонетическим обликом созвучна с узуальными словами в русском языке» [Вепрева 2018: 18]. В интернет-коммуникации получил достаточно широкое распространение глагол *ванговать*, мотивированный именем болгарской прорицательницы Ванги. Он имеет значение ‘предсказывать, предполагать что-либо’. Этот глагол преимущественно употребляется в форме 1-го лица единственного числа, причем чаще иронически; см., например: *Вангую, что пройдет совсем немного времени...* (Г. Гудков. Эхо Москвы, 21 мая 2021). Отмечаются и другие отантропонимические производные: *мазепить*, *собянить*, *церетелить* и др.

Суффиксальные производные глаголы, которые находятся на первой ступени деривации и мотивируются заимствованиями, служат важнейшим средством словообразовательной адаптации. Наряду с относительными прилагательными, они фиксируют первый этап освоения заимствования, прежде всего англицизмов, например: *гламур – гламурить*, *лайк – лайкать*, *лайкнуть*, *селфи – селфить*.

Суффиксальные глаголы, в свою очередь, служат производящей базой для многочисленных новых приставочных глаголов, реализующих различные модификационные значения: *гуглить → погуглить, прогуглить, нагуглить; постить → запостить, репостить, перепостить*.

Активность при префиксальном способе словообразования проявляют различные приставки. По наблюдениям П. Н. Магомедгаджиевой, в современной русской речи наиболее активны префиксы с семантикой начала и конца действия или его результата, а также префиксы *о-*, *от-*, *по-*, *за-* [Магомедгаджиева 2013]. Ср., например: *запрогрессировать*, *законфликтовать*, *отзнакомиться*, *отулыбаться*, *отмитинговать*, *полайкать*.

Отметим также продуктивность префикса *раз-*: *разбанить*, *расфрендить*, *расшарфить*, *разлогиниться* и др.

Особого внимания требует глагол *развидеть*, представляющий собой кальку английского *unsee*. Новообразование характеризуется необычным сочетанием префикса *раз-* со значением отрицания и глагола зрительного восприятия. Этот глагол активно употребляется в современной речи, прежде всего в интернет-общении, и выступает в значении ‘желать забыть что-либо, отменить неприятное впечатление, произведенное чем-либо на субъекта речи’.

Стремление системы языка к сокращению числа двувидовых глаголов в русском

языке также приводит к появлению глагольных новообразований совершенного вида: *архивировать – заархивировать*, *индексировать – проиндексировать*, *кодировать – закодировать* и др.

В современной русской речи заметно возрастает число возвратных глаголов-неологизмов, образованных как чистым постфиксальным способом, так и комплексными способами с участием постфиксального форманта. По данным Ю. С. Ридецкой, из более 400 глаголов-неологизмов, появившихся в период 2010-х гг. и отобранных лексикографами группы словарей новых слов, 75 единиц – глаголы с постфиксом *-ся* [Ридецкая 2021: 672], однако обращение к другим текстовым базам и Интернету позволяет сделать вывод о значительно большем их количестве; см., например, такие распространенные в разговорной речи глаголы, как *каршериться*, *загуглиться* (*загугливаться*). В 2020–2021 гг. активизировались глаголы *зумиться*, *карантиниться* (невозвратный глагол *карантинить* был зафиксирован еще в конце 50-х гг. XX в.), *ковидиться*, при этом у глагола *карантиниться* развивается не только собственно-возвратное, но и взаимно-возвратное значение; ср.: *карантиниться с друзьями*, *с репетиторами*. У глагола же *ковидиться*, кроме взаимно-возвратного значения, отмечается значение ‘переносить инфекцию Covid-19’, например: *Уже десятый день ковидюсь*. Новые возвратные глаголы активно участвуют во внутриглагольном словопроизводстве, образуя коррелятивные пары с невозвратными и пополняя состав словообразовательных цепочек и парадигм; ср.: *адресовать – адресоваться*; *загуглить – загуглиться – загугливаться*.

При помощи новых возвратных глаголов выражаются различные аспекты субъектно-объектных значений, в современной речи они наиболее часто реализуют взаимно-возвратное значение; см., например, потенциальные глаголы, образованные от заимствованных основ: *воцапиться*, *зумиться*, *скайпиться*, *фейсбучиться*, *чатиться*. В результате намечается тенденция к расширению в языке группы взаимно-возвратных глаголов.

Из комплексных способов образования возвратных глаголов в современной русской речи наиболее распространен суффиксально-постфиксальный способ, например: *клубиться*, *логиниться*, *макияжиться*, *модерироваться*, *стационироваться*, *чекиниться*, *чатиться*.

Новые возвратные глаголы, в свою очередь, служат производящей базой для многочисленных приставочных образований, например: *логиниться – залогиниться – перелогиниться*.

Сложение сравнительно редко использовалось в сфере образования глаголов. Из трех словообразовательных типов, для которых характерно чистое сложение, с аффиксоидами *само-*, *полу-*, *взаимо-* продуктивность в течение длительного времени проявляли только образования с префиксоидом *само-*. Этот же словообразовательный тип сохраняет высокую степень активности и в современной русской речи: *самоизолироваться*, *самопиариться*, *самооклеиваться*, *саморазвлекаться*, *саморекламироваться*, *самопродлеваться*, *самоустраниться*.

Большинство глаголов с префиксоидом *само-* – рефлексивы, встречаются только единичные невозвратные глаголы с этим компонентом, например *самолайкать*. Возвратные глаголы с аффиксоидом *само-* характеризуются семантической избыточностью: в них дважды акцентируются действия самого субъекта, при этом компонент *сам-* указывает на степень самостоятельности.

Глаголы с префиксоидом *взаимо-* традиционно считались принадлежностью книжной речи и относились к непродуктивным в современном русском языке образованиям. В толковых словарях представлен только один глагол – *взаимодействовать*. Однако в современной речи, прежде всего в интернет-общении, встречается ряд образований с этим компонентом: *взаимолайкать*, *взаимооценивать*, *взаимообучаться*, *взаимопостить*, *взаимоуничтожиться*, *взаимоустранять*.

Глаголы с префиксоидом *взаимо-* дополняют реализующие то же значение взаимно-возвратные глаголы, таким образом, в современной речи расширяется состав средств, выражающих значение взаимности.

Глаголы же с префиксоидом *полу-*, реализующие значение относительной неполноты признака, пополняются слабо, отмечены лишь немногочисленные новообразования: *полувыздороветь*, *полузаболеть*.

В языке СМИ и разговорной речи встречаются отдельные глаголы, образованные сращением в сочетании с суффиксацией, например глаголы *хатаскайничать*, *крымнашить*, однако такие примеры единичны.

Глагольные инновации широко распространены в современной художественной речи. Обратимся в качестве примера к произведениям прозаика Евгении Некрасовой, творчество которой привлекает внимание и литературных критиков, и читателей. По нашим подсчетам, в текстах Некрасовой используется 25 глагольных новообразований, которые носят индивидуально-авторский характер. Среди них – глаголы, отражающие уже отмеченные тенденции словопроизводства единиц этой части речи:

Лужев *дизайнерил* в табачной компании («Поля»);

[Она] *полусменила* пол («Молодильные яблоки»);

Ольга *документооборачиваться* не любила и не хотела (Там же).

Наряду с потенциальными словами, в произведениях Е. Некрасовой встречаются и глаголы-окказионализмы: *Водопаднул* слив (однократный глагол со сравнительно-уподобительным значением мотивируется именем существительным); [Он] *впроголодил* (глагол мотивируется наречием *впроголодь* и предполагает свертывание фразеологизма *жить впроголодь*); *Минутно-слабничал* Лунев (глагол образуется на базе словосочетания, при этом сложение взаимодействует с суффиксацией).

Разнообразие глагольных новообразований в произведениях Е. Некрасовой свидетельствует об активности деривационных процессов в сфере этой части речи и тенденции к созданию экспрессивных и образных глагольных единиц.

Для современной поэтической речи характерно разнообразие новообразований, в том числе использование глагольных единиц, отображающих обратимость субъектно-объектных отношений. Это депостфиксация возвратных глаголов и, напротив, замена невозвратных глаголов возвратными: *исчезаешься*, *заснусь*, *умираешься*, *дожду* и др. Ср., например:

Как хорошо под потолком
Летится с дикими гусями,
Летится с добрым барсуком.
(Н. Звягинцев);

Кто этот сон *приснил*
как ты, бедняга, в него попал?
(В. Черешня);

Вот не думала, что доживу, *дожду*
До подгнивших слив.
(Е. Шварц).

«Инновации создаются и в случае, когда к возвратным глаголам присоединяются аффиксы, меняющие семантику исходного глагола на противоположную, при этом актантная структура сохраняется» [Фатеева 2021: 57], например: *...случайная музыка не успела с умышленным словом разминуться,* ***развстретиться*** (М. Амелин). Префикс *раз-* в этом примере в сочетании с возвратным глаголом *встретиться* снимает значение соединения и, соответственно, ослабляет взаимность, актуализируя семантику разобщения. Таким образом, тенденция к активизации возвратных глаголов и расширению числа взаимно-возвратных лексических единиц находит отражение и в современной поэтической речи.

Выводы. Словообразовательная глагольная подсистема, несмотря на то что она, по сравнению с именными подсистемами, в меньшей степени подвержена неологизации, активно развивается, что отражается в постепенном росте числа глаголов-неологизмов. Наибольшую продуктивность при их образовании традиционно проявляют суффиксация и префиксация, а также способы словопроизводства, в которых участвует формант *-ся*. Новые глаголы используются в различных тематических сферах, отражая динамику современной общественной жизни. Ведущими тенденциями в сфере глагольного словопроизводства в настоящее время являются активизация образований на базе заимствований и формирование новых словообразовательных моделей, рост числа отыменных производных глаголов, интенсивное образование возвратных глаголов, прежде всего автокаузативов и взаимно-возвратных, «оживление» словообразовательных типов глаголов, образованных сложением.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буцева Т. Н., Зеленин А. В.* Глаголы как объект описания аспектных неологических словарей // Активные процессы в современном русском языке. Национальное и

интернациональное. М.: Флинта, 2021. С. 125–138.

2. *Вепрева И. Д.* Новообразования в политической сфере как способ социальной оценки понятия // Вторые Григорьевские чтения. Неология как проблема лингвистической поэтики: тезисы докладов международной научной конференции, Москва, 14–16 марта 2018 г. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2018. С. 16–19.

3. *Дмитриева О. И.* Динамические тенденции неологизации русской глагольной лексики // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации: сб. статей конференции / под ред. Л. В. Рацибурской [и др.], Нижний-Новгород, 12–13 марта 2019 г. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2019. С. 46–52.

4. *Котелова Н. З.* Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография. М.: Русский язык, 1988. С. 46–63.

5. *Магомедгаджиева П. Н.* Глагольные неологизмы в лексике русского языка конца XX столетия // Вестник Дагестанского научного центра. 2013. № 51. С. 147–149.

6. *Ридецкая Ю. С.* Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке 2010–2020-х годов // Активные процессы в современном русском языке. Национальное и интернациональное. М.: Флинта, 2021. С. 670–680.

7. *Улуханов И. С.* Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 1: Глаголы, мотивированные именами и междометиями. М.: Азбуковник, 2015. 329 с.

REFERENCES

1. *Butseva T. N., Zelenin A. V.* Verbs as the object of description in aspect neological dictionaries / L. V. Ratsiburskaya (ed.). *Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke. Nacional'noe i internacional'noe = Active processes in modern Russian. National and international.* Moscow: Flinta publ., 2021. P. 125–138. (In Russ.).

2. *Vepreva I. D.* New formations in the political sphere as a way of social evaluation of the concept. *Vtorye Grigor'evskie chteniya. Neologiya kak problema lingvisticheskoi poetiki: tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii = Second Grigoriev Readings. Neology as a problem of linguistic poetics: Abstracts of the International Scientific Conference*, Moscow, 14–16 March 2018. Moscow: Azbukovnik, 2018. P. 16–19. (In Russ.).

3. *Dmitrieva O. I.* Dynamic tendencies of neologization of the Russian verbal vocabulary / L. V. Ratsiburskaya, E. A. Zhdanova, E. V. Shchenikova, S. G. Busareva (eds.) *Nacional'nye kody v yazyke i literature. Sovremennye yazyki v novyh usloviyah kommunikatsii: sb. statei konferentsii = National codes in language and literature. Modern languages in new conditions of communication: conference articles*, Nizhny Novgorod, 12–13 March 2019. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University. N. I. Lobachevsky Publ., 2019. P. 46–52. (In Russ.).

4. *Kotelova N. Z.* Theoretical aspects of the lexicographic description of neologisms. *Sovetskaya leksikografiya = Soviet lexicography*. Moscow: Russian language, 1988. P. 46–63. (In Russ.).

5. *Magomedgadzhieva P. N.* Verbal neologisms in the Russian vocabulary of the end of the XX century. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra = Herald of Dagestan scientific center.* 2013. No. 51. P. 147–149. (In Russ.).

6. *Ridetskaya Yu. S.* Reflective verbs-neologisms in the Russian language of 2010–2020. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke. Nacional'noe i internacional'noe = Active processes in the modern Russian language: national and international: collection of scientific articles*, Nizhny Novgorod, 30 October 2020. Nizhny Novgorod: Flinta publ., 2021. P. 670–680. (In Russ.).

7. *Ulukhanov I. S.* Verb word formation of the modern Russian language. Vol. 1: Verbs motivated by names and interjections. Moscow: Azbukovnik publ., 2015. 329 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталия Анатольевна Николина, *кандидат филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет*

Natalia A. Nikolina, *Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University*

Статья поступила в редакцию 12.05.2021; одобрена после рецензирования 25.06.2021; принята к публикации 29.06.2021.

The article was submitted 12.05.2021; approved after reviewing 25.06.2021; accepted for publication 29.06.2021.

В МИРЕ СЛОВ

IN THE WORLD OF WORDS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ **УДК 81'373.211.811.161.1**
DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-86-90

Этимология и орфография топонимов с основой *Гуляй-*

Андрей Васильевич Барандеев
Московское городское отделение, Русское географическое общество, г. Москва, Россия, abarandeev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3707-927X

Аннотация. В статье на основании анализа памятников письменности русского языка и различных лексикографических источников рассмотрена проблема происхождения топонимов с первой основой *Гуляй-*. Показана специфика реализации семантического объема глагольной лексемы *гуляй-* в топонимии. Выявлены причины перенесения южнорусских топонимов с основой *Гуляй-* в другие регионы. Даны рекомендации, направленные на выбор обоснованного написания топонимов данного типа и соотносимых с ними нарицательных обозначений.

Ключевые слова: лексико-синтаксический тип, императив, ономастикон, топоним, топонимия, этимология, праславянская форма, итератив, дуратив, лексема, лексикализация, словообразовательная модель, аналогия, орфография

Для цитирования: *Барандеев А. В.* Этимология и орфография топонимов с основой *Гуляй-* // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 86–90. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-86-90.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The etymology and spelling of the toponyms with the *Gulyay-* stem

Andrey V. Barandeev
Moscow City Branch, Russian Geographical Society, Moscow, Russia,abarandeev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3707-927X

Abstract. The study focuses on the issue of the origin of toponyms with the *Gulyay-* stem. The research was performed analysing ancient Russian written manuscripts and various lexicographic sources. The paper highlights the specific nature of the realization of the semantic volume of the verbal lexeme *gulyay-*. The reasons for spreading of South Russian toponyms with the *Gulyay-* stem to other regions of the country are identified. The author formulates recommendations aimed at choosing a well-grounded spelling of this type of toponyms and common names associated with them.

Keywords: lexical-syntactic type, imperative mood, onimasticon, toponym, toponymy, etymology, Old Slavic form, iterative aspect, durative aspect, lexeme, lexicalization, word-building pattern, analogy, spelling

For citation: *Barandeev A.* V. The etymology and spelling of the toponyms with the *Gulyay-* stem. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2021. Vol. 82, No 5. P. 86–90. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-86-90. (In Russ.).

Введение. Сращение нарицательных имен существительных представлено в современном русском языке несколькими подтипами. Среди них особого внимания заслуживает непродуктивный подтип, отражающий образование существительных путем соединения двух основ, первая из которых имеет форму императива. Стилистически такие существительные квалифицируются как разговорные или просторечные. Например:

спаси́бо < *спаси бог*; *сорвиголова́* ‘отчаянный человек, озорник’; *держимо́рда* ‘тупой исполнитель грубой власти’; *скопидо́м* ‘бережливый до скупости человек’. Ср. также разговорные фразеологизмы *пиши пропало*, *знай наших*, *поминай как звали*, *вынь да положь* и т. п.

© Барандеев А. В., 2021

Аналогично образованы некоторые народные названия растений, имеющие в ряде случаев латинские соответствия в ботанической терминологии. Например:

перекатипóле ‘разные травянистые растения, которые после отмирания оставляют сухие образования, катающиеся по ветру в виде шаров и рассеивающие семена’; *нетроньменя'* (лат. *Impátiens nóli-tángere*) ‘недотрога обыкновенная’.

Русское название последнего растения отражает свойство созревших плодов раскрываться после прикосновения к ним.

Весьма примечательно, что данная словообразовательная модель представлена в украинском ономастиконе немногочисленной компактной группой фамилий-прозвищ, экспрессивно характеризующих человека по его поведенческим действиям. Например:

Гуляйви́тер, *Крутиголова́*, *Лупибере́за*, *Нагнибеда́*, *Подопригора́*, *Убийво́вк*, *Перебе́йнос*, *Незовиба́тько*, *Непийвода́* и т. п.

Вполне естественно, что «говорящие» фамилии такого типа были хорошо знакомы писателям, родившимся или проживавшим на Украине, а также в южнорусских областях. Необычное сочетание двух элементов в фамилиях или именах нередко создавало комический эффект, поэтому они использовались как яркое средство художественной выразительности. Например:

Держимо́рда, *Петр Савельев Неуважайкоры́то* (Н. Гоголь); *Дробиску́лов*, *Укусикаланче́вский* (А. Чехов); *Мойдоды́р*, *Тянитолка́й* (К. Чуковский).

По-видимому, данная модель образования фамилий-прозвищ отражает универсальные способности человеческого мышления называть человека или сказочный персонаж по характерным для них действиям, признакам, качествам, свойствам. На это обратил внимание известный славист Б. О. Унбегаун, утверждавший, что фамилия *Шекспир* (англ. *Shakespeare*) этимологизируется как ‘трясти копьем’ [Унбегаун 1989: 135, 223].

Поскольку данный способ образования нарицательных и собственных имен существительных в целом непродуктивен в современном русском литературном языке, он может оказаться привлекательным для номинации некоторых новых объектов. Примером такой номинации может служить название сети книжных магазинов «*Читайгород*».

Анализ. Изучение современной топонимии восточнославянских и невосточнославянских регионов свидетельствует о наличии в ее составе небольшой группы названий населенных пунктов с первой основой *Гуляй-*, представленной в форме императива (всего 13 топонимов):

город и три села *Гуляйполе* (Украина); два села *Гуляйгородок* (Украина); поселок *Гуляйполе* (Воронежская обл.); деревня *Гуляйгора* (Наро-Фоминский гор. округ); хутор *Гуляйборисовка* (Ростовская обл.) и т. п.

Совершенно очевидна связь этой основы с глаголом *гулять* (*гуляти*), который в древнерусском языке был представлен комплексом значений, отражавших действие субъекта в пространстве: 1. ‘гулять, прохаживаться’; 2. ‘водиться, пастись’ (о диких животных); 3. ‘уходить на промысел, на охоту’; 4. ‘быть в отлучке; бродяжничать, скитаться’; 5. ‘проводить время в праздности, бездельничать’[1]. Такое употребление глагола *гулять* известно в памятниках русской письменности с XVI в.

Употребление слова *гуляй* в значении, отражающем «поведение» объекта в пространстве, – ‘подвижное сборное боевое сооружение из деревянных щитов’ – прослеживается в памятниках письменности русского языка сравнительно поздно, с XVI–XVII вв. Например:

Ополчение бѣ на мѣстѣ нѣкоемъ, близъ внѣшнихъ забралъ самого великого града, обонполъ соименныя ему рѣки, по простой рѣчи глаголемый – обозъ, древнимъ же званиемъ – гуляй. Его же существо зримо, яко градъ, бяше, подобою древоестественъ, тончайшими дцками содѣланъ, щитоподобно имѣ сограждение градозабралнымъ устроениемъ[2].

Слова *градецъ*, *городъ* и *городокъ* как вторая основа названия боевого сооружения известны в древнерусском языке не только в значении ‘населенный пункт’, но и в значениях ‘укрепление’, ‘крепость’.

[1] Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып. 4: Г–Д. С. 157 (СлРЯ XI–XVII вв.).

[2] Там же. С. 156.

Детальное развернутое описание *гуляй-города* содержится в книге английского дипломата Дж. Флетчера «О государстве Русском...», впервые изданной в Лондоне в 1591 г. под названием «Of the Russe Common Wealth...». Процитируем фрагмент из нее:

Въ войнѣ оборонительной, или въ случаѣ сильнаго нападенія *Татаръ* на *Русскую* границу, войско сажаютъ въ *походную* или *подвижную крѣпость* (называемую *Вежа* или *Гуляй-городъ*), которая возится при немъ подъ начальствомъ Воеводы *Гулевого* (или *разъѣзднаго генерала*)... [Флетчер 2019: 69–70].

В Большом академическом словаре интересующая нас лексема представлена в форме *гуляй-город* с исчерпывающим толкованием и ссылкой на фиксацию лексемы в словарях XIX–XX вв.:

В Русском государстве XVI–XVII вв. – подвижное сооружение из деревянных щитов с бойницами, на колесах или на полозьях, применявшееся при осаде крепостей и в полевых укреплениях[3].

Весьма примечательно, что в памятниках русской письменности слово *Гуляй* известно также в функции личного имени и как основа фамилии:

Гуляй Золотарев, дворцовый дьяк, 1612 г.; Тимофей Гуляев, посадский человек, 1626 г., Вязьма [Веселовский 1974: 91, 124].

Диалектологическая информация об интересующих нас лексемах специфично избирательна. Так, В. И. Даль в обширной словарной статье, посвященной глаголу *гулять*, указал на два случая употребления формы *гуляй-* в составе лексикализованных образований и в качестве первой основы названия боевого сооружения:

Гуля́й-день, *гуляй-пора*, праздное, либо праздничное время; ***Гуляй-городок*** стар. подвижная, на колесах вежа, башня, для подступа под город[4].

Исторический словарь диалектной лексики Сибири констатирует употребление слова *городки* в памятнике письменности 1629 г. в значении ‘временное укрепление’:

На всяком наслеге [ночлеге, ночевке. – *А.* Б.]... *ставил городки дощаные и засеки крепкие засекал, чтоб на меня, холопа твоего, канские люди безвестно не нашли и никоторого дурна не учинили*[5].

Современный сводный словарь русских народных говоров показывает употребление лексемы *поле* в 15 значениях и в составе фразеологизированных сочетаний, но, к сожалению, наличие в говорах образований типа *гуляйполе*, *гуляйгород* не отмечено[6].

Глагол *гулять* квалифицировался известным славистом М. Р. Фасмером как «трудное слово»[7], сопровождаемое в этимологических словарях противоречивыми объяснениями. Однако в полной и убедительной форме глагол *гулять* интерпретирован в академическом этимологическом словаре, в котором указана реконструированная праславянская форма **gul'ati* и представлены соответствия из славянских языков. Например:

макед. диал. *гул'а́е* ‘веселиться, бездельничать’; сербохорв. диал. *гу̀љати* ‘пожирать’; ст.-чеш. *huleti* ‘утопать в наслаждениях’; слвц. *hul'at'* ‘развлекаться, веселиться, кутить’, *gúl'at'* ‘катать, валять’, *gúl'at'sa* ‘валяться’; польск. диал. *gulać* ‘хорошо танцевать’ и др.[8]

Праславянская форма **gul'ati*, реализованная в славянских языках лексемами различного семантического содержания, генетически представляет собой вид глагола, обозначающий многократное или повторяющееся действие (итератив) и одновременно тип глагола, обозначающий протекающее действие без указания на его предел (дуратив). От этой формы с помощью суффикса *-jь* образовано имя деятеля

[3] Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Т. 3. 2-е изд. М.: Русский язык, 1992. С. 386.

[4] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А–З. М.: ГИС, 1955. С. 407.

[5] Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 31.

[6] Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1995. Вып. 29: Покорочеть – Попритчиться. С. 45–46.

[7] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. С. 473–474.

[8] Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1980. Вып. 7. С. 171 (ЭССЯ).

**gul'ajь*, известное в славянских языках в составе лексем, обладающих преимущественно негативной оценочной семантикой. Например:

болг. диал. *гул'ай* м. р. ‘угощение’ ; чеш. и слвц. *hultaj* м. р. ‘негодяй’; русск. простор. *гульта́й* м. р. ‘гуляка’, диал. *гуле́й* м. р. ‘гуляка, гулёна’, *гульта́й* ‘пчелиный самец, трутень’; укр. *гультяй* м. р. ‘гуляка’; блр. *гульта́й* м. р. ‘лентяй’[9].

Рефлексы древних глагольных основ *гуляй-* (*Гуляй-*) в нарицательной и топонимической лексике русского языка, по-видимому, аналогичны, поскольку характеризуют «поведение» (расположение) объекта в пространстве.

Компактный массив топонимов с основой *Гуляй-* локализуется в центральных и восточных областях Украины, что свидетельствует об их исконном появлении на этой части южнорусской территории как обозначений населенных пунктов, расположенных на обширной «гуляющей» полевой территории. Например, военное поселение *Гуляйполе* (совр. город в Запорожской обл.) возникло в XVIII в. после строительства Днепровской оборонительной линии для защиты от Крымского ханства, а в годы Гражданской войны было центром анархистского движения. Село *Гуляйполе* (совр. Нововодолажский р-н Харьковской обл.), известное в XIX в. как центр Гуляйпольской волости, в годы советской власти было переименовано в *Рябухино* в память о погибшем во время Гражданской войны председателе местного совета А. С. Рябухи, однако в 2019 г. селу было возвращено исторически корректное название [Історія міст... 1967: 787].

В названии двух сел *Гуляйгородок* (Смелянский р-н Черкасской обл. и Снегирёвский р-н Николаевской обл.) сохранилась историческая память об уникальном древнем передвижном («гуляющем») оборонительном сооружении.

Примечательно, что данный массив украинских топонимов имеет форму клина, направленного на восток, на Белгородскую и Воронежскую области, и тем самым показывающего направление миграции названий с основой *Гуляй-*. По-видимому, одним из примеров такой миграции служит название поселка *Гуляйполе* (Таловский р-н Воронежской обл.). Другим направлением миграции являлись древние территории современной Ростовской области (хутор *Гуляйборисовка* Зерноградского р-на), современного Казахстана (село *Гуляйполе* Шортандинского р-на Акмолинской обл.), современной Тюменской области (деревня *Гуляйполе* Сладковского р-на), современной Омской области (деревня *Гуляйполе* Крутинского р-на).

Указанные названия, закрепившиеся на новых территориях, следует квалифицировать как перенесенные топонимы. Причины их перенесения различны.

Во-первых, они могут быть связаны с повторной реализацией в названиях редкой словообразовательной модели с древней основой *Гуляй-*, которая со временем становилась экзотически привлекательной для номинации (ср. этимологию перенесенных топонимов с основой *Звени-* типа *Звенигород* [Герцен 2018: 27–73]).

Во-вторых, перенесение топонимов данного типа может быть обусловлено процессами миграции украинского населения, закреплявшего на новых территориях привычные для него названия населенных пунктов. Например, сёла *Гуляйполе* в Казахстане и Алтайском крае.

В-третьих, в структуре топонимов данного типа может быть отражено известное в древнерусском ономастиконе личное имя *Гуляй* как имя первопоселенца или владельца соответствующего населенного пункта. Однако такая этимология нуждается в серьезной доказательной аргументации на основании анализа разнообразных письменных источников. Ср. возможную аналогию: **Братей* > *Братеево*.

В-четвертых, появление новых топонимов с основой *Гуляй-* вместо более древних названий населенных пунктов в отдельных случаях может быть обусловлено действием глобального языкового закона – аналогии. Например, название деревни *Гуляйгора* (Наро-Фоминский гор. округ) впервые упомянуто в письменном источнике 1617 г. в форме *Гуляево* (от имени *Гуляй*?). Поскольку деревня располагалась на высоком берегу р. Исьма, впоследствии к названию могло быть добавлено слово *Гора*. На карте Московской губернии Ф. Ф. Шуберта (1860 г.) топоним представлен уже в форме *Гуляева Гора*. В результате возможной

[9] ЭССЯ. С. 171–172.

аналогии с обозначениями типа *гуляйгород* возникла современная лексикализованная форма этого топонима – *Гуляйгора*.

Выводы. Рассмотренный фактический материал убеждает в том, что при этимологизации топонимов целесообразно обращать внимание на соотносимые с ними нарицательные лексемы, анализ которых способен приблизить исследователя к установлению надежной этимологии.

Следует заметить, что в написании топонимов данного типа и соотносимых с ними нарицательных слов уже давно наблюдается значительный разнобой: *Гуляй Поле – Гуляй-Поле – Гуляйполе*; *гуляй-город – гуляйгород*; *держимóрда*, *перекати-пóле*, *скопидóм*, *сорви-головá*. Такие написания наглядно отражены в академической грамматике [Грамматика русского языка 1960: 275] и в советской и постсоветской энциклопедической литературе[10]. К сожалению, в академическом орфографическом словаре даны противоречивые рекомендации: *гуляй-город*, но *гуляйполе* ‘о смуте, мятеже’; *Гуляйполе* ‘город’[11]. Поскольку данные лексемы отражают предельную степень лексикализации, следует рекомендовать их слитное написание как убедительный показатель цельнооформленности.

[10] См.: Географический энциклопедический словарь. Географические названия. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 125; Большой энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 349; Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/geography/text (дата обращения: 08.02.2021).

[11] Русский орфографический словарь. 5-е изд. М.: АСТ-пресс школа, 2018. С. 160.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.

2. *Герцен А. А.* Историко-географический контекст перенесенных топонимов // Вопросы географии. 2018. № 146. С. 27–73.

3. Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 719 с.

4. Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. Харківська область. Київ: Українська Радянська Енциклопедія, 1967. 1002 с.

5. *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 440 с.

6. *Флетчер Дж.* О государстве Русском, или Образ правления Русского Царя (обыкновенно называемого Царем Московским): с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. 5-е изд. М.: URSS, 2019. 160 с.

REFERENCES

1. *Veselovsky S. B.* Onomasticon. Old Russian names, nicknames and surnames. Moscow: Science, 1974. 382 p. (In Russ.).

2. *Herzen A. A.* Historic-geographical context of transferred toponyms. *Voprosy geografii = Geography issues.* 2018. No. 146. P. 27–73. (In Russ.).

3. Grammar of the Russian language: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Academic Sciences of the USSR Pub., 1960. 719 p. (In Russ.).

4. History of cities and villages of the Ukrainian SSR: in 26 vol. Kharkiv region (Kiev): Ukrainian Soviet Encyclopedia, 1967. 1002 p. (In Ukr.).

5. *Unbegaun B. O.* Russian surnames. Moscow: Progress, 1989. 440 p. (In Russ.).

6. *Fletcher Dzh.* On the Russian State, or the Way of Government of the Russian Tsar (usually called the Tsar of Moscow): with a description of the manners and customs of the inhabitants of this country. 5 ed. Moscow: URSS, 2019. 160 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрей Васильевич Барандеев, *кандидат филологических наук, преподаватель вуза, председатель Топонимической комиссии, Московское городское отделение, Русское географическое общество*

Andrey V. Barandeev, *Cand. of Sci. (Philol.), University Lecturer, Chairman of the Toponymic commission, Moscow City Branch, Russian Geographical Society*

Статья поступила в редакцию 15.02.2021; одобрена после рецензирования 01.03.2021; принята к публикации 05.05.2021.

The article was submitted 15.02.2021; approved after reviewing 01.03.2021; accepted for publication 05.05.2021.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

LINGUISTIC HERITAGE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ **УДК 811.161.1**
DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-91-98

«Самая жизнь знакомила, дружила меня всесторонне с языком…» (к 220-летию со дня рождения В. И. Даля)

Марина Николаевна Приемышева
Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия, mn.priemysheva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9423-3486

Аннотация. В статье, посвященной 220-летию со дня рождения В. И. Даля, представлен краткий обзор его творческой, профессиональной деятельности в контексте создания «Толкового словаря живого великорусского языка», а на примере небольшой научной дискуссии конца XIX в. более детально освещается вопрос о роли этого Словаря в истории развития академической толковой лексикографии. Целью исследования было как обобщение известных фактов о В. И. Дале и его Словаре, так и обращение к менее известным источникам. В. И. Даль в истории русской культуры оставил заметный след в каждой из областей, с которыми был творчески или профессионально связан: он был и морским офицером, и врачом, и писателем, и чиновником Министерства внутренних дел. Весь профессиональный и творческий опыт В. И. Даля, а также глубокое знание народной жизни отразились на структуре, форме и содержании Словаря и сделали последний мерилом и образцом русской лексикографии. Последний тезис раскрывается на примере критической «Записки» И. Х. Пахмана (1899) о начале работы над «шахматовской редакцией» академического «Словаря русского языка». В данной «Записке» даются и некоторые оценки далевскому изданию с точки зрения его использования в практике школьного обучения. Словарь В. И. Даля, несмотря на выявленные современниками недостатки, невольно был точкой отсчета и эталоном при обсуждении дискуссионных вопросов создания нового академического проекта и именно в этом качестве оказал влияние на дальнейшее развитие толковой академической лексикографии.

Ключевые слова: история отечественного языкознания, история толковой лексикографии русского языка, академическая лексикография, В. И. Даль

Для цитирования: *Приемышева М. Н.* «Самая жизнь знакомила, дружила меня всесторонне с языком…» (к 220-летию со дня рождения В. И. Даля) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 5. С. 91–98. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-91-98.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

"Life itself acquainted me with and made me become an intimate friend of language…"

(to the V. I. Dal's 220th anniversary of the birth)

Marina N. Priemysheva
Institute of Linguistic Research, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia, mn.priemysheva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9423-3486

Abstract. This paper devoted to V. I. Dal's 220th birthday anniversary presents a short review of his creative, professional activity in the context of compiling "The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language". Being exemplified by a brief scientific discussion which dates back to the end of the XIXth century, the role of this Dictionary in the history of the academic explanatory lexicography development is highlighted in greater detail. The aim of the

© Приемышева М. Н., 2021

study was to generalise the well-known facts about V. I. Dal and his Dictionary as well as to refer to lesser-known sources. V. I. Dal contributed significantly to each of the spheres in which he was creatively or professionally involved: he was a naval officer, a doctor, a writer, and a civil servant of the Ministry of Internal Affairs. All Dal's professional and creative experience as well as his in-depth knowledge of folklife had an impact on the structure, form, and content of the Dictionary: they made it the yardstick and exemplar of Russian lexicography. This thesis is expounded in the course of studying I. Kh. Pachmann's critical "Memorandum" (1899) concerning the commencement of the work on the "Shakhmatov's revision" of the academic "Dictionary of the Russian Language". Additionally, this "Memorandum" provides certain evaluation of Dal's edition from the perspective of its educational potential that could be exploited in school education. Despite the drawbacks revealed by his contemporaries, V. I. Dal's dictionary inadvertently became the yardstick and exemplar in the discussion of the moot issues arising during the initiation of the new academic project. It is this dictionary that influenced the further development of explanatory academic lexicography.

Keywords: history of Russian linguistics, history of explanatory Russian lexicography, academic lexicography, V. I. Dal

For citation: *Priemysheva M. N.* "Life itself acquainted me with and made me become an intimate friend of language..." (to the V. I. Dal's 220th anniversary of the birth) // *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2021. Vol. 82, No. 5. P. 91–98. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-91-98. (In Russ.).

I

Имя Владимира Ивановича Даля относится к числу самых популярных и широко известных имен деятелей российской науки и культуры, без которых немыслимо представить историю медицины, естествознания, фольклора, этнографии, литературы и, безусловно, – филологии и языкознания России. И хотя о В. И. Дале сказано, написано очень много, в честь его юбилея нельзя не сказать еще несколько слов о нем, о его великом наследии, о той роли, которую он, его труды и особенно его «Толковый словарь живого великорусского языка» сыграли в истории отечественной науки, в том числе и в истории отечественного языкознания.

Уникальными отличительными чертами будущего автора самого известного словаря русского языка были его творческая одаренность, оригинальность ума, постоянный творческий поиск, увлеченность всем, что он делал, невероятная инициативность во всех начинаниях, что позволяет характеризовать В. И. Даля как российского Леонардо да Винчи.

Из его широко известной биографии мы знаем о том, что он был морским офицером (1817–1825) и, закончив медицинский факультет Дерптского университета, служил военным врачом (1829–1833). Будучи другом А. С. Пушкина, он как врач находился в последние часы жизни поэта рядом с ним. С 1833 г. В. И. Даль работал при Министерстве внутренних дел, став с 1841 г. чиновником по особым поручениям. Все годы при этом В. И. Даль увлекался литературным творчеством (публиковал стихи, повести, сказки, собрание русских пословиц и поговорок), тесно общался, помимо А. С. Пушкина, с Н. В. Гоголем, Н. И. Гречем, В. А. Жуковским, А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским, П. И. Мельниковым-Печерским и мн. др. Интересовался естествознанием. Был одним из учредителей Русского географического общества. С 1849 г. служил управляющим Нижегородской удельной конторы и именно с этой должности вышел в отставку в 1859 г., после чего все свое свободное время посвятил обработке собранных языковых материалов и системной работе над своим главным увлечением жизни – «Толковым словарем живого великорусского языка».

Каждая из сторон жизни, профессиональной деятельности В. И. Даля обязательно оставляла заметные, значимые следы в истории русской культуры, литературы, общественной жизни, военной и государственной деятельности и, как следствие, в его Словаре. Так, Я. К. Грот в своих воспоминаниях о Дале писал:

> Имя Даля, как и псевдоним его Казак Луганский, было у нас, начиная с 30-х годов, одним из самых популярных. С самого появления в литературе известность его быстро распространилась, благодаря между прочим неожиданному запрещению, которому подверглись изданные им в 1832 году сказки [Грот 1875: 2].

Ранние стихи Даля, его сказки и были, бытовые повести, колоритно отражающие повседневную жизнь и духовный опыт русского народа, органично вписались в традиции натуральной школы русской литературы 30–40-х гг. XIX в.

Как медик, он интересовался таким малоизвестным в XIX в. методом, как гомеопатия, и применял его в своей медицинской практике. Работая чиновником при Министерстве внутренних дел, ходатайствовал об открытии при ряде столичных больниц гомеопатических отделений, а будучи управляющим Нижегородской удельной конторы, открыл гомеопатическое отделение при городской больнице. Его очерк «Об омеопатии» [Даль 1838], рассказывающий о практической пользе гомеопатии, был опубликован в 1838 г. и стал, по словам Я. К. Грота, одной из первых публикаций в России «по этому предмету».

Уникальным эпизодом в жизни будущего автора Словаря, ярко характеризующим личностные и творческие качества В. И. Даля, стало его участие в проектировании моста-переправы через Вислу в период польской кампании в 1831 г. Приведем краткий фрагмент об этом из «Свидетельства» командующего переправой – генерала Ридигера:

Для устройства переправы не было при Корпусе ни инженерных офицеров, ни команды мастеровых, ни запаса материалов – и даже все суда и лодки, кои находились по течению Вислы и могли служить для сообщения, были истреблены; а обстоятельства требовали совершить переправу с возможною поспешностию, дабы извлечь из предприятия ожидаемую пользу. При таковом положении дел, зная особенную ревность к службе и способности Доктора Медицины Даля, служившего во флоте лейтенантом и находившегося с 1829 года под моим начальством при войсках Медиком, я поручил 1-го июля ему, совместно с штабс-капитаном генерального штаба Семякиным, составить проект моста, и, пока будут собраны материалы, обучить набранных из полков людей мастеровым работам. Доктор Даль, приискав около с. Ванвольницы небольшое озеро, построил на оном, в течение семи дней, 12 больших и две малые лодки и паром на бочках, необходимые для первого десанта и для употребления при наведении моста; обучил гребцов и показал способы закидывать якори и вязать плоты. Когда же нужное количество материалов было собрано и место для постройки моста обозначено... то лодки и паром сухим путем перевезены туда и спущены на Вислу. <...>

Неизлишним считаю еще присовокупить, что мост, построенный доктором Далем на широте Вислы 185 саж.<еней> в течение 25 дней с составления проекта оного, преотличной прочности, так что артиллерия и тяжести без всякого опасения переходили оный в обыкновенном маршевом порядке... [Ридигер 1833: 42–43, 45].

О широте интересов Владимира Ивановича Даля свидетельствует и его увлеченность естествознанием. Важная роль В. И. Даля в учреждении Русского географического общества бесспорна. Не менее показательно и то, что он стал автором учебного пособия для военно-учебных заведений «Ботаника» (СПб., 1848), востребованность которого подтверждает переиздание пособия в 1851 г.

С 1841 по 1849 г. В. И. Даль служил чиновником при Министерстве внутренних дел и продолжал до 1859 г. выполнять особые поручения по данному ведомству. Казалось бы, официальная государственная служба должна была мешать его увлечениям. Однако можно утверждать, что именно в эти годы В. И. Далем собрано не только самое большое количество примеров для Словаря, но и ценные материалы, связанные с языком офеней, бродячих торговцев, ремесленников, нищих, религиозных сект – хлыстов и скопцов, а также петербургских воров – мазуриков. Следует подчеркнуть, что собирание сведений о тайных языках сектантов и офеней было правительственным поручением, данным нескольким чиновникам специально созданной комиссии по счислению раскольников, в которую, помимо В. И. Даля, вошли И. П. Липранди, Н. И. Надеждин, П. И. Мельников, И. С. Синицын, И. С. Аксаков и некот. др., однако по-настоящему довел дело до конца, создав соответствующие словари, подготовив обширные по объему отчеты и записки, только В. И. Даль, а материалы, им и его коллегами собранные в процессе работы комиссии и сохранившиеся в том числе и в архивах В. И. Даля, стали уникальными источниками изучения русского тайноречия. В. Д. Бондалетов в монографии «В. И. Даль и тайные языки России» подробно осветил историю их создания (1854–1855) и впервые опубликовал их данные [Бондалетов 2005].

Прожив такую насыщенную профессиональную жизнь, реализуя свои таланты, знания, умения в совершенно различных

областях, В. И. Даль, выйдя в отставку, полностью отдался своему главному увлечению – работе над «Толковым словарем живого великорусского языка».

И если все ипостаси творческой и профессиональной жизни В. И. Даля как бы сменяли одна другую, как бы следовали друг за другом, то собирательство редких и неизвестных слов интересовало Даля с молодых лет.

Словарем занимался бессознательно, изучая язык, с 1819 года, когда на пути записывал слова; в 1829, в Турции, было уже много собрано; там были под рукою люди всех губерний. Горячее желанье мое исполнилось, я всегда мечтал посвятить себя с 60-ти лет одному этому делу <...>. При недостатке книжной учености и познаний, самая жизнь на деле знакомила, дружила меня всесторонне с языком: служба во флоте, врачебная, гражданская, занятия ремесленные, которые я любил, все это вместе обнимало широкое поле, а с 1819 года, когда я на пути в Николаев записал в Новгородской губернии дикое тогда для меня слово *замолаживает* (помню это доныне) и убедился вскоре, что мы русского языка не знаем, я не пропустил дня, чтобы не записать речь, слово, оборот на пополнение своих запасов. Греч и Пушкин горячо поддерживали это направление мое, также Гоголь, Хомяков, Киреевские, Погодин; Жуковский был как бы равнодушнее к этому и боялся мужичества [Грот 1873: 5, 6].

Именно поэтому «Толковый словарь живого великорусского языка» является уникальным лексикографическим творением: в первую очередь он оказался своего рода летописью жизни В. И. Даля, энциклопедией тех сторон действительности, с которыми он сталкивался. А поскольку таких сторон оказалось безмерно много, то Словарь стал одновременно энциклопедией русской культуры, русского быта и русского духовного опыта. Это утверждение не требует доказательств, так как «Толковый словарь живого великорусского языка» вот уже на протяжении более чем 150 лет изучается, исследуется, ему посвящены и фундаментальные труды, и многочисленные небольшие исследования. И как все великие и гениальные творения Словарь оставляет для исследователей возможности для дальнейших открытий.

II

Словарь В. И. Даля уникален по объему и разнообразию лексики. И на данный исторический момент он является самым большим по составу словарем русского языка: Словарь в первом и втором изданиях включает около 200 000 слов, в третьем издании под ред. И. Бодуэна де Куртенэ – 220 000, тогда как «Словарь современного русского литературного языка» (БАС) содержит около 120 000 слов (в новом издании объем предположительно составит 150 000 слов).

Важная особенность Словаря – охват бытовой, ремесленной и религиозной жизни России на всей ее обширной территории.

Словарь включает слова из области материальной культуры, относящиеся к пище, к устройству дома, к браку, свадьбе и свадебным обрядам, к поверьям и суевериям [Канкава 1958: 122–123]. В Словаре самым подробным образом представлены ботанические и зоологические названия, лексика (терминологическая, профессиональная, обиходная) по судостроению и судоходству, по рыболовству, по пчеловодству, по кожевенному производству, по мельничному производству, по шитью и валяльному делу [Там же: 118–119].

Уникальной составляющей Словаря оказывается лексика офенского языка и других условных языков ремесленников-отходников, нищих и торговцев, различные жаргоны (семинаристов, картежников и др.), лексика раскольников различного толка, что по-прежнему делает его непревзойденным источником по изучению различных форм национального языка России XIX в.

Духовно-нравственные ориентиры народной жизни ярко и колоритно представлены через многочисленные пословицы, поговорки, через житейские сентенции и комментарии автора, а также через краткие, емкие, обычно объективные толкования, которые иногда несут на себе отпечаток оценочного суждения автора:

ВЕРА ж. уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных; ‖ верование, отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существе Бога; безусловное признание истин, открытых Богом; ‖

совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, исповедание, закон (Божий, церковный, духовный), религия, церковь, духовное братство. ‖ Уверенность, твердая надежда, упование, ожидание...[1]

ДОБРО ср. ...‖ в духовн. знч. благо, что честно, и полезно, все чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; противоположно *худу* и *злу*. <...> ***Добродетель*** ж. доблесть, всякое похвальное качество души, деятельное стремление к добру, к избежанию зла; отвлеченно: добро, доблесть, противп. *зло*, *лихо*, *худо*, *порок*...[2]

Гнездовое расположение слов, вызвавшее, особенно у профессиональных лингвистов, много вопросов и замечаний, позволяет, однако, подойти к слову не с точки зрения точности и правильности его строения, а в контексте его смыслового, понятийного, звукового, ассоциативного потенциала, в контексте семантической взаимосвязи всех однокоренных образований.

Словарь, как и одна из его вводных частей, представляющая собой дополненный очерк «О наречиях русского языка» (По поводу Опыта областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Императорской Академии наук) (1852), в котором сформулированы важнейшие для развития отечественной территориальной и социальной диалектологии положения, навсегда вписали имя В. И. Даля в историю отечественного языкознания.

Даль впервые не только обобщил и оформил классификацию русских диалектов, дал их системный обзор и основные характеристики, но и впервые в истории науки, рассматривая лексику офеней, воров, тарабарский язык школьников и пр. (раздел – «О языках искусственных»), системно выделил их в самостоятельный лингвистический объект. Это позволило ученым считать В. И. Даля основателем традиции целенаправленного изучения социальных диалектов. С учетом имеющихся данных можно утверждать, что без такой точки отсчета развитие социальной диалектологии в России было бы фактически невозможно или затруднено.

Словарь оказал бесспорное влияние и на развитие отечественной толковой лексикографии, в том числе – лексикографии академической.

III

О «Толковом словаре живого великорусского языка» и его значении в истории отечественной науки и культуры сказано немало. Однако чуть менее освещенным оказывается вопрос определения места и роли этого Словаря в истории развития русской академической лексикографии. Как авторский, самостоятельный, в высшей степени оригинальный, этот Словарь стоит особняком в традиции отечественной лексикографии и теоретически не относится непосредственно к истории развития толковой академической лексикографии. Хотя В. И. Даль и учитывал опыт предшествующих ему крупнейших академических проектов – «Словаря Академии Российской» (1789–1794), «Словаря церковнославянского и русского языка» (1847), «Опыт областного великорусского словаря» (1852) и «Дополнения к Опыту областного великорусского словаря» (1858), – но создал абсолютно самостоятельный, уникальный по типологии, по широте и глубине, по методике лексикографической работы труд. Однако, несмотря на широчайшее признание и высочайшие оценки современников, известно, что профессиональные лингвисты подвергли Словарь серьезной критике (см., напр., [Грот 1899] и мн. др.) за ошибки в этимологии, в гнездовом расположении слов, за «пуризм» в отношении заимствований, за неточности в толкованиях, в пометах, в грамматике и мн.-мн. др.

Однако Словарь В. И. Даля, несмотря на это, безусловно, стал со второй половины XIX в. ориентиром для толковой академической лексикографии.

Исключением, пожалуй, был академический «Словарь русского языка» (1891–1895) под ред. Я. К. Грота. Гротовский словарь не демонстрирует влияния далевского издания по ряду причин. Во-первых, II Отделением Императорской Академии наук Я. К. Гроту было предложено возглавить переиздание академического словаря еще в начале 1860-х гг., и его изыскания

[1] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955. С. 331. Все выдержки из Словаря Даля даются в современной орфографии.

[2] Там же. С. 443–444.

по этому вопросу начались в то время, когда Словарь Даля еще не успел прочно войти в отечественную лексикографическую традицию. Во-вторых, Я. К. Грот как основной официальный рецензент Словаря от Академии наук более других понимал сложности и трудности повторения такого лексикографического опыта.

Однако ситуация изменилась после смерти Я. К. Грота, когда по поручению Отделения работу над академическим толковым словарем возглавил А. А. Шахматов.

Важнейшим наследием далевской традиции, которую подхватил Шахматов, стало принципиальное отсутствие нормативности в толковом словаре:

> Я сравнивал Словарь Даля с изданными выпусками Словаря: и как призванный к продолжению начатого Словаря, я все время завидовал Далю; он при работе над Толковым Словарем имел дело с живым русским человеком и при том не обезличенным; астраханец и вологжанин, пермяк и калужанин – вот кто создавали и продолжают создавать русскую речь, и это так наглядно видно из Словаря Даля; я боюсь, что в будущих выпусках нашего академического Словаря, вместо этих живых лиц, слишком ярко выступит личность редактора, который возьмет на себя неблагодарную, скажу более – крайне тяжкую и вместе ответственную задачу обезличить, обесцветить русский язык и сузить понятое о нем. На такую работу можно согласиться только в том случае, если всюду и везде авторитет живой русской речи может быть заменен авторитетом печатного слова в произведениях наших писателей. Но ведь несомненно, что тогда мы опять встретимся с русским народом, с тем же курянином и пермяком. Зачем же избегать личной с ним встречи и рядом с этим стремиться к знакомству с ним через посредство третьих лиц – наших писателей? [Шахматов 1899: XV].

И этот новый подход к толковой академической лексикографии на долгие десятилетия изменит ее путь. Так, например, диалектный материал наравне с литературным широко вошел в академический «Словарь русского языка» под ред. А. А. Шахматова (1895–1929 гг.), под ред. Н. С. Державина (1929–1937 гг.). При этом «Словарь современного русского литературного языка» (БАС-1), в свою очередь наследуя многие традиции шахматовского издания, несмотря на смену концепции, сохранил и гнездовой принцип расположения материала (в первых четырех томах), и внимание к областному слову, и некоторые особенности метаязыка.

Однако показательно, что в период начала работы над новыми выпусками словаря под редакцией А. А. Шахматова состоялась серьезная научная дискуссия редактора с И. Х. Пахманом, смотрителем казенных училищ, филологом, в прошлом учителем-словесником, серьезным критиком нового издания академического словаря. В этом противостоянии именно Словарь В. И. Даля (а не предшествующие академические проекты) выступил своего рода точкой отсчета, каноном, мерилом, критерием идеального толкового словаря. Не углубляясь в сущность дискуссии, остановимся на ряде суждений И. Х. Пахмана о Словаре Даля, которые по структуре рассуждения представляли собой примеры, неудачной антитезой которым выступал новый академический словарь.

Развивая тезис об адресате толкового академического словаря, И. Х. Пахман ставит под сомнение (с учетом введения новых принципов работы) его широкую востребованность, так как, по его опыту, даже такой замечательный словарь, как Словарь Даля, не всегда пользуется спросом широкой и учебной аудитории:

> Насколько я могу судить по одной гимназии в северо-западном крае, в которой я лет пятнадцать тому назад состоял преподавателем, наша учащаяся молодежь и даже их учащие мало нуждаются в хороших словарях, так как не только ни один ученик этой гимназии, но и многие учителя тогда не знали о существовании словаря Даля, и имевшийся там экземпляр его никогда не вынимался из библиотечного шкафа даже самим учителем словесности. То же самое замечается и в низших учебных заведениях, где о словаре Даля и понятия не имеют, а если в каком-нибудь уездном училище он и обретается, то он в самом шкафу заткан паутиною и покрыт пылью, чему я был свидетелем [Пахман 1899: 2].

Однако основными и очень благодарными пользователями словарей, и особенно Словаря В. И. Даля, являются учителя и школьники национальных школ:

> Для лиц этой категории, для учителей из немцев, поляков, евреев, армян, грузинов [так! – *М. П.*] и т. п., вопрос о хорошем словаре то же самое, что вопрос о хорошем орудии для ремесленника. Вот почему во всех еврейских и

немецких начальных училищах, располагающих какими ни на есть суммами на библиотеку, словарь Даля есть настольная книга, тут же в учительской комнате на всякое востребование приготовленная, служа учителю единственным источником, из которого он всегда черпает необходимые сведения по части образования форм слов и толкования их [Там же: 3].

И. Х. Пахман выступает против алфавитного порядка слова в академическом словаре по целому ряду причин. Например, система многочисленных отсылок в академическом словаре, по мнению автора «Записки», затрудняет и путает читателей не менее, чем поиск слова в Словаре Даля. Также автор привлекает и общефилологический, общекультурный аргумент:

Редакция Словаря, в видах облегчения читателя при отыскании им слов, предпочла порядок размещения слов, называемый Далем голословным, и, низведши этим свой новый Словарь на степень простой справочной книги, лишила его всякого учебного значения. Заурядного читателя, обращающегося к словарю только за разъяснением одного отдельного слова, он, благодаря обилию приводимых в нем примеров, удовлетворять еще может: но настоящий читатель, учитель, для которого словарь есть свод законов изменений слов, им в настоящем его виде довольствоваться не может [Там же: 5–6].

И далее автор продолжает:

Замечу кстати, что этим обстоятельствам [гнездовому расположению слов. – *М. П.*] мы обязаны тою, сравнительно, краткостью, которою Словарь его, при всей его возможной полноте, отличается, – краткостью, дающею возможность обозревать гнезда слов с птичьего полета, легко изучить корни со всеми относящимися к ним производными словами и без особого напряжения выносить из чтения отдельных статей словаря кое-что цельное, законченное, – достоинства, бессомненно, ценные, незаменимые, но отсутствующие в новом Академическом Словаре [Там же: 9].

Гнездовой порядок, по Пахману, позволял наглядно, в отличие от нового издания, видеть диапазон глагольных форм и видов, а также их приставочных образований:

Сопровождая глагольные статьи такими существенными аксессуарами, допуская таким образом образования новых форм, не чуждых духу языка, Даль этим самым как бы косвенно подтверждает – чуть ли не в сотый раз – жизненность языка, его бесконечность, его неисчерпаемость [Там же: 25].

Даже отсутствие нормативного принципа, одним из аргументов в пользу которого для Шахматова выступил Словарь Даля, стало для Пахмана поводом для упрека:

Редакция Словаря задала себе задачею добыть из всей двухвековой письменности и из устного разговора во всех уголках России все факты языка и их зарегистрировать, не подвергнув их никакой оценке, ни же малейшей ошлифовке. Последнее условие кажется мне неудобным во многих отношениях, так как оно может вести к недоразумениям в языке, а именно, может вводить в заблуждение читателя не русской национальности, который многие исковерканные слова, внесенные в Словарь в красную строку без исправления и оговорки, будет принимать за литературные выражения и заимствовать для уснащения своей речи [Там же: 16].

И финальным обобщением автора является следующее:

Редакция сама по себе предполагает законченность языка, достижение им крайнего предела, дальше которого он уже не пойдет! Но ведь это своего рода провозглашение застоя в языке и подведение ему итога! Ведь это, наконец, парадокс! Нет, уж куда плодотворнее и целесообразнее были бы все хлопоты Академии, если бы вместо издания своего нового Словаря она взялась за исправление, дополнение и очистку словаря Даля [Там же: 26].

Приведенный эпизод дискуссии из истории академической лексикографии позволяет ярко и наглядно показать авторитетность Словаря Даля как для профессиональных лингвистов, так и для неподготовленных читателей, для учебной аудитории, в том числе не русскоязычной, его колоссальную роль, которую он играл в учебной, филологической, научной жизни своего времени.

Словарь и сегодня широко используется в текущей работе современных лексикографов как источник по лексикологии и семантике, фразеологии и паремиологии при лексикографическом описании современного русского языка. Он по-прежнему актуален и с точки зрения изучения метаязыка лексикографии: принципы толкования, система помет, ремарок, комментарии,

объем словника и т. п. – все в нем представляет профессиональный интерес.

И самое удивительное для истории русской культуры, и особенно для русской лексикографии, то, что самый большой словарь русского языка создан не ученым, а русским офицером, военным врачом, чиновником, писателем – В. И. Далем. Подготовленный не профессиональным лингвистом, Словарь давно вышел за пределы границ русской филологической науки, перестав быть просто словарем: он стал слепком русской национальной культуры XIX в., и энциклопедией русской жизни, и культурным символом России, и, безусловно, лексикографическим памятником всей жизни такого выдающегося и творческого человека, как Владимир Иванович Даль.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондалетов В. Д.* В. И. Даль и тайные языки России. М.: Флинта: Наука, 2004. 453 с.

2. *Даль В. И.* Об омеопатии: Письмо кн. В. Ф. Одоевскому. СПб., 1838. 30 с.

3. *Грот Я. К.* Воспоминания о В. И. Дале (с извлечением из его писем). СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1873. 23 с.

4. *Грот Я. К.* Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля // Труды Я. К. Грота. Т. II. Филологические разыскания. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ., 1899. С. 1–45.

5. *Канкава М. В.* В. И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958. 356 с.

6. *Ридигер Ф. В.* Свидетельство // Описание моста, наведенного на реке Висле для перехода отряда генерал-лейтенанта Ридегера. СПб.: в тип. Н. Греча, 1833. С. 42–46.

7. *Пахман И. Х.* План Нового академического словаря с точки зрения иноязычного. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899. 39 с.

8. *Шахматов А. А.* Записка <о «Словаре русского языка»> / Извлечения из протоколов // Сборник ОРЯС. Т. 64. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899. С. XII–XVI.

REFERENCES

1. *Bondaletov V. D.* V. I. Dal and the secret languages of Russia. Moscow: Flinta: Science, 2004. 453 p. (In Russ).

2. *Dal V. I.* On homeopathy: a letter to V. F. Odoevsky. Saint-Petersburg: 1838. 30 p. (In Russ).

3. *Grot Ya. K.* Memories of V. I. Dal (with an extract from his letters). Saint-Petersburg: Imperial academy of sciences publ., 1873. 23 p. (In Russ).

4. *Grot Ya. K.* Explanatory dictionary of the living great Russian language by V. I. Dal. *Proceedings of J. K. Grot.* Vol. II. Philological research. Saint-Petersburg: Printing house of the Moscow travel community, 1899. P. 1–45.

5. *Kankava M. V.* V. I. Dal as a lexicographer. Tbilisi, 1958. 356 p. (In Russ).

6. *Ridiger F. V.* Certificate. *Description of the bridge built on the Visle river for the passage of lieutenant general Ridegera detachment.* Saint-Petersburg: N. Grecha pudl., 1833. P. 42–46. (In Russ).

7. *Pakhman I. Kh.* Outline of a new academic dictionary from the point of view of a foreign language. Saint-Petersburg: Imperial academy of sciences publ., 1899. 39 p. (In Russ).

8. *Shakhmatov A. A.* Note about the "Dictionary of the Russian language". Extracts from protocols. *Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences.* Saint-Petersburg: Imperial academy of sciences publ., 1899. Vol. 64. P. XII–XVI. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марина Николаевна Приемышева, *доктор филологических наук, заместитель директора по научной работе, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук*

Marina N. Priemysheva, *Dr. of Sci. (Philol.), Deputy Director for Scientific Work, Institute of Linguistic Research, Russian Academy of Sciences*

Статья поступила в редакцию 29.06.2021; одобрена после рецензирования 20.07.2021; принята к публикации 23.07.2021.

The article was submitted 29.06.2021; approved after reviewing 20.07.2021; accepted for publication 23.07.2021.

ХРОНИКА

CHRONICLE

Юбилейные «Ларинские чтения»

Anniversary "Larin's readings"

17 января 2021 г. в Санкт-Петербурге проходили традиционные «Ларинские чтения». В этому году они были приурочены к 60-летию Межкафедрального словарного кабинета имени профессора Б. А. Ларина (далее – МСК). Конференция состоялась в онлайн-режиме. Ее организаторами выступили преподаватели и сотрудники Санкт-Петербургского государственного университета – ученики и соратники выдающегося русского филолога Б. А. Ларина, сохраняющие традиции Школы Срезневского – Бодуэна де Куртенэ – Щербы.

В начале открытого заседания выступили руководители МСК В. М. Мокиенко (СПбГУ) и Е. В. Генералова (СПбГУ), подчеркнувшие актуальность чтений как своеобразного культурного моста между прошлой (классической) лингвистикой и наукой XXI в. Были обозначены основные темы и проблемы чтений: крупные научные проекты Ларинской школы, и прежде всего словари, малоизвестные имена и события из истории отечественной науки.

Л. Я. Костючук (Псковский государственный университет) выступила с докладом «Идеи Бориса Александровича Ларина и их воплощение за 60 лет». Она осветила наиболее яркие достижения ученого, получившие развитие в последующие годы, и подчеркнула исключительные организаторские способности Б. А. Ларина, его чутье заниматься интересными, редкими, глубокими темами: от составления древнерусского словаря до социолингвистики и изучения языка писателей. И. С. Лутовинова (СПбГУ), ученица Бориса Александровича, рассказала об одном из центральных проектов Ларинской школы – «Псковском областном словаре с историческими данными», справедливо назвав его «уникальным лексикографическим проектом XX–XXI вв.». О. И. Фонякова (СПбГУ) поделилась с участниками чтений воспоминаниями о начальном этапе работы над «Словарем автобиографической трилогии М. Горького» под руководством Б. А. Ларина в 1953–1963 гг. Н. В. Сивенкова (СПбГУ) обратила внимание слушателей на славистические интересы Б. А. Ларина, его любовь к культуре и литературным традициям славянских народов. Ее доклад «К вопросу о проблемах применения компьютерных технологий при лексикографическом описании поэтического текста (на примере “Словаря поэзии Николы Вапцарова”)» в свете новых механизмов исследования словарного фонда вызвал большой интерес аудитории.

Завершил чтения О. В. Никитин (МГОУ) с докладом «Из эпистолярного наследия Б. А. Ларина (переписка с В. И. Чернышевым)». Ученый представил неопубликованные письма, в которых обсуждались проекты создания «Русского арготического словаря» и сборника «Язык города», была показана атмосфера научных поисков в среде ленинградских филологов конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Кроме докладчиков участниками чтений были также сотрудники других кафедр СПбГУ (А. В. Андронов) и Института лингвистических исследований РАН (С. Св. Волков, М. Н. Приемышева), аспиранты и молодые ученые.

Видеозапись юбилейного заседания доступна по ссылке: https://drive.google.com/drive/folders/1TNTZcGIv3YkMYAPWO0KEsmaUlXkqHcak?usp=sharing

Очередные «Ларинские чтения» состоятся в январе 2022 года.

Международная научная конференция «Метафорическая картина мира современной художественной прозы»

The international scientific conference "The metaphorical world picture of modern prose fiction"

10–11 марта 2021 г. в Институте русского языка имени В. В. Виноградова РАН и Институте славистики Дебреценского университета (Венгрия) проходила международная научная конференция, посвященная изучению актуальных проблем языка и культуры художественного текста. Среди выступивших на онлайн-конференции были представители вузов и академических учреждений Москвы, Екатеринбурга, Тулы, Чебоксар, Читы. Иностранных участников представляли венгерские слависты из Будапешта и Дебрецена.

В состав оргкомитета конференции вошли известные российские и зарубежные ученые, авторы трудов и методических разработок по языку современной прозы: З. Ю. Петрова (ИРЯ РАН, председатель), Й. Горетич и А. Молнар (Институт славистики Дебреценского университета), Н. А. Николина (МПГУ), Н. А. Фатеева (ИРЯ РАН).

Большой интерес участников конференции вызвали кросс-культурные метафилологические вопросы, связанные с изучением компаративных тропов и межтекстовых отношений. Это дискутируемые в современной филологии проблемы идиостиля, классификация метафор и сравнений, образные элементы текста, фразеология, национальная специфика тропов в русской и венгерской художественной прозе, семантическая классификация метафор и др. Эти темы выступлений вписывались в общую стратегию конференции, центральным понятийным звеном которой была *метафорическая картина мира*, ее содержание и эволюция.

Указанные и новые аспекты освещения заявленной проблематики получили реализацию в докладах Н. Б. Ивановой (Москва) о романе-метафоре в современной русской прозе, Й. Горетича (Дебрецен) о растительных метафорах в «Производственном романе» Петера Эстерхази, И. Молнар (Дебрецен) о метафорике желтой звезды в романе Имре Кертеса «Без судьбы», Н. А. Фатеевой (Москва) о функциях писателя, книги и читателя сквозь призму метафоры в книге Д. Рубиной «Одинокий пишущий человек», Л. О. Чернейко (Москва) о семантике метафоризатора в свете его аксиологических возможностей в публицистическом и художественном типах текста, Л. Л. Шестаковой (Москва) о средствах создания образности в произведениях Д. Данилова, О. И. Северской (Москва) об иероглифичности системы тропов как прообразе Китая в романе А. Драгомощенко «Китайское солнце». А. В. Гик (Москва) рассмотрела семантические преобразования в романе З. Прилепина «Обитель». В докладе К. Хорват (Венгрия) были проанализированы различные теории метафоры. Д. А. Романов (Тула) рассказал о метафорической картине детского сознания в романе Е. Г. Водолазкина «Брисбен». Ю. В. Звездина (Чита) поделилась наблюдениями о динамике развертывания метафорических словесных рядов в современной русской прозе. Н. А. Николина и З. Ю. Петрова (Москва) исследовали гастрономическую лексику в компаративных конструкциях современной русской прозы. Доклады С. Л. Михеевой и О. А. Дмитриевой (Чебоксары) были посвящены изучению метафор и компаративных тропов в произведениях В. Пелевина.

Конференция показала заинтересованность ученых в разработке новых подходов к современному изучению художественных текстов. По ее итогам издан сборник научных трудов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Викторович Никитин, *доктор филологических наук, профессор, кафедра истории русского языка и общего языкознания, Московский государственный областной университет*

Oleg V. Nikitin, *Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of History of the Russian Language and General Linguistics, Moscow Region State University*

Круглый стол «Диалектология и лингвистическая география. 3. Эволюция диалектных систем»

Round table "Dialectology and linguistic geography. 3. The evolution of dialect systems"

3–4 апреля 2021 г. в Институте лингвистики РГГУ проходило заседание третьего международного круглого стола, посвященного большой и малой истории языков и диалектов. Конференция традиционно проводится в линейном формате без разделения на секции. 33 прочитанных доклада были распределены по двум дням.

3 апреля состоялась сессия докладов по русской диалектологии. В докладах по сегментной и суперсегментной фонетике рассматривались особенности фразовой интонации с пословным тональным оформлением, в сегментной фонетике показан результат сравнения двух срезов в вокализме первого предударного слога одного селигеро-торжковского говора. Межуровневые проблемы рассматривались в докладе о поведении приставки *з-* в архангельских говорах и в сообщении о различиях в употреблении «второго родительного», анализировалась также диалектная аспектуальная семантика глаголов.

Значительная часть докладов была посвящена лексическому и семантическому анализу диалектизмов. Предметом лингвокультурного и структурного исследования стала лексика «поясничной боли» в русских говорах, мотивационный анализ названий пальцев, семантическое и территориальное варьирование лексем с корнем *змей/змий* в архангельских говорах, семантика общерусского прилагательного *«зелёный»*, а также семантика, структура и функционирование диалектных благопожеланий.

Часть сообщений включала широкий ареальный контекст. Докладчики представили данные об устойчивых и изменчивых особенностях вторичных говоров с южнорусской основой на территории Самарского Заволжья, о пространственном распределении исходных и вторичных структурных вариантов в восточнославянской лексике, о функционировании диалектной лексики в среднерусских говорах и о русско-украинских лексических схождениях в словаре донских казаков.

Проблемы эволюционных аспектов диалектных систем представлены докладами о сохранности диалектных черт у представителей разных поколений в Хиславичском районе Смоленской области, а также докладом об отражении реалий технического прогресса в лексике старообрядцев Южной Америки.

В первый день также были прочитаны доклады о диалектных явлениях в псковских рукописях XIV–XV вв., о речи жителей Белёвского района Тульской области по материалам записей 60-х гг. XX в., а также об электронной мультимедийной системе «Говор северной деревни» и перспективах ее использования в диалектологических исследованиях.

Второй день был посвящен множеству других языков. Так, в докладах рассматривалось территориальное варьирование славянских, иранских и уральских языков, тихоокеанский языковой союз; были представлены доклады про китайские особенности группы Минь, древне- и новогреческие явления, а также арабские диалекты.

Программа размещена на сайте Института лингвистики РГГУ: http://www.il.rggu.ru.

Видеозапись докладов можно посмотреть на YouTube-канале Института: https://www.youtube.com/user/ilrggu, описание снабжено тайм-кодами.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Игорь Игоревич Исаев, *кандидат филологических наук, директор Института лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет*

Igor I. Isaev, *Cand. of Sci. (Philol.), Director, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities*

Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Далевские чтения» («Дали Даля»)

The all-Russia (with international participation) scientific and training conference "Dal's readings" ("Dal's horizons")

20–21 мая 2021 г. на историко-филологическом факультете Белгородского национального исследовательского университета состоялась Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Далевские чтения» («Дали Даля»), посвященная 220-летию со дня рождения В. И. Даля и приуроченная к традиционным майским Дням славянской письменности и культуры.

В число организаторов этого впервые организуемого в Белгороде научного мероприятия, помимо педагогического института НИУ «БелГУ», входило региональное отделение Общества русской словесности во имя митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), а также Луганский государственный университет им. В. И. Даля и Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, что позволило создать межвузовское пространство для конструктивного обсуждения лексикографических проблем и вопросов развития идей В. И. Даля в профессиональном сообществе.

В качестве основных целей конференции рассматривались популяризация и актуализация имени и творчества В. И. Даля в год 220-летия со дня его рождения, определение перспективных направлений исследований по заявленной чтениями проблематике, развитие творческого потенциала и профессиональных компетенций будущих учителей русского языка.

В офлайн и онлайн-формате в чтениях приняли участие ученые из Москвы, Нижнего Новгорода, Луганска, Брянска, Пензы, Орла, Тулы, Рязани, Симферополя, Сыктывкара, из республик Казахстан и Узбекистан. На двух пленарных заседаниях и в ходе работы на четырех секциях выступило более 60 участников, среди которых были и известные ученые, и школьные учителя, и начинающие исследователи языка: аспиранты, магистранты и студенты.

Первое пленарное заседание открыл М. А. Грачёв (Фонд «Наследие творчества В. И. Даля», Нижний Новгород). В своем выступлении он подчеркнул патриотизм взглядов и поступков В. И. Даля, его твердую гражданскую позицию. В. К. Харченко (Белгород) обратилась к пассионарному потенциалу личности В. И. Даля, проявившемуся в его влиянии не только на современников, но и потомков. В. И. Ковалёв (Луганск) обозначил далевские традиции в научно-креативных проектах луганских студентов – земляков знаменитого ученого. А. В. Петров (Симферополь) показал, какая информация о Крыме имеется в знаменитом Словаре. В. В. Чистов (Казахстан) обратился к этнокультурной специфике пословичного фонда Даля и его среднеазиатских последователей. Т. Ф. Новикова (Белгород) напомнила важнейший завет Даля потомкам – «подорожить народным языком» – и привела примеры бережного отношения к народному языку современников.

Естественно, активнее всех на Далевской конференции были белгородские филологи; их доклады были интересны и разнообразны по проблематике. И. И. Чумак-Жунь представила В. И. Даля как друга и соратника Пушкина, автора «Воспоминаний о Пушкине», назвав свой доклад образно и ярко – «Алмазные искры»; С. А. Кошарная и Е. Г. Озерова рассмотрели «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля как лингвокультурный феномен и как источник русского искусства; М. В. Половнева представила творчество и деятельность Даля в оценке В. Г. Белинского и других известных людей XIX века.

В центре внимания участников чтений неизменно был знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля – и как объект исследования, и как инструмент, как своего рода матрица филологического анализа явлений современного русского языка,

классической литературы и текстов нашего времени. Приведем примеры этого ракурса исследований: Н. М. Голева (Белгород) проанализировала поэтику лексикографического текста в Словаре Даля; В. В. Демичева (Белгород) обратилась к анализу феминативов «баба» и «жена» в Словаре В. И. Даля; Н. А. Красовская (Тула) продемонстрировала возможность составления узколокального диалектного словаря в современных условиях; С. С. Нередкова (Луганск) описала далевскую методологию исследования окружающей речевой среды; И. И. Жиленкова (Белгород) проанализировала особенности региональной топонимики с опорой на Словарь В. И. Даля; Л. В. Илюкина (Рязань) систематизировала рязанскую пищевую лексику в Словаре В. И. Даля.

Участники конференции активно обращались к литературным текстам В. И. Даля, к произведениям других русских писателей. Л. В. Алёшина (Орёл) показала роль «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля в изучении языка Н. С. Лескова; Н. В. Атаманова (Брянск) сравнила звукообозначения в поэтическом идиолекте Ф. И. Тютчева и в Словаре В. И. Даля; И. Г. Родионова (Пенза) обратилась к уникальной далевской фразеологии; молодые ученые Г. Ю. Мальцева и Д. А. Черемохина (Белгород) рассмотрели на материале пословиц В. И. Даля одну из важнейших констант лингвокультуры – концепт «Жизнь» – в русской этноязыковой картине мира.

Широко рассматривались актуальные дидактические и лингвометодические проблемы изучения наследия В. И. Даля в вузе и школе. Г. И. Канакина и Л. Б. Гурьянова (Пенза) обозначили роль наследия В. И. Даля в подготовке современного учителя-словесника; Г. И. Пашкова (Белгород) предложила и ярко проиллюстрировала новые модели внеурочной деятельности по русскому языку, основанные на обращении к имени и наследию великого ученого; И. Т. Сорокина (Белгородская обл.) назвала свой доклад «Осознание слова» и показала в нем, как можно использовать Словарь Даля при подготовке к ОГЭ и ЕГЭ, а ее коллеги В. М. Проненко и Р. А. Мигаль обратились к частным вопросам изучения лингвистического и литературного наследия Даля в современной школе; А. Э. Шаповалова (Белгород) продемонстрировала возможности инновационных технологий при освоении иностранцами слов и понятий из Словаря В. И. Даля.

В рамках Далевских чтений также состоялся творческий конкурс для студентов и школьников по трем рубрикам: «Слово о слове», «Ты и твое имя», «Имя дома твоего». Участники творческих конкурсов должны были представить в коротком (5–7 минут) видеоролике яркую, запоминающуюся информацию об одном из слов русского языка. В творческих мероприятиях принимали участие учащиеся VI–XI классов школ, студенты колледжей и вузов.

Далевские чтения оставили яркий след в научной и творческой жизни историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. По итогам научного мероприятия издан сборник статей «Дали Даля», размещенный в РИНЦ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Федоровна Новикова, *доктор педагогических наук, профессор, кафедра русского языка и русской литературы, Педагогический институт, Белгородский национальный исследовательский университет*

Tatyana F. Novikova, *Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Department of Russian Language and Russian Literature, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University*

Сергей Павлович Праведников
(к 60-летию со дня рождения)
Sergey Pavlovich Pravednikov
(to the 60th anniversary of the birth)

17 июля 2021 года исполнилось 60 лет со дня рождения доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русского языка и декана филологического факультета Курского государственного университета (КГУ) Сергея Павловича Праведникова – ученого редкого лингвистического дара, человеческого обаяния и благородства, тонкого, мудрого, ироничного и бесконечно влюбленного в стихию языка русского фольклора. С. П. Праведников как представитель Курской школы лингвофольклористики во многом шел по стопам своих учителей – профессоров Ю. И. Юдина и А. Т. Хроленко, которые черпали филологические откровения у подлинных мастеров отечественной словесности: В. Я. Проппа, Д. С. Лихачева, П. Г. Богатырева, А. П. Евгеньевой. Поэтому даже сейчас в стенах Курского государственного университета заметны черты ленинградской (петербургской) школы филологии с ее вниманием к поэтике и философии сказки, к истории культуры и языку героического эпоса и обычным, но почему-то редким ныне уважительным отношением к истокам научного знания – ученым классической дореволюционной школы, поколению первопроходцев в науке. Эти свойства в полной мере проявились и в творческой биографии юбиляра, курянина по рождению, духу и преданности родной земле.

В 1987 г. С. П. Праведников окончил Курский государственный педагогический институт, получив специальность учителя русского языка и литературы средней школы. В 1994 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Семантико-функциональная характеристика имени числительного в фольклорном тексте (на материале различных фольклорных жанров)», а в 2011 г. – докторскую, в которой продолжил развивать идеи своего учителя и соратника профессора А. Т. Хроленко. Диссертация «Территориальная дифференциация языка русского фольклора» решала новые проблемы на стыке лингвистики и фольклористики. Автор доказал, что в языке устного народного творчества отразились диалектные стихии, закрепленные в содержании текстов.

В сферу научных интересов ученого входят также филологическая регионалистика, изучение языка художественных произведений писателей Курского края, история и теория языкознания, вопросы методики лингвистического образования. Недавняя его публикация «Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края» (Т. 1–3. Курск, 2019–2020) является первым полным исследованием сказок, выполненным на базе лаборатории фольклорной лексикографии КГУ.

В 2018 г. С. П. Праведникову присвоено звание профессора. С июня 2019 г. он – декан филологического факультета КГУ. Вся жизнь С. П. Праведникова связана с alma mater. Он прошел путь от ассистента до декана одного из старейших подразделений этого пединститута, ставшего впоследствии классическим университетом. Всегда внимательный к коллегам, доброжелательный и мягкий, он мужественно идет по непростой дороге филолога, знает и любит свой коллектив, пользуется искренним уважением ученых из других вузов и академических учреждений.

Желаем профессору С. П. Праведникову оптимизма, новых интересных идей и творческого вдохновения вопреки рутинной «бухгалтерии» администратора, порядочных учеников и доброго здоровья на многая лета.

Филологический факультет Курского государственного университета
Факультет русской филологии Московского государственного областного университета

ISSN 2541–8793

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе и дома

2021. – Т. 21. – № 5

Научно-популярный и научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК
в школе и дома

5
2021
сентябрь
октябрь

Издатель – ООО «Наш язык» Выходит 6 раз в год ISSN 2541–8793

12 +

Слова текут – вода живая 3

5 Дидактический материал

У нас на уроке 11

16 А я делаю так …

Рабочая тетрадь 18

21 Игры. Шарады

Кроссворд 23

24 Ответы

Слова текут — вода живая

Рабовладелец

При словах *рабовладелец*, *рабовладение*, *рабовладельческий* перед нами невольно возникает картина античного мира, Древний Рим, Древняя Греция… Поэтому мы с удивлением читаем в ССРЛЯ, что в русском языке эти слова фиксируются не ранее середины 50-х – начала 60-х гг. XIX в. Ещё более удивляет то, что тексты, в которых мы их находим в указанное время, повествуют не об античности, а о новом времени.

Американцы очень хорошо понимали, что быть рабовладельцем не значит ещё быть аристократом. – А. Н. Доброл[юбов] «Путеш[ествие] по Сев[еро]-Амер[иканским] штатам» Лакиера. [1859] (Словарь современного русского языка: в 17 т. – М.; Л., 1950–1965. – Т. XII. – С. 9).

Воспитанный сам в рабовладельческом штате, полковник Фремон явился однакож энергическим противником невольничества (Русский вестник. Журнал литературный и политический. М.; СПб., 1856–1906. – 1856. – Т. IV. – Кн. 2. – Июль. – С. 89).

Большинство помещиков не согласится не только на безвозмездное владение землёю, но едва согласится на выкуп; оно слишком завязло в любви не к одному землевладению, но и к рабовладению (Колокол: газета А. И. Герцена и Н. П. Огарёва. Вольная русская типография. Лондон; Женева, 1857–1867. – 1859. – II. – С. 307. – Факс. изд. – М., 1962).

Существительное *рабовладелец* в русских текстах, повествующих о порядках в США, появилось в результате калькирования англ. slaveholder (slave ‘раб’, holder ‘владелец’). С самого начала оно имело отрицательную коннотацию и вместе с ней стало употребляться в предреформенную и пореформенную эпоху по отношению к русским крепостникам. Раньше, когда речь заходила о рабовладении в США, пользовались словом *невольничество*.

…Garrison, почтенный пастор, который открыто порицал невольничество негров, попался в руки толпы (Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. СПб., 1834–1865. – 1838. – XXX. – Отд. III. – С. 24).

Слова *рабовладение* и *невольничество* как синонимы продолжают существовать и ныне.

Применительно к античности рассматриваемые нами слова появляются только в 80-е гг. XIX в. Так, в «Заграничном вестнике» мы находим словосочетание *рабовладельческий период* (Заграничный вестник. Учёно-литературный журнал, издаваемый В. Коршем. – СПб., 1881–1883. – 1881. – Дек. – I. – С. 728).

Существительные *рабовладелец* и *рабовладение* широко употребляются на рубеже XIX–XX вв. в связи с распространением идей К. Маркса и Ф. Энгельса об эволюции способов производства и влиянии этого процесса на структуру общества.

Н. С. АРАПОВА
Москва

Следопыт

Роман Ф. Купера *The Pathfinder* увидел свет в 1840 г. и в том же году был опубликован в «Отечественных записках» под названием «Путеводитель в пустыне», а в 1841 г. вышел отдельным изданием. Он получил высокую оценку в статье В. Г. Белинского «Русская литература в 1840 году» (1841 г.). Русское название романа вызвало резкую критику со стороны В. И. Даля.

В романе *Путеводитель в пустыне*, по-русски *степной вожак*, есть прозвище *Открыватель следов*, и это такой же выродок грамотейства, как и само заглавие… английское pathfinder в точности переводится русским *выследчик*; но, во-первых, в словарях наших нет ни *выследчика*, ни даже глагола *выслеживать*, *выследить*; во-вторых, английское составлено из двух слов, стало быть, и нам надо, бросив своё слово или даже и не ища его, сковать новое, из двух же, а затем, указывая на уродливое детище своё, попенять на неуклюжесть русского языка! (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1956. – Т. I, А–З. – Напутное слово. – С. XIV).

В словарях глагол *выследить* фиксируется поздно, но в текстах он известен с конца XVII в.

Предложенное же В. И. Далем слово *выследчик* в русском языке не закрепилось. Вместо него в русском языке появилось существительное *следопыт*. Его нельзя рассматривать как словообразовательную кальку англ. pathfinder, так как англ. path значит ‘дорожка; путь’, finder ‘искатель’. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона роман называется «Открыватель следов». Словом *следопыт* именовался главный герой этого произведения – охотник Натаниэль Бампо, умело отыскивающий зверей по оставленным ими следам. В хронике Н. С. Лескова «Соборяне» читаем:

…все тропы и дороги, по которым Ахилла, как американский следопыт, будет выслеживать своего врага, учителя Варнавку… (Лесков Н. С. Соборяне // Полн. собр. соч. – М., 1902. – Т. 1. – С. 87).

Семью годами ранее мы находим следующее рассуждение:

Г. Вольф с г. Коковцовым упорно продолжают дело перековеркивания Купера. Как это они не придумали и этому роману [Последний из могикан. – *Н. А.*] затейливого названия вроде *Зверобоя* (вм. Дирслейера) или *Следопыта* (вм. Патфайндера)! Видно уж изобретательность истощилась! (Книжный вестник. – 1865. – С. 373).

Однако несмотря на подобные заявления, слово *следопыт* прижилось в русском языке и расширило своё значение. В современном языке *следопыт* означает не только (и не столько) опытного охотника, но вообще человека, упорно и умело отыскивающего что-то или кого-то.

Готовясь к 35-летию Победы, красные следопыты Дворца пионеров разыскали ветеранов 112-го отдельного лыжного батальона, изучили его боевой путь и вместе с ветеранами батальона совершили поход по местам боев – по героическому Подмосковью (Народное образование. – 1983. – Вып. 1–6. – С. 56).

Н. С. АРАПОВА
Москва

Дидактический материал

Диалектные слова

(Дидактический материал к урокам русского языка. VI класс)

(*Продолжение*)

Задание 8. Запишите к данным диалектизмам синонимы из литературного языка.

Бирюк – …; кочет –…; гуторить – …; шибко – …; баз – …; грудок – …; векша – …; бурак – …; батожья – …; дежа – …; гашник – …; стерня – …; озимь (в северных говорах), зеленя́ (в южных говорах) – …; изба (в северных говорах), хата (в южнорусских говорах) – …; пи́мы (в Сибири), чёсанки (на юге) – …

(К л ю ч: бирюк – волк; кочет – петух; гуторить – говорить; шибко – быстро; баз – двор; грудок – костёр; векша – белка; бурак – свёкла; батожья – щавель; дежа – квашня; гашник – пояс; стерня – жнивьё; озимь, зеленя – всходы ржи; изба, хата – дом; пимы, чёсанки – валенки.)

● Диалектные слова нельзя использовать в повседневной речи, так как это будет затруднять общение. Но знать значения диалектных слов, наиболее часто встречающихся в текстах художественной литературы, необходимо.

В чём ценность данного пласта русской лексики? С какой целью писатели используют диалектные слова в своих произведениях?

Задание 9. Имеют ли следующие диалектизмы синонимы в литературном языке? Чем это можно объяснить? К какой группе диалектизмов относятся эти слова?

Панёва (юбка), чекмень (верхняя мужская одежда), рыбник (пирог с запечённой целой рыбой), коты (берестяные лапти), побережник (название ветра у поморов), журавель (рычаг для подъёма воды из колодца)

(К л ю ч: эти диалектизмы – названия местных предметов и явлений, поэтому они не имеют синонимов в литературном языке.)

Задание 10. Прочитайте текст. О какой разновидности диалектизмов в нём рассказывается?

В нашей огромной стране много областей; в нашем языке немало диалектов, местных говоров. Даже такие близкие города, как Москва и Ленинград, и те говорят не совсем одинаково: москвичи выговаривают «скушна», а ленинградцы – «скучна»; в Москве известный прибор для письма называют «ручкой», а в Ленинграде – «вставочка»… Одна и та же фамилия – ну, скажем, Мусоргский – в Ленинграде произносится «Мусоргский», как и пишется; в Москве – как нечто среднее между

Мусорг-ской

Мусорг-скай = Мусорг-ск?й

Мусорг-скый

Есть области, где даже сейчас вы услышите такие странные окончания, как «испей квaскю», «кликни Ванькю»… Есть места, жители которых всё ещё произносят вместо сочетания звуков «дн» совсем другое – «нн»: «анно» вместо *одно*, «на нно» вместо *на дно*.

Областей и говоров много, а русский язык один…

(По Л. Успенскому)

● Как вы понимаете смысл фразы Л. Успенского: «Областей и говоров много, а русский язык один…»?

Задание 11. Прочитайте следующий текст. Почему герой долго не мог понять речь людей вологодского городка?

Лет двадцать назад проходил я студенческую практику в вологодской газете. Редактор отправил меня в командировку по письму в райцентр Сямжа. <…>

Вот приехал на сямженскую автостанцию, стал ждать местный автобус. Он и подкатил вскоре – потрёпанный, с остатками жёлтой краски на боках. В автобусе женщины весело и бойко говорят о чём-то, смеются. Прислушиваюсь к разговору – не понимаю, о чём речь. Говорят люди по-русски, это я слышу, а слов не понимаю ни одного. А потом они петь стали, будто причитать. Песня была примерно такая:

Через рицьку-то, рицюшку, о-ой,

Лежала дошшеницька, да-а…

Только к концу того длинного летнего дня я стал понимать, что мне люди говорят, стал догадываться, о чём поют.

Тогда я впервые понял, что язык, которым мы говорим в городе, – это асфальтированная дорожка вдоль большой, как Волга, реки. А вот эта река с тысячью притоков и несметным множеством ручейков и есть живой, как говорил Владимир Иванович Даль, великорусский язык.

(Д. Шеваров. Добрые лица XX века)

● Приведите несколько примеров диалектных слов. Что они означают?

● Какая разновидность диалектизмов представлена в песне, отрывок из которой приведён в тексте? (В случае затруднения обратитесь за помощью к материалам таблицы – задание 7.)

Задание 12. Прочитайте. Выпишите диалектные слова, объясните их значения. Определите вид диалектизмов (грамматические, лексико-фонетические, семантические, словообразовательные, собственно лексические, фонетические, этнографические).

Родное слово

(Отрывок)

Кладь, медунка, подполозок, соты, –
С детства мил мне этот лексикон.
Чувства меры нет у кого-то –
Говорили: «Обудоха он».
Из какого древнего запечья
Это слово вышло за порог?..

(Я. Вохменцев)

● Поразмышляйте, используя практический материал стихотворения Я. Вохменцева: почему русский народ придумал именно такие названия для обозначения определённых предметов (явлений)?

Задание 13. Прочитайте стихотворение. Определите настроение лирического героя. Какова главная мысль стихотворных строк Н. Брауна?

Слова России

С детства вслушивался я в слово,
Я, как птицу, его ловил.
Что ни слово – мне было ново,
Слово ел я и слово пил.
Слышал: тутошний,
Слышал: тамошний,
Слышал ёмкое – напрямки́,
В речке камешки звали – камушки,
Звали ямы с водой – буки́…

(Н. Б р а у н)

● Выпишите диалектные слова, объясните их значение.

● Какие виды диалектизмов представлены в стихотворении (грамматические, лексико-фонетические, семантические, словообразовательные, собственно лексические, фонетические, этнографические)? (В случае затруднения воспользуйтесь таблицей – см. задание 7.)

Задание 14. Прочитайте текст. Определите его стиль. Аргументируйте свой ответ.

В основе своей диалекты – это говоры крестьянского населения. Диалекты до сих пор сохранили фонетические, морфологические и синтаксические особенности. Литературный язык постоянно черпает из диалектов новые выразительные средства.

Из диалектов в литературный язык пришли слова *стог* (*сено*), *копна*, *омуль*, *зыбь*, *мямлить*, *хилый*, *земляника*, *цапля*, *стрекоза*, *учёба*, *косовица*, *глухомань*, *новосёл*.

Многие русские писатели и поэты – Н. Гоголь, И. Тургенев, А. Кольцов, Н. Некрасов, Д. Мамин-Сибиряк, П. Бажов и др. – использовали диалектные слова как одно из выразительных средств языка. Вспомните «Бежин луг» И. Тургенева, стихи Н. Некрасова, сказы П. Бажова.

(А. Т. А р с и р и й)

● Раскройте содержание второго предложения текста. Проиллюстрируйте его примерами диалектов. (Воспользуйтесь таблицей – см. задание 7.)

● Запишите несколько диалектных слов той местности, где вы живёте (или где живут ваши бабушки и дедушки). Определите вид диалектизмов.

Задание 15. Прочитайте стихотворение А. Яшина «Осень». Найдите диалектное слово; выясните его лексическое значение. Какую роль играет диалектное слово в тексте стихотворения?

Осень

Осень листья сжигает
На жёлтом огне.
Ветер рвёт их и мечет,
Расстилает холсты,
На кустах, будто свечи, –
Щеглы, клесты.
Лён темнеет на стлищах,
Собрать бы успеть!
Рыба омуты ищет,
Берлогу – медведь.
Даже мышки-полёвки
Спешат, гнёзда вьют.
Все боятся зимовки,
Всем дорог уют.

● Подчеркните слова, употреблённые в переносном значении. Какие выразительные средства языка они создают?

(*Окончание следует.*)

Л. А. АКСЕНОВА,
учитель русского языка и литературы
МБОУ СШ № 1
им. Героя Советского Союза Н. А. Кузнецова,
г. Чаплыгин Липецкой области

Дидактический материал с региональным компонентом для подготовки школьников к олимпиаде по русскому языку

(на материале кубанских фитонимов)

(*Продолжение*)

Задания для VII–VIII классов

Задание 1. В кубанских говорах зарегистрированы фразеологизмы с компонентом-фитонимом, в состав которых входят имена прилагательные. Определите, какие из прилагательных в составе приведённых устойчивых выражений обладают символическим значением. Укажите это значение.

Чёрная барыня ‘боярышник с чёрными ягодами’, *куга зелёная* ‘молодой неопытный человек’ (*куга* ‘камыш озёрный’), *жёлтый как дыня* ‘о человеке болезненного вида’, *жизнь як красна перчина* ‘о тяжёлой, полной горестей жизни’.

Методический комментарий. Выполняя задание, школьники узнают о том, что имена прилагательные в народной культуре могут иметь символическое значение.

Ключи. Зелёный цвет символизирует незрелость, неопытность, молодость. Жёлтый – болезнь, несчастье. Красный и чёрный в приведённых выражениях употребляются в прямом значении, обозначают цвет.

Задание 2. К диалектным фразеологизмам, зарегистрированным на территории Кубани, подберите синонимичные фразеологизмы из современного русского языка.

А) *бурьян зелёный* ‘молодой неопытный человек’; Б) *на вербе груши* ‘небылицы’; В) *репьях в(у) крапынку* ‘о нелепом человеке’; Г) *покраснеть как бурак* ‘сделаться красным’; Д) *через ковыль-костыль* ‘плохо, кое-как’; Е) *худой як гычка* ‘об очень худом человеке’ (*гычка* ‘кочерыжка капусты’).

Методический комментарий. Задание направлено на выяснение знания учащимися фразеологии русского языка, на развитие образного мышления и языкового чутья.

Ключи. А) желторотый птенец, молоко на губах не обсохло; Б) развесистая клюква; В) чудо в перьях; Г) покраснеть ~ как мак, как помидор, как свёкла; Д) через пень колоду, спустя рукава; Е) худой как селёдка.

Задание 3. Найдите в отрывках из фольклорных произведений и в высказываниях носителей кубанских говоров названия растений. Чем они отличаются от литературных названий на фонетическом, морфологическом, словообразовательном уровнях?

А) *Твай’о л’ич’ико й’ак пышна калына* (Захарченко В. Г. Народные песни Кубани: Из репертуара Государственного кубанского казачьего хора. – Краснодар, 1987. – С. 147). Б) *П’иона у Ан’юты розова б’ила*. В) *В этам гаду была мала фрукты*. Г) *П’ишлы д’евоч’ки по яг’идоч’ки, а парубк’и тай по грыбочк’и* (Мартыненко Л. Б., Степанов Л. А. Календарный обрядовый фолькор Кубани. Весенний и летне-осенний циклы. – Краснодар, 2008. – С. 74). Д) *Есть слива, есть абракоса, а то – яблонька*.

Методический комментарий. Выполняя задание, учащиеся отрабатывают навыки лингвистического анализа слов на различных языковых уровнях.

Ключи. А) отличия на фонетическом уровне: [л] (*калына*) – [л’] (*калина*); Б) отличия на морфологическом уровне: ж. р. (*пиона*) – м. р. (*пион*); В) отличия на морфологическом уровне: ж. р. (*фрукта*) – м. р. (*фрукт*); Г) отличия на словообразовательном

и фонетическом уровнях: суффикс *-очк-*, корневой гласный [и] (*ягидочки*) – суффикс *-к-*, корневой гласный [о] (*ягодки*); отличия на фонетическом уровне: [р] (*грыбочки*) – [р'] (*грибочки*); Д) отличие на фонетическом и морфологическом уровнях: корневые гласный [а] и согласный [р], ж. р. (*абракоса*) – корневые гласный [и] и согласный [р'], м. р. (*абрикос*).

Задание 4. Диалектизм *кабак* 'тыква' одинаково читается слева направо и справа налево. Как называются такие слова? Приведите подобные примеры из литературного языка.

Методический комментарий. Выполняя задание, учащиеся расширяют свой терминологический аппарат, развивают способность подбирать в литературном языке аналогичные примеры.

К л ю ч и. Такие слова называют палиндромами. Примеры палиндромов в русском литературном языке: *казак*, *поп*, *топот*, *шалаш*.

Задания для IX класса

Задание 1. В кубанском диалекте много слов тюркского происхождения, что присуще многим казачьим говорам, к которым относятся и говоры Кубани. Для тюркизмов характерно такое фонетическое явление, как сингармонизм. Прочитайте приведённые кубанские фитонимы-тюркизмы и объясните на их примере, что такое сингармонизм.

Кабак 'тыква', *кермек* 'съедобное растение с высоким стеблем; обладающее лечебными свойствами', *тала* 'ива прутьевидная'.

Методический комментарий. Выполняя задание, школьники расширяют свой терминологический аппарат, развивают способность анализировать языковые факты, находить в них общий лингвистический признак.

К л ю ч и. Сингармонизм, или гармония гласных, – уподобление гласных предшествующим гласным.

Задание 2. Укажите, из каких перечисленных ниже словарей взяты словарные статьи. Назовите тип каждого словаря и поясните их назначение.

Словари: Большой энциклопедический словарь (1997); Б о р и с о в а О. Г. Опыт словаря кубанских говоров (2018); Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка (1950–1958); О ж е г о в С. И., Ш в е д о в а Н. Ю. Толковый словарь русского языка (2005); Словарь русских народных говоров (1965–2018).

Кермек

А) Кермек, род многолетних трав, реже полукустарников сем. Свинчатковых. Свыше 200 видов, на всех континентах, но преимущественно от Средиземноморья до Центральной Азии; часто растут на засолённых почвах. Некоторые образуют т.н. перекати-поле. Многие кермеки декоративные растения, некоторые – сырьё для производства дубильных и красильных веществ.

Б) Кермек [кэрмэ́к], -а, мн. не употр., *м.* Съедобное растение с высоким стеблем; обладает лечебными свойствами. Crambe orientalis. *Кэрмэ́к? Трава́ така́я* (Новоберез.). *Кэрмэ́к – трава́ на кла́дбищи. Я и дитэ́й паи́ла от пано́са* (Копан., Белик., Старотит.).

В) Кермек, кермяк, кармяк «дубильный корень». Заимств. из тюрк., ср. казах. kermäk «горькая степная трава», также «горький».

Г) Кермек и кермяк, а́, *м.* 1. Растение Coniolimon tataricum Boiss, сем. Свинчатковых; гониолимон татарский. Кавказ., Даль. Южн., Дон. 2. Растение Limonium latifolium Kuntze, сем. свинчатковых; кермек широколистный. Дон., Анненков.

Баклажан

А) Баклажан [баклажа́н], -а, -ы, м. *Устар*. Помидор. *Баклажа́ны – это помидо́ры зва́лы* (Новопавл., Ахмет., Брат., Линейн., Марьян., Новопокр., Старомыш.).

Б) Баклажан – растение «Solanum esculentum». Заимств. через тур. patlydžan «баклажан».

В) Баклажан – многолетнее травянистое растение рода паслён семейства паслёновых. Овощная культура (в плодах сахара́, белки, дубильные вещества, витамины С, В1, РР), на всех континентах.

Г) Баклажа́н, -а, *род*. *мн*. -ов, *м*. Огородное растение сем. паслёновых с продолговатым, обычно темно-фиолетовым плодом, а также плод его. || *прил*. баклажанный, -ая, -ое. *Баклажанная икра*.

Д) Баклажан, -а, *м*. Растение Lycopersicum esculentum Mill., сем. пасленовых; помидор, томат. Даль [без указ. места]. Верхне-Дон., 1929. *Баклажа́ны обрезать надо и тычки ставить*. Курск. Орл.

Методический комментарий. В процессе выполнения задания акцентируется внимание учащихся на том, как одна и та же лексическая единица может быть представлена в энциклопедическом и лингвистических словарях различных типов. Сопоставление словарных статей позволяет наглядно продемонстрировать разную направленность лексикографических изданий.

К л ю ч и. В задании предложены словарные статьи из следующих типов словарей:

Кермек – А) энциклопедический словарь, Б) региональный диалектный словарь, В) этимологический словарь, Г) полидиалектный словарь.

Баклажан – А) региональный диалектный словарь, Б) этимологический, В) энциклопедический словарь, Г) толковый словарь, Д) полидиалектный словарь.

Энциклопедический словарь не даёт языковой (лексической, грамматической, стилистической и др.) характеристики слов. Из его словарных статей можно узнать общую информацию о понятии. Толковые, диалектные и этимологические словари относятся к лингвистическим. Толковый словарь объясняет лексическое значение слов. В диалектных словарях описывается лексика одного говора (региональные словари) или группы диалектов (полидиалектные словари). В этимологических словарях содержится информация о происхождении слов.

(*Окончание следует*.)

О. Г. БОРИСОВА,
профессор,
Кубанский государственный университет
Д. А. ЛИТВИНЕНКО,
учитель русского языка и литературы,
МБОУ СОШ № 19 им. Героя Советского Союза Марины Расковой,
г. Краснодар

Афоризмы для заданий и проектов[1]

V–VI классы

1. Бывает, что лист тонет, а камень плывёт. (Японская мудрость)
2. В улыбающееся лицо стрелу не пускают. (Японская мудрость)
3. Великий повелитель тот, кто умеет повелевать собой. (Арабская мудрость)
4. Глубокие реки неслышно текут. (Японская мудрость)
5. Голодного спросили: «Сколько будет одиножды один?». Он ответил: «Одна лепёшка». (Арабская мудрость)
6. Горьким быть – расплюют, сладким быть – проглотят. (Пословица)
7. Для умного – печать, а для глупого – замо́к. (Пословица)
8. Жалость со слезами, а доброта с мозолями. (Пословица)
9. Жизнь – не существительное, а глагол. (Ш. П е р к и н с Г и л м а н)
10. Когда ты утверждал это в первый раз – я тебе поверил, когда ты сказал во второй – я усомнился, в третий раз – я понял, что ты врешь. (Китайская мудрость)
11. Кто сильно желает подняться наверх, тот придумает лестницу. (Японская мудрость)
12. Люди одиноки, потому что вместо мостов они строят стены. (С. Ежи Л е ц)
13. Люди, которые читают книги, всегда будут управлять теми, кто смотрит телевизор. (Ф. Ж а н л ис)
14. Мозг чаще ржавеет, чем изнашивается. (К. Б о в и)
15. Мы бы погибли, если бы мы не погибали. (Ф е м и с т о к л)
16. Некоторые люди настолько бедны, что всё, что у них есть – это деньги. (С е н е к а)
17. Нужно уметь читать. Прежде чем писать, нужно уметь читать. (М. Ц в е т а е в а)
18. Победа достаётся тому, кто вытерпит на полчаса больше, чем его противник. (Японская мудрость)
19. Подумав – решайся, а решившись – не думай. (Японская мудрость)
20. Самые главные вещи на свете – это не вещи. (Н. Солнцева)
21. Сделай всё, что сможешь, а в остальном положись на судьбу. (Японская мудрость)
22. Смелость – это защищать себя от другого. Достоинство – это защищать другого от себя. (Черногорский писатель)
23. Спросить – стыдно на минуту, а не знать – стыд на всю жизнь. (Японская мудрость)
24. Тебе мешают не те горы впереди, на которые ты должен взобраться, тебе мешает камушек в твоих ботинках. (М. А л и)

[1] Приложение к статье: *Малкова Ю. В.* Работа с афоризмами в школе (система аналитических, творческих и проектных заданий) // Русский язык в школе. – 2021. – Т. 82. – № 5. – С. 37–47. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-5-37-47.

25. Только у ленивого исследователя в лаборатории абсолютный порядок. (А. Эйнштейн)

26. У немого врагов нет. (Бенгальская мудрость)

27. Улыбка не всегда означает, что человек счастлив, иногда она означает, что человек сильный. (Японская мудрость)

28. Хижина, где смеются, богаче дворца, где скучают. (Китайская мудрость)

29. Я плакал о том, что у меня нет ботинок, до тех пор, пока не встретил безногого. (Восточная мудрость)

30. Я слышу – и я забываю. Я вижу – и я помню. Я делаю – и я понимаю. (К о н ф у ц и й)

VII–IX классы

1. Ветер задувает свечу, но раздувает костёр. (Л а р о ш ф у к о)

2. Всякая личность начинается тогда, когда чувствует потребность выйти из толпы. (Г. П о м е р а н ц)

3. Горе, как рваное платье, надо оставлять дома. (Японская мудрость)

4. Длина нашей жизни не в нашей власти, но в нашей власти её ширина, глубина, высота. (К. Д у ш е н к о)

5. Дурак видит не то же самое дерево, которое видит мудрец. (У. Б л э й к)

6. Жизнь – это искусство извлекать утешительные выводы из неутешительных посылок. (С. Б а т л е р)

7. Жизнь – это картина, которую мы пишем, а не задача, которую надо решить. (О. Х о л м с)

8. Иногда большая часть побеждает лучшую. (Тит Л и в и й)

9. Иногда надо рассмешить людей, чтобы отвлечь их от намерения вас повесить. (Б. Ш о у)

10. Иногда то, что мы знаем, бессильно против того, что мы чувствуем. (С. К и н г)

11. Ирония – это оскорбление, переодетое комплиментом. (К. К р а у с)

12. Крыша над головой часто не позволяет людям расти. (С. Ежи Л е ц)

13. Кто-то привёл к Аристиппу в обучение сына; Аристипп запросил 500 драхм. Отец сказал: «За эти деньги я могу купить раба». – «Купи, – сказал Аристипп, – и у тебя будут целых два раба». (Д и о г е н)

14. Лучше быть врагом хорошего человека, чем другом плохого. (Японская мудрость)

15. Мозг хорошо устроенный стоит больше, чем мозг хорошо наполненный. (М о н т е н ь)

16. Некоторые считают, что воров обкрадывать честно. (В. Б у т у л е с к у)

17. Одно зеркало важнее целой галереи портретов предков. (В. М е н ц е л ь)

18. Одни люди размышляют о том, как устроен мир, другие думают – как устроить мир, а третьи – как устроиться в мире. (Современное шутливое высказывание)

19. Палка, которой ты бьёшь своего отца, когда-нибудь понадобится твоему сыну. (Осетинская мудрость)

20. Порода сильнее пастбища. (Дж. Э л и о т)

21. Посетить все музеи мира и вспоминать только цены на билет. (В. Б у т у л е с к у)

22. Правду в глаза лучше всего говорить на ухо. (Л. Н а в р о ц к и й)

23. Самурай без меча подобен самураю с мечом. Только он без меча. (П. К р у с а н о в)

24. Сильный не тот, кто может положить на лопатки одним взглядом, а тот, кто может одной улыбкой поднять с колен. (Ж. Б и н о ш)

25. Твоё ДА ничего не стоит, если ты не способен сказать НЕТ. (О ш о)

26. У того, кто смеётся последним, обычно недостаёт переднего зуба. («Пшекруй»)

27. У человека с чистой совестью, вероятно, слабая память. (Л. П и т е р)

28. Уши завидуют глазам. Ведь у них есть веки. (В. Б у т у л е с к у)

29. Хорошие манеры – лучшая защита от плохих манер тех, кто нас окружает. (Ф. Ч е с т е р ф и л ь д)

30. Хороший художник способен нарисовать бегуна без ног. (К. К р а у с)

31. Хорошо поддаются воспитанию как раз те, кто не нуждается в воспитании. (Ф. И с к а н д е р)

32. Чем больше читаешь, тем меньше подражаешь. (Ж. Р е н а р)

33. Честь – это память о предках. (И. Г р а ч ё в а)

34. Я встречал много красивых одежд, внутри которых не было людей. (Д. Р у м и)

35. Только поверхностные люди не судят по внешности. (О. У а й л ь д)

36. Слабый всегда уступает дорогу сильному. И только самый сильный уступает дорогу всем. (М. Э й в е)

X–XI классы

1. «Бог умер», – Ницше. «Ницше умер», – Бог. (NN)

2. Искренность – просто недостаток самообладания. (Я. И п о х о р с к а я)

3. Больше всего в любви нуждается тот, кто её не заслуживает. (Я. К о р ч а к)

4. Брошенные дети часто живут с родителями. (Педагогическое наблюдение)

5. Быть взрослым – значит быть одиноким. (Ж. Р о с т а н)

6. В 18 лет вас заботит, что о вас думают; в 40 лет вам наплевать на то, что о вас думают; в 60 вы уже знаете, что никто особо не думал о вас. (Э. Д э н и э л)

7. Вам никогда не удастся вырастить мудрецов, если вы будете убивать в детях шалунов. (Ж.-Ж. Р у с с о)

8. Время – деньги, за которые мы должны купить вечность. (Хосе Мария де Б а л а н г е р)

9. Всякий слышит лишь то, что понимает. (П л а в т)

10. Высшая свобода – это возможность выбрать рабство по своему вкусу. (Ш. Н о д ь е)

11. Глаз, коим я взираю на Бога, есть тот же самый глаз, коим он взирает на меня. (А. С и л е з и у с)

12. Границы моего мира определены границами моего языка. (Л. В и т г е н ш т е й н)

13. Дипломат всегда знает, что спросить, когда не знает, что ответить. (К. М е л и х а н)

14. Европа и Азия – это не география, а состояния души. (А. К о р я к о в ц е в)

15. Если вы попадете в рай, вы удивитесь, встретив там знакомых, которых вовсе не ожидали там встретить. Многие из их будут удивлены ещё больше, встретив там вас. (Современное шутливое высказывание)

16. Если учёный не может объяснить восьмилетнему мальчику, чем он занимается, то он шарлатан. (К. В о н н е г у т)

17. Там, где все горбаты, прекрасная фигура становится уродством. (О. де Б а л ь з а к)

18. Жизнь – трагедия для тех, кто живёт чувствами, и комедия для тех, кто живёт умом. (Л а б р ю й е р)

19. Жизнь – это заглядывание в разные зеркала в поисках собственного лица. (В. Б а р т о ш е в с к и й)

20. Жизнь как чужой язык: все говорят с акцентом. (К. М о р л и)

21. Иные из тех, что боятся взглянуть в глаза будущему, не подозревают, что будущее может показать им зад. (С. Ежи Л е ц)

22. Ирония призвана восстановить то, что разрушил пафос. (С. Ежи Л е ц)

23. История – это всегда версия Каина. (И. Бродский)

24. Кому он нужен – такой младенец, устами которого глаголет истина? (Л. Леонидов)

25. Кто в молодости не был революционером – у того нет сердца. Кто в старости не стал консерватором – у того нет мозгов. (У. Черчилль)

26. Кто не знает чужих языков, не знает ничего о своём. (Гёте)

27. Культура начинается с запретов. (Ю. Лотман)

28. Мало быть правым. Надо быть правым вовремя. (Э. Кроткий)

29. Мне потребовалась целая жизнь, чтобы понять, что вовсе не нужно понимать всё на свете. (Р. Коти)

30. Молодёжь: категория людей, которые выражают свою оригинальность тем, что одеваются одинаково. (Я. Ипохорская)

31. Мудрость – это не морщины, а извилины. (В. Жемчужников)

32. Мы страдаем не столько от сердечной недостаточности, сколько от недостаточной сердечности. (Ю. Шанин)

33. На каждого заведующего есть свой завидующий. (Э. Кроткий)

34. Наш мир никогда не бывает лучше нашей речи. (В. Бибихин)

35. Не зная иностранных языков, ты никогда не поймёшь молчание иностранца. (С. Ежи Лец)

36. Несправедливость по отношению к одному представляет угрозу для всех. (Ш. Монтескье)

37. Нет ничего глупее жизни, в которой не было совершено ни одной глупости. (А. Конар)

38. Противоположностью истины является другая истина. (Ж. Вольфром)

39. Рациональное воспитание делает человека менее счастливым, чтобы его окружение было менее несчастливым. (Т. Котарбиньский)

40. Самое главное в нашей жизни чаще всего происходит в наше отсутствие. (С. Рушди)

41. Свобода есть право на неравенство. (Н. Бердяев)

42. Сохрани нас Бог от рая, из которого нет выхода! (У. Зыбура)

43. Счастье – это ангел с серьёзным лицом. (Модильяни)

44. Счастье – это не станция назначения, а способ путешествия. (М. Ранбек)

45. Твои взгляды мне ненавистны, но я всю жизнь буду бороться за твоё право отстаивать их. (Вольтер)

46. У Бога добавки не просят. (С. Довлатов)

47. У каждого века есть своё средневековье. (С. Ежи Лец)

48. Учёный – не тот, кто дает правильные ответы, а тот, кто ставит правильные вопросы. (К. Леви-Стросс)

49. Хорошее искусство кажется древним своим современникам и современным – их потомкам. (Плутарх)

50. Хорошие манеры трудно сохранить в бедности. (Л. Хеллман)

51. Цель воспитания – научить наших детей обходиться без нас. (Э. Легуве)

52. Не бедность невыносима, а презрение. Я могу обходиться без всего, но я не хочу, чтобы об этом знали. (Вольтер).

53. Если вы сами цените себя невысоко, мир не предложит вам ни на грош больше. (С. Хени)

54. Человек, который слишком стар, чтобы учиться, по всей вероятности, всегда был слишком стар, чтобы учиться. (Г. Хаскинс)

55. Чрезмерная учтивость влечёт просьбу. (Китайская пословица)

56. Чтобы изменить человека, нужно начинать с его бабушки. (В. Гюго)

57. Несчастна страна, у которой нет героев. (П. Буаст)

58. В конечном счете ничто так не помогает победе истины, как сопротивление ей. (У. Чаннинг)

59. Сегодняшняя морфология – это вчерашний синтаксис. Части речи – это застывшие синтаксические роли. (Т. Гивон)

60. Мне всегда было непонятно – люди стыдятся бедности и не стыдятся богатства. (Ф. Раневская)

61. Некоторые пословицы противоречат одна другой. В этом, собственно, и заключается народная мудрость. (С. Ежи Лец)

62. Несчастна страна, которая нуждается в героях. (Б. Брехт)

63. Каждый из нас должен твердо знать, что он немногого стоит. В самом деле, только те, кто это знает, хоть чего-нибудь да стоят. (Р. Акутагава)

64. Язык, лишённый полисемии, превратился бы в «лингвистический ад». (О. Есперсен)

65. Есть слова, которые мы боимся писать с маленькой буквы несмотря на то, что грамматика нам это позволяет. (В. Бутулеску)

66. Тот, кто экономит на школах, будет строить тюрьмы. (Отто Бисмарк)

67. Нет величия там, где нет простоты, добра и правды. (Л. Толстой)

68. Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть ещё нечто более прекрасное – это любовь к истине. (П. Чаадаев)

69. Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклонённой головой, с запертыми устами. (П. Чаадаев)

70. Выбирай мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не на основании их политических программ, на земле было бы меньше горя. (И. Бродский)

71. Для человека, начитавшегося Диккенса, выстрелить в себе подобного во имя какой бы то ни было идеи затруднительнее, чем для человека, Диккенса не читавшего. (И. Бродский)

Ю. В. МАЛКОВА
Санкт-Петербургская академия
постдипломного педагогического образования,
Санкт-Петербург

А я делаю так...

«Орфограммы-скакалочки»

«Никто из нас не будет хорошо учиться под давлением, когда нам страшно или скучно, а это то, что случается с большинством детей в школе». С этим утверждением известного учителя Л. С. Айзермана я полностью согласен. Досадно ученику, когда ошибается с ответом. Обидно, что учитель в присутствии всех указывает на промахи. Страшно, если в дневнике гнездится очередная двойка. Но всего хуже, когда появляется отвращение к учению и отчаянное нежелание ходить в школу.

…Большая перемена. На школьном дворе пятиклассницы со скакалочками. Одна из них, потенциальная второгодница, от которой на уроке ни слова не добьёшься, проворно прыгает через скакалочку, быстро приговаривая:

На Кавказских горах
Жил да был падишах.
И была у падишаха
Белоснежная папаха.

Эврика! А если мне, учителю, сочинить свои «орфограммы-скакалочки»? Во-первых, стихотворный вариант правила запоминается легче. Во-вторых, он включает в себя эстетическую, образную и игровую составляющие, которые делают текст орфограммы более доступным. Кроме того, переписанные в отдельную тетрадь и снабжённые рисунками стихотворные орфограммы становятся для учащегося понятнее. И наконец, произносимые на каждом уроке хором, они не только развивают мышление, память, но и дают возможность каждому учащемуся испытать удовольствие от учения. Мне удалось изложить в стихотворном варианте полсотни орфограмм. Практическое применение их на уроках русского языка в течение многих лет неизменно сказывалось на повышении грамотности моих учеников. Но самое главное – на уроках всегда возникало бесконфликтное, доброжелательное, пробуждающее интерес к родному языку сотрудничество учителя с учащимися. Надеюсь, что публикация моих «орфограмм-скакалочек» поможет учителю русского языка не только облегчить тяжёлое бремя современного учения, но и наладить творческое содружество с учащимися.

Орфограмма № 1

С орфограммой самой первой
Расставаться не спеши.
С орфограммой этой первой
Слово правильно пиши.

В словах с безударными гласными
Ошибок нельзя допускать.
Слова с безударными гласными
Так надо всегда изменять,
Чтоб гласные при изменении
Оказывались под ударением.
И, конечно, надо знать:
В положенье безударном
Ту же букву, что в ударном,
В слове следует писать.

*Л**и**сá – л**и́**сы, л**е**сá – л**е́**с.*
*На в**е**сáх тяжелов**е́**с.*

Орфограмма № 2

Орфограмму номер два
За год выучишь едва.
Ряд словарных слов огромен,
Их и за год не запомнить.
Но яви своё старанье,
Понапрасну не горюй.
Этих слов правописанье
Изучай по словарю.

*М**а**г**а**зин и к**е**р**о**син,*
*М**а**нд**а**рин и **а**п**е**льсин,*
*М**а**рм**е**лад и ш**о**к**о**лад,*
*М**а**к**а**роны, в**е**рм**и**шель,*
*Г**и**мн**а**стёрка и ш**и**нель,*
*С**а**п**о**ги, с**а**ндалии,*
*Те**нн**ис и так далее.*

Орфограммы № 3–4

Орфограммы три, четыре
Знай, как дважды два – четыре.
Если в слове звук согласный
Как-то слышится неясно
Иль не слышится никак,
Изменяем слово так,
Чтобы этот звук согласный
Прозвучал довольно ясно.
*В руки взяв не пру**т**, а пру**ти**к,*
*Я вошёл не в пру**д**, а в пру**ди**к.*
Подо мной не дно, а донышко,
*И не со**л**нце там, а со**л**н**ы**шко.*

Орфограмма № 5

Орфограмму номер пять
Просто выучить на «пять».
После ***Ж, Ч, Ш*** и ***Щ***
Пишем только ***И, У, А.***
*Ч**у**до, **жи**ть, по**ща**да, **щу**ка.*
Так писать велит наука.
Исключенье есть и тут:
***Жю**ри, бро**шю**ра, пара**шю**т.*

Орфограмма № 6

В орфограмме номер шесть
Твёрдый знак и мягкий есть.
Если в слове есть добавка –
На согласную приставка,
Смело пред ***Е, Ё, Ю, Я***
Твёрдый знак поставлю я.
*Ужин с**ъе**л и сном об**ъя**т*
*Необ**ъя**тный ад**ъю**тант.*
Остальное всё пустяк.
В корне пишем мягкий знак.
*Шью бел**ьё**, сол**ью** бул**ь**о**н**,*
*Воробь**и**ный баталь**о**н.*

Орфограмма № 7

Орфограмма номер семь
Быть должна понятной всем.
Это очевидно,
Ясно предельно.
Приставки пишем слитно,
Предлоги – раздельно.
По широкой (*по какой?*)
По дорожке
*По**б**ежали над рекой*
Босоножки.

Орфограмма № 8

С орфограммой номер восемь
В сумму знаний лепту вносим.
Мы навсегда запомним эту истину:
У существительных всегда –
и только так –
Лишь в женском роде и в числе
единственном
После шипящих пишем мягкий знак.
*Немо**щь**, пусто**шь**, молодё**жь** –*
Мягкий знак ты тут найдёшь,
А в словах: *товарищ, врач*
(мужской род)
Дач, училищ, передач
(множественное число)
Не найдёшь его, хоть плачь.

Орфограмма № 9

В орфограмме номер девять
Нам нельзя ошибок делать.
В сочетаньях с ***Ч*** и ***Щ***
Перед, после ***Ч*** и ***Щ***
Мягкость хоть и слышится,
Мягкий знак не пишется.
*На шесте висел скворе**чн**ик,*
*По доще**чк**е прыгал пте**нч**ик,*
*Мо**щн**ый ветер шест ка**чн**ул,*
*Пте**нч**ик крыльями взмахнул.*
Сочетанья с ***Л***, однако,
Мы напишем с мягким знаком.
*Пи**льщ**ик дерево пилил,*
*Ма**льч**ик-с-па**льч**ик слёзы лил.*

(*Продолжение следует.*)

В. Ф. ЛУНЁВ,
Отличник просвещения,
заслуженный учитель России,
станица Советская,
Кировский р-он, Ставропольский край

Слитно-дефисно-раздельные написания

Правописание предлогов

1. Прочитайте текст. Какова его основная мысль? Аргументируйте ответ. Спишите, вставляя пропущенные буквы и раскрывая скобки. Являются ли предлоги членами предложения?

Вы выходите (в) п..ход (по) д..рогам Родины, (на) просторы Отечества. Никто (не) воз..мётся переч..слить всего, что стоит за этим ёмким словом – Отечество.

Но всё же можно сказать, что п..нятие Родины – это и память (обо) всём, что нам дорого (в) прошлом, это и дела, и люди нынешних дней, это и родная земля (со) всем, что р..стёт и дыш..т (на) ней. И ещё это забота (о) её завтр..шнем дне.

(В. П е с к о в)

2. Напишите развёрнутые ответы на поставленные вопросы. Подчеркните предлоги вместе со словами, к которым они относятся (в вопросах и ответах).

1) Память о ком (или о чём) хранят и берегут в вашем доме? 2) Несмотря на усталость после школьных занятий, ты помогаешь родителям по дому? 3) О чём ты мечтаешь? 4) С кем бы ты хотел отправиться в кругосветное путешествие? 5) В течение какого времени вы живёте в своём доме?

3. Спишите, заменяя выделенные в предложениях предлоги другими предлогами, близкими по значению.

1. *Ввиду* сложности дополнительного задания по географии я не смог его выполнить. 2. Парк аттракционов *в виде* космического корабля построили *близ* нового жилого микрорайона. 3. Почувствовать себя *посреди* звёздного неба в планетарии помогают современные звуковые и видеоэффекты. 4. Для посетителей экстремальных аттракционов *в целях* безопасности специалисты проводят инструктаж. 5. В парке *возле* одного из аттракционов я купил маленькую копию космического корабля.

4. Из данных слов составьте и запишите предложения, добавляя нужные предлоги.

1. Море, рыбаки, ушли.
2. Шторм, море, непогоды, разыгрался.
3. Помощь, лётчики, рыбакам, поспешили.
4. Пробираться, сложно, очень, было, лётчикам, туман.
5. Трудности, полёта, лётчики, вернулись, землю, всеми, рыбаками.

5. Расскажите, какие предлоги в русском языке пишутся через дефис. Проиллюстрируйте свой рассказ примерами из данных ниже предложений и собственными примерами.

1. По-за Днепром весенний гром, широкие раскаты… (А. С о ф р о н о в) 2. И солнце раздвигает клубы дыма из-за холмов из-за моей спины… (С. О р л о в) 3. Из-под коряги смотрит сом, свернувшись серым колесом. (С. О р л о в) 4. И ветер гудит перекатный, как степь по-над Доном, могуч. (А. С о ф р о н о в)

6. Спишите, устраняя путаницу. Подчеркните предлоги.

1. На столе сапожки, под столом лепёшки. 2. Овечки в речке, караси у печки. 3. Дед в печи, дрова на печи.

7. Прочитайте пословицы, поговорки, загадки. Выпишите из них предлоги с местоимениями, к которым они относятся. Напишите, как вы понимаете смысл пословицы 8.

1. Будет и на нашей улице праздник. 2. В гости ходить – гостей к себе водить. 3. В своём болоте и лягушка поёт. 4. Глаза бы мои на тебя не глядели. 5. По волнам дворец плывёт, на себе людей везёт. (*Корабль.*) 6. Это книга не простая – по ней буквы изучаю. (*Букварь.*) 7. И у нас не хуже, чем у других. 8. Один за всех, все за одного. 9. С кем поведёшься, от того и наберёшься.

8. Придумайте и запишите простые предложения с производными предлогами: 1) *насчёт*, *посреди*, *вроде*; 2) *за счёт*, *в связи*, *по мере*.

Определите падеж существительного (местоимения), с которым употребляется каждый данный предлог. Одно из записанных вами предложений разберите по членам.

9. Спишите. Среди выделенных слов разграничьте омонимичные наречия и предлоги. Определите, с какими падежами употребляются данные производные предлоги. Для какого стиля речи характерно употребление подчёркнутого слова?

1. Из тёмного леса *навстречу* ему идёт вдохновенный кудесник. (А. Пушкин) 2. Ветер дул *навстречу*. (А. Пушкин) 3. Пыль мчалась *вдоль* улицы лёгкими клубами. (И. Тургенев) 4. Всю эту местность он исходил вдоль и поперёк. (Л. Толстой) 5. *Впереди* всех скачет какой-нибудь рыжий космач с репейниками в спутанной гриве. (И. Тургенев) 6. *Впереди* летели старые, сильные лебеди, сзади летели те, которые были моложе и слабее. (Л. Толстой) 7. С трудом взобралась старушка на телегу и уселась *посерёдке*, прямо на сене. (Г. Успенский) 8. *Посерёдке* высокой горницы стоял чудовищно громадный кедровый стол. (В. Липатов)

10. Объясните, где в данных примерах производные предлоги, а где существительные в предложном падеже с непроизводным предлогом *в*. Составьте с данными словами предложения. Запишите их, в производных предлогах обозначьте орфограммы.

В течение – в течении, в продолжение – в продолжении.

11. Спишите. Устно объясните написание выделенных слов и укажите, к какой части речи они относятся.

1. *Ввиду* недостатка влаги. Катер плыл по речной глади *в виду* берега. Иметь *в виду*. *В виде* исключения. 2. Перечислить деньги *на счёт* фестиваля. Договориться *насчёт* поездки. 3. *Вследствие* наводнения. *В следствии* по делу обнаружены подлоги. Вмешиваться *в следствие* посторонним категорически запрещается. 4. *В продолжение* длительного времени мы оставались жить в горах. *В продолжении* романа будут описаны новые приключения героев.

12. Придумайте и запишите с производными предлогами *благодаря*, *согласно* сложные предложения. Начертите пунктуационные схемы этих предложений.

13. Напишите аргументированный ответ на вопрос: «Как отличить производные предлоги *в течение*, *в продолжение*, *в отношении* от существительных *течение*, *продолжение*, *отношение* с непроизводным предлогом *в*?»

14. Напишите сочинение на лингвистическую тему «Омонимичные наречия и предлоги». Какой стиль речи вы использовали в своём высказывании и почему?

15. Используя специальную литературу или материалы из Интернета, расскажите, вследствие какого сражения великий русский полководец М. Кутузов получил алмазный знак. Употребите в своём высказывании не менее пяти производных предлогов.

16. Подготовьтесь к словарному диктанту. Устно объясните правописание производных и непроизводных составных предлогов. С двумя-тремя словосочетаниями, включающими производные предлоги, запишите сложные бессоюзные предложения. Начертите их схемы.

1. Ввиду недостатка времени; следует иметь в виду; вследствие тяжёлой болезни; поговорить насчёт работы; изделие наподобие кувшина; похож на подобие этих фигур; пришёл, несмотря на усталость; что-то вроде воспоминаний; шёл навстречу ветру; приехал на встречу со старым другом; увидел в течении реки; рассказал стихотворение, не смотря в книгу; не приезжал в течение долгого времени; из-под цветущей сирени; солнце выглянуло из-за тучи; ветер гуляет по-над степью; близ озера расположился санаторий; пробирался сквозь бурьян; со всех сторон; вышёл без рубашки; бегали по полю; сдавило в груди; с царских времён; уселись под балконом; подо мной река блестит; разошлись по домам; говорили обо всём; всматривался в след на асфальте; положил деньги на счёт в банке; в отношении моего поведения; подъехал ко мне; заскочил на подножку трамвая; по мере решения проблем; в области современной медицины; мак вырос среди клевера; около деревенского колодца; в продолжении повести.

2. Проходит через поле; носил на руках; думал насчёт поездки; не приехали вследствие непогоды; занимался спортом, невзирая на возраст; бросился навстречу матери; в отличие от этого заболевания; молчал при мне; в отношении поставленного диагноза; выполз из-под куста; присел на ступеньки; выполнил контрольную работу без ошибок; украсили со всех сторон; по мере подъёма в гору; привык к лошадям; идти навстречу судьбе; вопреки моим планам; узнал для себя; выскочил из-под сарая; падая на ковёр; без вас скучно; пришёл при полном параде; интервью с артистом; рецензия на статью; около входа в театр; память об отце; между кустами жасмина; на планете Земля; на обоих деревьях; нарисовал на стене; у моего дедушки; сказка про Дюймовочку; с обеих сторон; свет от луны; на летящих паутинках; в течении горного ручья; советовался насчёт Петра; показались во мгле; прилетели в апреле; из светлой комнаты; в такое трудное время; шли в атаку; забудем о разлуке; вспоминаю сквозь года; росли вдоль болота; доехали до пустыни; расположились в палатках; пробираясь через огонь; во всех своих печалях; на древке колышется флаг; говорили на всех языках; пошутил для-ради забавы; построили напротив цирка; остановился посреди реки; в зависимости от наших отношений; в связи с утратой доверия.

3. Из-за извержения вулкана аэропорт закрыли; вследствие засухи река обмелела; в следствии по делу выяснилось много новых фактов; ремонтировали дорогу в продолжении месяца; ввиду болезни я не мог участвовать в олимпиаде; при обсуждении проекта имейте в виду моё мнение; брели вдоль обрыва; из-под ног выскочил заяц; отвечал, не смотря в свои записи; собрали хороший урожай, несмотря на дождливое лето; невзирая на трудности, мы вовремя вернулись в лагерь; забрались в самую чащу; поехали за город; встань передо мной; расположился сбоку от меня; ввиду наступления оттепели; в связи с тяжёлым материальным положением; в зависимости от личных обстоятельств; в соответствии с установленным порядком; в содружестве с другими государствами; далеко от города; убежал за околицу; встал из-за стола; пошли в кино; сделал для-ради выгоды; Саша, в отличие от друга, хорошо разбирается в физике; в стороне от шумной дороги; по направлению к детскому саду; в верхнем течении реки; за далёкой чертой; река вдоль нижнего течения создала обширную долину.

Л. Г. ЛАРИОНОВА
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону

Поэтимы

(Поэтические загадки по этимологии)

(*Продолжение*)

109. Одним перевяжем рану,
Другим перехватим косу,
А третий, немного странно, –
Протест и дебош без спросу.
О т в е т:

Бинт – «нем. *Binde* ‘повязка’»; *бант* – нем. «*Band* [бант] ‘завязка, лента’», ср. *бандероль*; *бунт* – «нем. *Bund* ‘связь, соединение, союз’» (Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – М., 2010. – Т. 1. – С. 63, 46–47, 87). Здесь примечательно единодушное оглушение конечного звонкого в русском и, конечно, разнообразие переосмыслений понятия связи тоже.

110. Как *злотый* из Польши на *злато* болгар,
Похожа *броня* на кровавую *брань*.
Как русское *золото* в первой из пар,
Создаст *оборона* такую же грань?
О т в е т:

Полногласие в восточнославянских языках (русск. *золотой*) соответствует неполногласию в южнославянских (старославянском и церковнославянском тоже), в польском им будет соответствовать *злотый* ‘денежная единица, букв. золотой’. Гипотеза состоит в том, что *броня* ‘доспех, защита’ может быть польского происхождения, ему соответствует церковнославянское *брань* ‘битва’ (позднее переосмысленное как ‘ругань’) и по регулярной пропорции чисто русское слово должно быть похожим на *бороня/*боронь, т. е. это *оборона*. Что даёт проверка по словарям? *Броня* и *бронь* ‘доспех, защита’ считается германизмом в праславянском (Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – М., 2010. – Т. 1. – С. 81). Другой корень как в *обороне* (Там же. – Т. 2. – С. 45), так и в *брани* (Там же. – Т. 1. – С. 77). Но здесь есть одна тонкость: устарелое *бо́ронь* ‘оборона’ соответствует польскому *broń* [бронь] ‘оружие’ (Ф а с м е р М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1986. – Т. 1. – С. 197), но не *бронь* как вариант слова *броня* в русском (Там же. – С. 217).

111. Есть ли с именем *Христа*
Связь названия *креста*?
Судят все о том окрест,
А в *окрест* не тот же *крест*?
О т в е т:

С первым словом всё ясно: «Греч. слово χριστός калькирует др.-евр. hamaššijah ‘помазанник (божий), т. е. царь иудейский’» (Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – М., 2010. – Т. 2. – С. 501). Ритуальное умащение специальным маслом было очень важным знаком. Про *крест* надо иметь в виду, что «согласно распространенному мнению, из праслав. *крьстъ, заимствованного из готских диалектов в Придунайских землях задолго до Кирилла и Мефодия» (Там же. – Т. 1. – С. 439). Перенос имени Христа на символ религии произошёл у готов. *Окрест* ‘вокруг’ произведено от *крест* (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1987. – Т. 3. – С. 130). Такое обозначение периферии связано с выделением четырёх сторон света, ср. *на все четыре стороны*, т. е. ‘вокруг’.

112. Монада, диада, триада...
Добавить четвёртое надо.
Но что-то мешает, никак не понять,
А занято место, здесь слово _ _ _ _.
Ответ:

Монада – в философии ‘единица, простая сущность’, от греч. μόνος ‘один’; *диада* – ‘двойная сущность или единица’ в разных дисциплинах, от греч. δύω ‘два’; *триада* – ‘троица, триединство’ в различных системах терминов, от греч. τρεῖς ‘три’; в продолжение этого ряда ожидалось бы слово *тетрада, но похожее уже у нас есть: это слово *тетрадь* – также из «сред.-греч. τετράδιον ‘четверица’; 8 листов или 16 стр. пергамента или бумаги’» (Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / сост. А. К. Шапошников. – М., 2010. – Т. 2. – С. 415). Стандартный лист складывался несколько раз, последний перегиб прошивался.

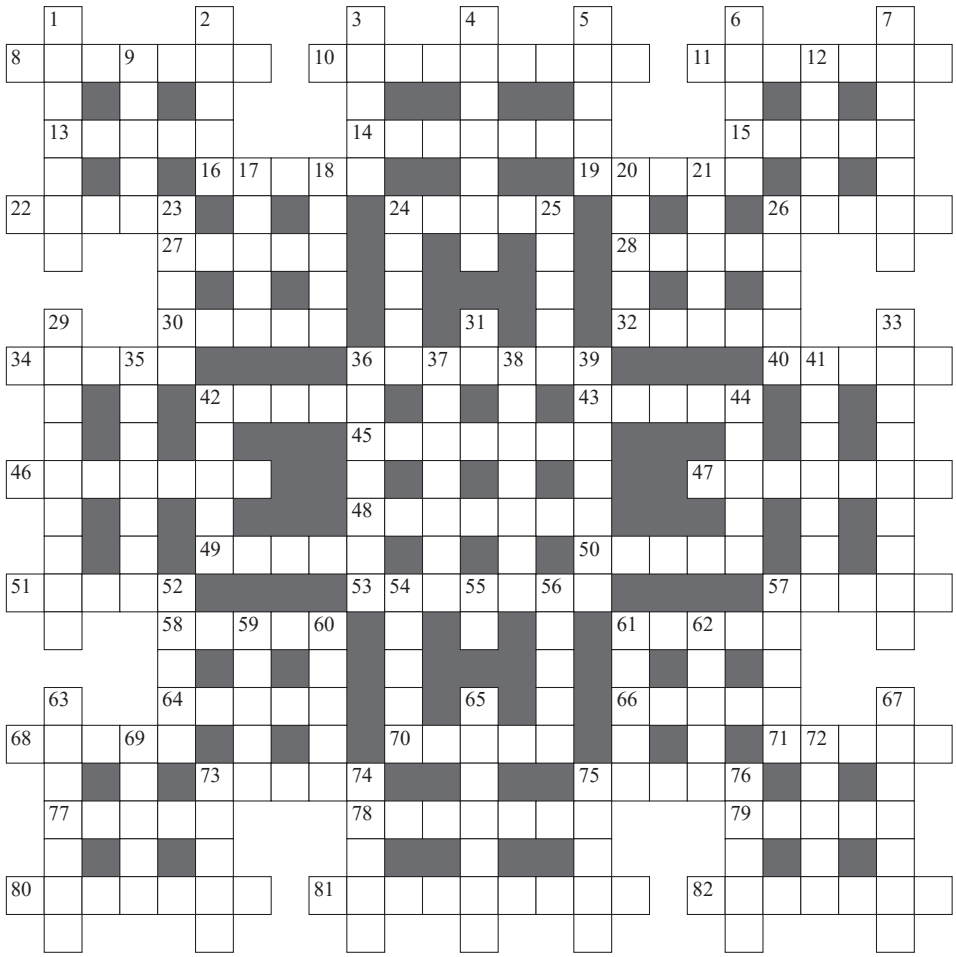
113. Похоже, не всех их роднёй надо звать,
хоть мнение не монолитно:
‘бесхвостый’, ‘фрагмент’ и ‘загрызть’, ‘смаковать’,
‘завлечь и прельстить’, ‘аппетитно’.
Ответ:

Да, не все эти слова родственны: *кус* или *кусок* ‘часть чего либо’, букв ‘откушенное’ (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1986. – Т. 2. – С. 431); *куцый* – изначально ‘с откушенным хвостом’ (Там же. – Т. 2. – С. 437), *закусать* ‘загрызть’ (Там же. – Т. 2. – С. 76) – всё это восходит к праславянскому корню с носовым гласным, как в польском *kąsać* ‘кусать’, даже *закусить*, *перекусить* ‘немного поесть’; однако совсем другой корень в похожем по смыслу *вкусить* ‘попробовать на *вкус*’, *вкусный* (Там же. – Т. 1. – С. 326), *искушать* ‘испытывать, прельщать’, *искус* ‘испытание’ (Там же. – Т. 2. – С. 141), *искусство*, *искушенность* и т. д. (Там же. – Т. 2. – С. 361) – всё это от церковносл. *вкусъ*, где нет носового гласного, ср. в польском *kusić* ‘искушать, испытывать’.

(*Продолжение следует.*)

В. В. ШАПОВАЛ
Московский городской
педагогический университет,
Москва

Кроссворд



По горизонтали. 8. Высокогорный перевал в Альпах. **10.** Сын короля. **11.** Первый в России переводчик «Илиады». **13.** Морские ворота Рима. **14.** Самодвижущаяся тележка. **15.** Новая кличка Каштанки. **16.** Один из основателей театра «Современник». **19.** Дикое, обычно хищное животное. **22.** Стая птиц, летящих углом. **24.** Персонаж сказки А. Н. Островского «Снегурочка». **26.** Главный персонаж повести «Станционный смотритель». **27.** Самая восточная страна Магриба. **28.** Звукоряд. **30.** Совокупность денежных, земельных и иных средств государства. **32.** Имя исполнительницы покушения на жизнь В. И. Ленина. **34.** Осколок полена. **36.** Глупый человек. **40.** Герой рассказа Достоевского об эпизоде из его детства. **42.** Автор пьесы «Стакан воды». **43.** Артист Малого театра, выдающийся исполнитель ролей в пьесах А. Н. Островского. **45.** Слово, которое твердил доктор Айболит. **46.** Петербургское предместье, место действия в шуточной поэме А. Пушкина. **47.** Верный, добрый и заботливый друг Мальвины. **48.** Населённый пункт в Николаевской области на Украине. **49.** Посиневший кровоподтёк. **50.** Предводитель крестьянского восстания в России в XVII в. **51.** Хищная промысловая рыба сем. карповых. **53.** Повтор в художественном произведении. **57.** Мелкая медная монета. **58.** Струнный смычковый инструмент арабского происхождения, с почти круглым корпусом и круглым небольшим отверстием для

резонанса на деке. **61.** Имя вымышленной собаки породы колли, персонажа многих фильмов и сериалов. **64.** Глубокая вертикальная пещера. **66.** Низкая часть речной долины, заливаемая во время половодья. **68.** Персонаж сказки «Репка». **70.** Автор романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена». **71.** Троянский царевич, сын Приама и Гекубы. **73.** От названия этого острова произошло слово *фара*. **75.** Кинокомедия Э. Рязанова. **77.** Правый приток Тобола. **78.** Придорожный постоялый двор. **79.** Казачий атаман, исторический завоеватель Сибири. **80.** Птица из отряда куриных. **81.** Расстояние между стартом и финишем. **82.** Город на побережье Лигурийского моря.

По вертикали. 1. Мыслитель. **2.** Животное, хранящее запасы пищи в защёчных мешках. **3.** Геометрический термин. **4.** Застывший сахарный сироп. **5.** Город на юге Ирана. **6.** Приглашённое лицо. **7.** Польский город с музеем В. Высоцкого. **17.** Экспорт. **18.** Оживший предмет гардероба в рассказе Н. Носова. **20.** Азербайджанский поэт и государственный деятель Карабахского ханства XVIII века. **21.** Повествование со сложным, разветвлённым сюжетом. **23.** Палка с загнутой верхней частью, употребляемая для опоры при ходьбе. **24.** Знак вычитания. **25.** Плод и семя злаков. **26.** Незавершённый роман Михаила Лермонтова. **29.** Общее название травянистых растений, начинающих цвести ранней весной. **33.** Легкомысленный, ветреный человек. **35.** Памятник русского средневекового оборонительного зодчества на юго-западе Ленинградской области. **36.** Небольшая круглая лепёшка из пресного теста, употребляемая при причастии католиками и протестантами. **37.** Место, где «царевна тужит». **38.** Персонаж комедии Шекспира «Много шума из ничего». **39.** Ловкач. **41.** Государство в Закавказье. **42.** Полость, пазуха. **44.** Самое известное стихотворение Э. По. **52.** Герой книги «Повелитель мух». **54.** Литовская поэтесса. **56.** Свёрток круглого сечения. **57.** Собеседник Иешуа в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». **63.** Повесть А. Пушкина – история о шестилетнем ожидании мести. **65.** Рассказ И. Бунина. **67.** Высокий детский голос. **69.** Основатель сравнительной анатомии и палеонтологии. **72.** Французский поэт, занявшийся в конце жизни торговлей кофе в Африке. **73.** Город на севере Курской области. **74.** Небольшая птица с длинными острыми крыльями, отличающаяся стремительностью полёта. **75.** Русский поэт, сценарист, драматург, прозаик, автор и исполнитель собственных песен. **76.** Стихотворение А. Пушкина.

ОТВЕТЫ Кроссворд (2021. – № 4)

По горизонтали. 7. *Критик.* **8.** *Терскол.* **10.** *Горинг.* **12.** *Азбука.* **14.** *Бочка.* **16.** *Скопин.* **17.** *Байка.* **18.** *Клише.* **19.** *Коливо.* **21.** *Бак.* **23.** *Краков.* **25.** *Шахта.* **27.** *Русак.* **30.** *Арба.* **31.** *Охра.* **33.** *Рембо.* **34.** *Макет.* **36.** *Марфа.* **38.** *Рцы.* **40.** *Хвост.* **43.** *Рожки́.* **44.** «Алеко». **46.** *Аорта.* **47.** *Город.* **48.** *Долли.* **49.** *Кредо.* **52.** *Альба.* **55.** *Комик.* **57.** *Ева.* **59.** *Галич.* **60.** *Сидор.* **61.** *Левко.* **62.** *Ялта.* **63.** *Хорь.* **65.** *Крона.* **67.** *Фляга.* **70.** *Барнео.* **73.** *Каа.* **75.** *Волхов.* **77.** *Набег.* **79.** *Верди.* **80.** *Мокрое.* **81.** *Жучка.* **82.** *Гаршин.* **83.** *Оливия.* **84.** *Кларенс.* **85.** *Мазепа.*

По вертикали. 1. *Ки́нули.* **2.** *Мирабо.* **3.** *Щерба.* **4.** *Гопак.* **5.** *Гобсек.* **6.** *Минога.* **7.** *Козлов.* **11.** *Грибов.* **13.** *Айва.* **15.** *Фита.* **20.** *Верба.* **21.** *Багор.* **22.** *Кромы.* **24.** *Рерих.* **25.** *Шарко.* **26.** *Хомяк.* **28.** *Сокол.* **29.** *Котик.* **32.** *Марафон.* **35.** *Аспирин.* **37.** *Ферми.* **39.** *Царёв.* **41.** *Вилка.* **42.** *Рак.* **43.** *Иго.* **44.** *Ада.* **46.** *Ода.* **50.** *Рысак.* **51.** *Дидро.* **53.** *Ливия.* **54.** *Блоха.* **56.** *Колье.* **57.** *Ермак.* **58.** *Альфа.* **59.** *Горло.* **64.** *Болото.* **66.** *Рыба.* **68.** *Гиря.* **69.** *Долина.* **71.** *Нержин.* **72.** *Онегин.* **74.** *Анчар.* **75.** *Вигвам.* **76.** *Лорнет.* **78.** *Гжель.*

Русский язык в школе и дома. 2021. № 5. 1–24
Редакция:
Т. А. Боброва, А. Е. Куманяева (главный редактор)
Компьютерная вёрстка – К. В. Морозов
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77–7793 от 16 апреля 2001 г.
Редакция журнала «Русский язык в школе и дома»
Адрес редакции: 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 17
Телефон/факс: +7 (495) 671–09–85. E-mail: admin@riash.ru
http://www.riash.ru/
© ООО «Наш язык». 2021

Напутное

…Источниками же или запасом для сборника служили: два или три печатных сборника прошлого века, собрания Княжевича, Снегирева, рукописные листки и тетрадки, сообщенные с разных сторон, и – главнейше – живой русский язык, а более речь народа.

<…>

Относительно приличия при браковке пословиц я держался правила: все, что можно читать вслух в обществе, не извращенном чопорностию, ни излишнею догадливостью, а потому и обидчивостию, – все это принимать в свой сборник. Чистому все чисто. Самое кощунство, если бы оно где и встретилось в народных поговорках, не должно пугать нас: мы собираем и читаем пословицы не для одной только забавы и не как наставления нравственные, а для изучения и розыска; посему мы и хотим знать все, что есть. Заметим, впрочем, что резкость или яркость и прямота выражений, в образах для нас непривычных, не всегда заключают в себе видимое нами в этом неприличие. Если мужик скажет: «Что тому богу молиться, который не милует»; или «Просил святого: пришло до слова просить клятого», – то в этом нет кощунства, потому что здесь богами и святыми, для усиления понятия, названы люди, поставленные ради святой, божеской правды, но творящие противное, заставляя обиженного и угнетенного искать защиты также путем неправды и подкупа. Самая пословица, поражая нас сближением таких противоположностей, олицетворяет только крайность и невыносимость извращенного состояния, породившего подобное изречение.

<…>

Многие изречения писателей наших, по краткости и меткости своей, стоят пословицы, и здесь нельзя не вспомнить Крылова и Грибоедова; но я включал в сборник свой те только из этих изречений, которые случилось мне слышать в виде пословиц, когда они, принятые в устную речь, пошли ходить отдельно. И потому в сборнике моем есть книжные пословицы, но я их брал не из книг, разве когда они уже прежде попали в подобные сборники и, для полноты, перешли и в мой. Есть у меня и переводные – что замечено было в виде упрека,– но я их не переводил, а принял, потому что они говорятся; есть искаженные, переиначенные, но я их не искажал, а слышал или получил в этом виде; есть речения из св. писания, и они даже большею частию переиначены, но они взяты мною не оттуда и переделаны не мною, а так они говорятся; есть пошлые, суеверные, кощунные, лжемудрые, изуверные, вздорные, но я их не сочинял; моя задача была: собрать в возможной полноте все то, что есть и каково оно есть, как запас, для дальнейшей разработки и для каких кому угодно выводов и заключений…

(*Даль В. И.* Пословицы русского народа. М.: ЭКСМО-Пресс; ННН, 2000. С. 5–8)

ISSN 0131–6141. Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 5. 1–104. Индексы: «Урал-Пресс» – 73334, «Почта России» – П3896